

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Питер О'Доннел

Модести Блейз

(Модести Блейз-1)

Глава 1

Фрейзер водрузил на нос очки так, чтобы они придавали ему тот самый вид туповатого, но добросовестного служаки, который он постоянно использовал в целях камуфляжа. Затем он почесал пальцем переносицу и уткнулся в досье, которое держал в руках.

— Осмелюсь доложить, сэр, — почтительно начал он, — что в связи с Модести Блейз у нас могут возникнуть проблемы, что не так-то просто решить.

Фрейзер поднял голову и уставился на крупного седовласого джентльмена, который стоял у окна и смотрел, как по вечернему Уайтхоллу пробегают машины.

— Когда же вы избавитесь от привычки употреблять в одной фразе два «что»? — осведомился Таррант, поворачиваясь к Фрейзеру от окна.

— Прошу прощения, сэр, — отозвался Фрейзер, всем своим видом выказывая крайнее смущение. — Впредь постараюсь быть внимательнее.

Таррант подошел к большому письменному столу в углу, сел в кресло, извлек из полированной шкатулки сигару и начал неторопливо ее раскуривать.

— Удивительная женщина, — произнес он, глядя, как тяжелые клубы дыма поднимаются к потолку. — Скажите мне, Фрейзер, вот что. Если бы вы были ребенком женского пола в сорок пятом году в лагере перемещенных лиц на Ближнем Востоке, сумели бы вы в двадцать шесть лет удалиться от дел и заработать полмиллиона фунтов стерлингов?

Фрейзер быстро прокрутил в уме разнообразные выражения лица, которыми он владел, и остановил свой выбор на обиженном со слегка поджатыми губами. Таррант пристально посмотрел на него, затем одобрительно кивнул.

— Дело в том, — продолжал он, — что нам вряд ли удастся заинтересовать ее деньгами. Особенно если учитывать, что при нашем бюджете речь может идти в лучшем случае о каких-то жалких двух тысячах в год.

Фрейзер поднял руку и почесал средним пальцем макушку с редеющими волосами.

— Кое-кто из наших людей работает вовсе не ради денег, сэр, — почтительно напомнил он.

— С другой стороны, она испытывает теплые чувства по отношению к нашей стране, — рассуждал Таррант. — По крайней мере, она решила поселиться именно у нас. И все же у меня нет уверенности, что стоит лишь протрубить трубе, и дама сломя голову помчится в бой. Нужно что-то более тонкое.

— Шантаж? — откликнулся Фрейзер, попытавшись на сей раз нацепить маску, в которой якобы органично сочетались лукавство, дерзость и отвращение. У него ничего не получилось, и он увидел, что Таррант смотрит на него с явным сочувствием.

— Нет, об этом не может быть и речи... Вряд ли у нас есть для этого достаточно мощные рычаги, Фрейзер. А кроме того, одного согласия — вынужденного согласия нам помочь — маловато.

— А что, если... — Фрейзер осекся, вытащил из папки коричневый листок и некоторое время делал вид, что изучает его. — А вдруг это может сработать?

Таррант взял листок у Фрейзера, дважды прочитал короткий текст. Прежде чем снова взглянуть на собеседника, он предположил, что тот напустит на себя вид человека неуверенного, но не теряющего надежды. Так оно и было.

Таррант задал сам себе вопрос: почему лихой разведчик с таким богатым оперативным опытом, как у Джека Фрейзера, постоянно корчит из себя неумелого глупца — особенно теперь, когда он не выполняет секретное спецзадание, а занимается разной канцелярщиной. Похоже, все дело в привычке. Эта личина сослужила Джеку добрую службу в прошлом, и теперь ему жаль расставаться с ней. Так или иначе, это была совершенно невинная игра, которая иногда приносила пользу и почти всегда забавляла Тарранта. Тем более что Таррант и Фрейзер давно и хорошо знали друг друга, и время от времени последний вполне мог отбросить свои ужимки и говорить напрямик. Поистине чужая душа — потемки...

— Наши шифровальщики прислали текст всего час назад, — сообщил Фрейзер, чуть виновато разводя руками. — Они, конечно, не

отнесли к нему с должной серьезностью, просто направили, как положено, по инстанциям... Но мне показалось, что тут, возможно...

— Кое-что имеется, — закончил за него Таррант, вернул листок и взглянул на часы. — Десять! Как вы полагаете, она не могла бы повидаться с нами сегодня же?

— Никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, — нравоучительно напомнил Фрейзер, с трудом скрывая ликование. — Как вы полагаете, может, мне попробовать позвонить ей прямо сейчас, сэр?

Вечер был приятным, теплым. Фрейзер проехал в своем «бентли» по Конституишн-Хилл и повернул возле Гайд-парка, выказав при этом неожиданную агрессивность, подрезав такси. Этот его маневр вызвал вопль негодования у таксиста, на что Фрейзер, в свою очередь, виновато пробубнил что-то, а затем выругался так, что Таррант с трудом скрыл свое восхищение.

Когда они ехали через парк, Таррант заметил:

— Ваш разговор с Модести был краток. Она не задавала никаких вопросов?

— Нет, сэр Джеральд. — Фрейзер подался вперед и, обеспокоенно вглядываясь в темноту, сказал: — Стоило мне спросить, когда она готова принять вас, она ответила: «Да хоть сейчас». Ваше имя ей явно известно.

— Так оно и есть. Дважды она посылала из Танжера Вилли Гарвина, чтобы продать мне кое-какую весьма ценную информацию. В одном случае речь шла о Насере, а в другом о том, как русские свили себе гнездышко в Ливане.

— Какое впечатление произвел на вас Гарвин, сэр?

— Алмаз, который огранен лишь частично, хотя и очень неплохо. По-английски Гарвин говорит, как это принято в Бетнал-Грине^[1], но его французский и арабский в полном порядке. У него прекрасные манеры. Чтобы поставить его на место, я пригласил его на ланч в Ранд-клуб, но он держался так, словно бывал там с юных лет. Торговался весело, но непреклонно. Держался раскованно, но с чувством собственного достоинства, словно чрезвычайный и полномочный посол правящей королевы.

— Но не как принц-консорт? — вставил Фрейзер.

— Ни в коем случае! Посланник королевы. Не более того.

— Жаль, жаль, — вздохнул Фрейзер и очередным маневром отпихнул в сторону черный «остин». — Если бы между ними что-то там имелось, это заметно укрепило бы ваши позиции. Особенно если учесть, что у Гарвина возникли проблемы.

— Да, но с другой стороны... — Таррант превратил реплику в вопрос, который надлежало договорить собеседнику.

— Сущая правда, — закивал головой Фрейзер. — Если бы Гарвин являлся принцем-консортом, у него не было бы сейчас проблем, а у нас не оказалось бы на руках козырей.

Они поравнялись с жилым комплексом, спроектированным учеником Ле Корбюзье; строительство было завершено с год назад и являло собой завидное сочетание простоты и изящества. Внизу находились бассейн, корты для игры в сквош, спортзал — я для тех, кто жил здесь, и для их гостей. Фасад был из грубого камня, ломаная линия балконов дерзко нарушала однообразие, характерное для зданий вокруг. Наверху, окнами на юг, находился пентхауз^[2], с террасой из бетонных плит, между которыми пробивалась зелень.

Пентхауз стоил семьдесят тысяч фунтов.

Они вошли в вестибюль, подошли к столу, за которым сидел швейцар в форме. Когда Таррант обратился к нему, он вежливо кивнул:

— Да, сэр. Мисс Блейз позвонила и предупредила, что ожидает вас.

Где-то вдалеке, за ковром вишневого цвета, виднелся частный лифт. Швейцар нажал кнопку, двери открылись.

— Пожалуйста. Мисс Блейз прислала за вами свой лифт. Если вы, джентльмены, войдете в него, он отвезет вас наверх, прямо к ней. Он не обслуживает другие этажи.

— Благодарю. — Таррант нажал кнопку, и лифт начал плавно подниматься, сначала медленно, потом постепенно набирая скорость. Затем лифт остановился, двери отворились, и Фрейзер с Таррантом вышли.

Они оказались в большом холле, выложенном черным и серым кафелем. За холлом простиралась огромная комната, ярдов пятнадцать в длину, заканчивавшаяся окном от пола до потолка с видом на Гайд-парк.

Комната была как бы продолжением холла, но находилась чуть ниже. От балюстрады с коваными перилами, которая отделяла холл от комнаты, вниз вели три ступеньки.

Чувствовалось, что это владения человека незаурядного. Поначалу вас охватывало ощущение тепла и простоты. Но затем вы понимали, что простота обманчива, что если приглядеться повнимательней, то апартаменты оказывались выдержаны в разных стилях, которые должны бы противоречить друг другу, но на самом деле удивительно органично сочетались.

В холле стояли два кресла в стиле Людовика XVI, а также круглый столик. Справа за зеленым бархатным занавесом имелось углубление, служившее гардеробом. Пол был выложен восьмиугольной кафельной плиткой цвета слоновой кости. По нему были разбросаны семь или восемь ярких исфаганских ковров, поражающих разнообразием орнаментов. Стены были отделаны золотистым кедром. В одной из них был встроен камин, облицованный камнем. На стенах висело с полдюжины картин и гобелен Франсуа Буше. Что касается картин, то Таррант смог опознать Миро, Брака и Модильяни. Прочие художники были ему неизвестны.

В углу комнаты на широких закруглявшихся полках стояли всевозможные украшения: часы Кафьери, увенчанные фарфоровым львом, далее — две севрские тарелки, китайская нефритовая чаша с драконом, серебряный флакон для нюхательных солей, три безделушки из слоновой кости, а также статуэтка Клодиона и шкатулка красного дерева. Комната была умело освещена, и простая обивка кресел и диванов отлично смотрелась на ярком фоне ковров. Таррант также заметил черный кожаный честерфилд^[3], два барселонских коричневых стула^[4], а также длинный низкий стол, отделанный белыми и золотистыми изразцами.

На встроенных полках по одной стене стояли книги и пластинки; судя по отсутствию порядка, ими постоянно пользовались. У полок виднелся стереопроектор, отчасти скрытый ширмой.

Но взгляд Тарранта снова и снова падал на ковры. Они наводили на него приятную меланхолию, словно прелюдии Листа.

Затем он услышал, как рядом почтительно вздохнул его спутник.

— Слоны Ганнибала! — воскликнул Фрейзер. — Вот это да!

Оба посетителя двинулись к ступенькам, отделявшим комнату от холла. Фрейзер, снова сделавшись самим собой, неловко прижимал к себе портфель и пугливо озирался по сторонам. Из открытой двери по

правой стене падала полоса зеленоватого света и слышался гул какой-то машины.

Таррант положил на стул зонтик и котелок.

— Покашляйте немножко, Фрейзер, — сказал он.

— Не стоит беспокоиться, мистер Фрейзер, — услышали они голос, в котором присутствовал легкий иностранный акцент.

Фраза прозвучала достаточно холодно, хотя и без враждебности. В проеме двери стояла женщина. Гладкая кожа, бесстрастное выражение лица, высокие скулы, темные влажные глаза. Таррант решил, что ее рост пять футов шесть дюймов, хотя благодаря прическе с шиньоном женщина казалась гораздо выше.

У нее был приятный матовый загар, который так и хотелось собрать во флакон и продать желающим за хорошие деньги. Таррант обратил внимание на ее рот. В отрыве от лица он мог бы показаться великоватым, но в сочетании с прочими чертами можно было с уверенностью сказать: рот меньших размеров смотрелся бы хуже. Таррант подумал, что шея, пожалуй, чуть Длинновата, но опять же, обратив внимание на то, как эта женщина держит голову, был вынужден признать, что шея покорооче испортила бы все впечатление. Ее ноги...

Нет, черт возьми, конечно, они отнюдь не слишком длинные! Таррант решил, что больше не поддастся оптическому обману. Эта женщина заслуживала того, чтобы воспринимать ее не по частям, а как единое целое. Как удивительное единое целое. Он поймал себя на том, что ему очень хочется увидеть ее улыбку.

На хозяйке был белоснежный облегающий свитер с воротом «поло». Рукава — небрежно засучены чуть не до локтей. Свитер был заправлен в плиссированную бордовую юбку из отличного твида. Юбка чуть прикрывала колени и держалась на широком кожаном ремне с двойной пряжкой. На загорелых ногах были золотистые сандалии без задников. Вишневый лак на ногтях хорошо сочетался с губной помадой.

Таррант спустился по ступенькам и, протянув руку, сказал:

— Мисс Блейз... Я Таррант. Позвольте представить вам моего коллегу...

Ее рука была холодной, пальцы длинными и сильными. Пожав ему руку, она повернулась к Фрейзеру, и Таррант увидел, как ее взгляд

проник за его обычную маску туповатого бюрократа, и в глазах промелькнуло: «Недооценивать опасно»; далее информация отправилась в глубины ее сознания.

— Извините за столь поздний визит, — сказал Таррант, позволив себе лишь малую толику смущения. — Надеюсь, мы вам не очень помешали?

— Нет, нет. Мне интересно с вами познакомиться. — Прямота ответа свидетельствовала о том, что хозяйке нет дела до условностей этикета. — Только я бы хотела завершить свое занятие. На это уйдет три-четыре минуты. Пожалуйста, проходите.

Она повернулась, вошла в комнату. Гости последовали за хозяйкой. Тарранту приходилось бывать в гранильной мастерской, но он впервые оказался в столь опрятном помещении. Там стояли три верстака, и возле каждого — высокий табурет. На одном из верстаков было смонтировано устройство, состоявшее из трех горизонтальных дисков, соединенных с моторчиком. За свинцовым диском — жестянка с карборундом, за деревянным — банка с наждачным порошком, за третьим, фетровым, — коробка с мастикой для полировки.

На втором верстаке стоял маленький токарный станочек, какими пользуются часовщики, снабженный шлицевой пилой — небольшой вертикальный диск в четыре дюйма, режущая кромка которого была усилена алмазной крошкой.

Модести Блейз устроилась у третьего верстака, жестом пригласив гостей усаживаться на две свободные табуретки. Она взяла в руку зажим, в котором был сапфир. Таррант издалека не мог, конечно, точно определить размер камня, но ему показалось, что в нем никак не меньше сорока каратов. Это был кабошон, и теперь Модести обрабатывала его гравировальным резцом. Она включила мотор, и станок заработал.

Лицо ее сделалось сосредоточенным. Она держала зажим обеими руками и подставляла сапфир под режущую кромку.

Таррант оглянулся. Он увидел большой стеной сейф, дверца которого была распахнута настежь. Несколько ящичков разных размеров были извлечены оттуда и стояли на верстаке, у его локтя. В одном ящике лежали неограниченные алмазы, сапфиры, изумруды, рубины — всего около дюжины. В другом ящике были камни поменьше — ограненные и отшлифованные.

Затем в самом большом ящике Таррант увидел изделия из полудрагоценных камней, и от их вида у него захватило дыхание. Там были флакончики и кувшинчики из нефрита и агата, голова сатаны из золотистого обсидиана, а также роза — из розового алебастра. Он увидел восьмирукую богиню из белого халцедона и черный овал гагата с затейливым орнаментом.

Три минуты в комнате стояло безмолвие, нарушаемое только гудением мотора. Фрейзер, позабыв о своей маске, с интересом следил за работой хозяйки.

Вскоре Модести Блейз выключила станок и встала. Она вставила в глаз лупу и принялась рассматривать сапфир, десять секунд спустя подняла голову, позволив увеличителю стеклу упасть ей в ладонь.

— Вы не разрешите взглянуть? — осведомился Таррант, и в его интонациях послышалось уважение.

— Конечно. Хотя тут еще нужна небольшая шлифовка.

Она передала ему и лупу, и зажим.

На сапфире в полупрофиль была вырезана женская головка: длинные волосы зачесаны назад, плечи обнажены. Удивительным образом маленькое личико получилось как живое. Таррант пытался понять, как можно добиться такого эффекта с помощью вполне простых линий и углублений, но вскоре отказался от этой затеи. Молча он передал и лупу, и зажим Фрейзеру и пристально посмотрел на Модести Блейз.

— Резьба по камню — это ваше хобби? — осведомился он.

— Да. — Их взгляды встретились. — Я больше не занимаюсь камнями профессионально. — Ее лицо вдруг осветилось, словно от приступа безмолвного смеха. Появилась та самая улыбка, которую так хотелось увидеть Тарранту. В этой улыбке сочетались радость, раскованность и озорное лукавство. Таррант поймал себя на том, что и сам улыбается.

— Не занимаетесь этим профессионально, — повторил он, кивая. — Мы знаем, что вы отошли от дел, мисс Блейз. И конечно, хобби всегда очень кстати, чтобы было чем заняться на досуге.

— Разумеется, — ровным голосом согласилась она. — А что вы будете пить?

Они проследовали за ней в большую комнату. Модести подошла к бару в алькове, где на полках стояли разнообразные бутылки и

стаканы.

— Прошу вас, присаживайтесь, сэр Джеральд. Итак, что будете пить?

— Немножко бренди.

— А вам, мистер Фрейзер?

— Мне... э... — Фрейзер почесал пальцем переносицу и сказал с нервной отвагой: — Мне бренди, но побольше. — После этого дерзкого заявления он как-то съежился в кресле, вытащил из портфеля две папочки и пристроил их на коленях.

Таррант одобрительно следил за экономными движениями Модести, готовившей выпивку. Бокалы с бренди оказались на столике между кресел гостей. Себе она налила красного вина. Причем, как заметил Таррант, простого столового вина. Затем она расположилась с ногами на честерфилде.

— Мне интересно познакомиться с вами, сэр Джеральд, — сказала она, чуть салютуя ему стаканом. — Я вела досье на вас — до того, как отошла от дел.

— Я скучный старый пень, — отозвался Таррант. — У вас куда более захватывающая биография, мисс Блейз.

— И вы хорошо ее знаете?

— А! Фрейзер очень огорчится, если я стану утверждать, что нам что-либо известно наверняка. Так... гипотезы, догадки.

— Можно послушать?

— Пожалуйста.

Таррант кивнул Фрейзеру, который открыл одну из папок и, нахмурившись, стал вглядываться в машинописный текст.

— Итак, мисс Блейз, — запинаясь, начал он, — вы, так сказать, впервые попали в поле нашего зрения, когда вам было семнадцать лет. Мы предполагаем, что ранее вы находились в лагере для перемещенных лиц на Ближнем Востоке, но у нас не было возможности точно определить ваш возраст.

— На мою помощь лучше не рассчитывайте, мистер Фрейзер, — сухо сказала она. — Я и сама в этом плохо разбираюсь.

— Ясно. Итак, коротко говоря, вы были лицом без гражданства. Примерно в возрасте семнадцати лет вы поступили на работу в небольшое заведение с азартными играми в Танжере. Его контролировали люди Луша. К вашему сведению, Анри Луш

возглавлял не очень крупную, но все же достаточно активную преступную группировку. После того как год спустя он погиб от рук соперников, его дело перешло под наш контроль, что привело к заметному расширению поля операций.

Фрейзер оторвал взгляд от странички и, поморгав, сказал:

— Разумеется, сейчас я не провожу резкой черты между сферой фактов и сферой гипотез, мисс Блейз.

— Очень умно с вашей стороны, мистер Фрейзер, — сказала Модести, встала с дивана, взяла серебряную сигаретницу и протянула Фрейзеру. Там находились сигареты «Перфейо финос». Когда Фрейзер отказался, она сама взяла сигарету и пододвинула коробку с сигарами к Тарранту.

— Я не ждала вас в гости, — сказала Модести, — поэтому выбор небогат — манильские и «Пти коронас».

— «Пти коронас» меня вполне устроят, — сказал Таррант. — Но что произошло бы, если бы вы знали загодя о моем приходе?

— Если я не ошибаюсь, вы предпочитаете «Панч-панч».

— Верно. — Таррант проводил ее взглядом, когда она отправилась обратно на диван, покатал сигару между пальцев и сказал: — Вилли хорошо примечает детали. Ваше досье на меня, надо полагать, достаточно обширно.

— Что было, то было. Во всяком случае, оно весьма занятно. Но продолжайте, пожалуйста, мистер Фрейзер. Тот перевернул страницу и снова заговорил:

— Группировка под... новым руководством стала именоваться Сетью и начала действовать в международном масштабе. Среди ее операций следует назвать кражи драгоценностей и произведений искусства, контрабанду, махинации с валютой и золотом, а кроме того, шпионаж.

— Насколько мне известно, — перебила его Модести Блейз, выпуская тонкую струйку дыма, — Сеть не торговала секретами, принадлежавшими правительству ее величества.

— Мы как раз размышляли об этом, — задумчиво проговорил Таррант. — Не могли бы вы объяснить нам, почему это так?

— Не исключено, что одно ответственное лицо решило поселиться в этой стране и не хотело, чтобы в нем видели нежелательную персону.

— Но почему оно выбрало именно эту страну? — осведомился Таррант.

— Это долгая история. Вряд ли это имеет отношение к нашему делу.

— Мы также обратили внимание, — продолжал Фрейзер, — что Сеть решительно воздерживалась от операций с весьма доходным материалом — а именно с наркотиками и проституцией. Более того, в двух случаях она даже оказала ценное содействие Федеральному бюро по наркотикам.

— Очень похоже на правду, — кивнула Модести. — Но в этом нет ничего удивительного. Если у тебя есть кое-какие принципы, то последовательность только естественна.

— В шестьдесят втором году, — продолжал Фрейзер, — причем мы установили это как факт — вы вышли замуж за некоего англичанина в Бейруте, но вскоре развелись. Есть основания полагать, что это была чистая фикция с целью приобретения британского гражданства.

— Да, очень чистая, — усмехнулась Модести, и снова на ее лице блеснула улыбка. Фрейзер покашлял, напустил на себя сконфуженный вид и снова уткнулся в свои листки.

— Теперь, — сказал он, — мы подходим к периоду, когда к вам присоединился некто Вилли Гарвин. Это произошло через два-три года после того, как вы стали руководить Сетью. Вот у нас в качестве приложения еще одно маленькое досье. — Он пошуршал страницами и прочитал: — Гарвин находился какое-то время в исправительной школе в Англии, а затем, дважды отбыв короткие сроки, оказался за границей. Затем в последующие годы он попадал в многочисленные неприятные переделки в разных уголках земного шара. Опустим детали и напомним лишь, что вы встретились с ним в Сайгоне после того, как его уволили из Иностранного легиона. Теперь мы снова подходим к области гипотез.

Фрейзер сделал паузу и отпил бренди. Фрейзер был большим любителем бренди, и Таррант с интересом следил за тем, как он старается не подать и виду, что предложенный сорт поверг его в изумление. После недолгой борьбы с собой Фрейзер поставил бокал на стол и снова напустил на себя прежнюю безучастность.

— Судя по всему, — сказал он, опять уставясь в досье, — в течение шести-семи лет Гарвин выступал вашим ближайшим... партнером,

мисс Блейз, до того момента, когда Сеть распалась, превратившись в ряд организаций поменьше в разных странах под руководством местных мафиози.

Фрейзер закрыл досье и, лукаво посмотрев на Модести Блейз, добавил:

— Нам известно, что вы оба появились в Соединенном Королевстве одиннадцать месяцев назад, и еще нам известно, что Уильям Гарвин приобрел пивную под названием «Мельница». У нас также есть сведения, что вы оба — люди в высшей степени состоятельные, что отчасти объясняет, — тут он сделал паузу и коротко усмехнулся, — почему в последнее время с вашей стороны не отмечалось никакой противоправной активности.

— Отлично, — сказал Таррант. — Прекрасно прочитанный текст, Фрейзер. У вас задатки отменного диктора. — В ответ он услышал подобострастное хихиканье и затем посмотрел на Модести Блейз.

— Все это, конечно, любопытно, — сказала та, — но, как вы сами говорили, в основном состоит из домыслов и гипотез. Так что я сильно сомневаюсь, что это позволит вам предпринять какие-либо конкретные шаги.

— Мы и в мыслях не держали как-то использовать это против вас, — сказал Таррант. Воцарилось молчание. Еще одним положительным качеством этой женщины, подумал он, было то, что она спокойно выдерживает паузы. Она оставляет время на размышления, не торопясь с репликами.

Таррант как раз сейчас погрузился в размышления. Он чувствовал неладное. Девушка прямо-таки заморозила его. Она была хороша собой и излучала обаяние. Ее спокойствие на фоне мрачного и темного прошлого производило внушительное впечатление. Но все же пока в общей картине что-то явно отсутствовало. Таррант не мог никак определить в Модести качество, необходимое для тайного агента. Он чувствовал его, как чувствовал хорошую сигару еще до того, как закурил ее, но это было нечто трудноуловимое. Некая способность быть хладнокровно-беспомощной и проявлять негибкую волю. Господи, размышлял Таррант, это как раз было в свое время ее отличительной чертой. Но не утратила ли она ее теперь? Пока Тарранту никак не удавалось нащупать то, что он искал. Модести Блейз проявляла сдержанность и в то же время не выказывала никаких признаков

напряженности. Это было в порядке вещей. Но Таррант не мог пока определить, способна ли она превратиться в кровожадную тигрицу. А вдруг сталь проржавела и пламя угасло?

— Мы и не помышляли о том, чтобы как-то использовать против вас все эти догадки, — дружелюбно сказал он. — Ни в коем случае. Мы, напротив, надеялись, что вы сможете нам помочь. Надеялись использовать вас.

Не сводя с него глаз, она отпила вина и сказала:

— Никто не в состоянии использовать меня, сэр Джеральд. Никто. Я приняла это решение давным-давно. Задолго до того, как вы завели на меня досье.

— Понимаю. Но я все-таки надеялся убедить вас...

— Как? — Она с любопытством посмотрела на Тарранта. Тот уставился сначала на кончик сигары, затем на Фрейзера, положившего правую руку на колено. Рука лежала ладонью вниз, и все пальцы были сомкнуты. Фрейзер давал тем самым понять, что надо идти напрямую. Таррант не возражал.

— Мы отдаем себе отчет, что было бы наивно предлагать вам деньги, — сказал он. — Но мы можем предложить вам... Вилли Гарвина.

— Вилли? — Ее темные брови вопросительно изогнулись.

— Да. Вы давно с ним не общались?

— Месяца полтора. Он тогда приезжал в Лондон на пару дней и провел их здесь. Потом мы отправились к нему на «Мельницу» на уик-энд — он хотел показать мне свой новый катер. Потом я отдыхала с друзьями месяц на Капри и вернулась в Лондон неделю назад.

За это время я о нем ничего не слышала.

— На «Мельнице» его сейчас нет.

— Это меня не удивляет. Вилли довольно быстро потерял интерес к своему пабу. Он много ездит. У него огромное количество друзей — весьма неплохая коллекция.

— Вилли сейчас вовсе не смакует эротические яства, мисс Блейз. В настоящее время он находится на другом конце света. Причем за решеткой. Правда, не под своим именем. Впрочем, это не столь важно. Вряд ли человека всерьез заботит, под каким именем он будет повешен.

Тут-то и случилось то, на что Таррант так надеялся. Модести Блейз и бровью не повела, не пошевелила и пальцем. Она по-прежнему сидела с ногами на диване и бокалом в руке. Тем не менее она вдруг начала излучать из себя агрессивную энергию. Таррант почувствовал, что еще немного, и разразится страшная гроза. Так в атмосфере накапливается электричество, прежде чем грянет гром.

— Повесят? — переспросила она мелодичным голосом. Но для Тарранта он прозвучал так же мелодично, как рог неистового Роланда.

— Или расстреляют, — сказал он, небрежно махнув рукой. — Конечно, пока есть время, поскольку ситуация в местах, где ныне пребывает Гарвин, еще далеко не ясна. Скорее всего, не поздно что-то там предпринять — в ближайшие восемь-девять дней.

Модести Блейз затушила недокуренную сигарету, пододвинула фарфоровый севрский кувшинчик, извлекла из него желтую бумагу, насыпала черного густого табаку, ловко скрутила сигарету и закурила.

— Все это несколько таинственно, сэр Джеральд, вам не кажется? — спросила она. — Вы темните.

— Сущяя правда, — кивнул тот. — Причем нарочно.

— Вы хотите использовать меня?..

— В одной операции. Особое задание... Очень важное. Но только один раз. Вы прекрасно приспособлены для такой работы, и на самом деле это может оказаться просто прогулкой.

— А за это вы скажете мне, где сейчас находится Вилли Гарвин?

Вопрос повис в воздухе. Таррант сделал глоток и поставил стакан на стол. Фрейзер чуть скрючил пальцы на колене. Намек на то, что надо усилить давление. Таррант подумал и решил не следовать этому совету.

— Нет, — сказал он, поднимаясь. — Это будет наш вам подарок, мисс Блейз. А теперь мы пойдем, поскольку, как я полагаю, вам понадобится многое организовать, а времени в обрез. Фрейзер, передайте, пожалуйста, мисс Блейз копию сообщения.

На какое-то мгновение зрачки Фрейзера расширились от удивления, но он тут же опомнился и, втянув голову в плечи, стал рыться в портфеле. Она взяла коричневый листок и медленно двинулась к окну, читая на ходу. Между пальцев у нее по-прежнему была зажата сигарета.

— Благодарю. — Она повернулась к гостям и вернула листок Фрейзеру, не спуская глаз с Тарранта. — Если эта ваша работа не очень срочная, сэр Джеральд, я бы дней на десять покинула эту страну.

— Я был бы рад, если бы по возвращении вы дали о себе знать, — сказал Таррант и пожал протянутую руку. — Всего хорошего. Я надеюсь, вы съездите не зря.

— Благодарю вас. — Она проводила гостей до лифта, нажала две кнопки, и двери открылись.

— Вы очень хитры, сэр Джеральд, — сказала она, глядя на него с неподдельным интересом. — Откуда вы это узнали?

— Что именно, мисс Блейз?

— То, что я ненавижу, когда меня шантажируют. И что я страшно не люблю оставаться в должниках. Этого ведь нет в моем досье?

— Нет, — сказал Таррант, забирая зонтик и шляпу. — Но в свое время я имел честь познакомиться с Вилли Гарвином.

— Он вряд ли стал бы обсуждать меня.

— Он и не обсуждал. Но его как раз нетрудно раскусить. И я решил, что он должен быть вашим отражением. Как-никак это вы его сделали.

Фрейзер решил, что самое время вспомнить очередную народную мудрость.

— Яблоко от яблони, — возвестил он со скрытым ликованием, и гости удалились.

Модести Блейз стояла у окна, задумчиво смотрела на темный парк и курила. Вдруг коротко улыбнулась и покачала головой.

— Этим все и должно было кончиться, — пробормотала она. — Трудно винить тебя, Вилли. Видит Бог, я понимаю, в каком ты оказался состоянии.

Модести затушила сигарету и направилась к телефону. В течение следующего часа она сделала несколько звонков, в том числе и перепуганному человеку, находившемуся за восемь тысяч миль от лондонской квартиры Модести Блейз. Когда со звонками было покончено, она отправилась в свою спальню, где преобладали цвета бледно-зеленый, серебристо-серый и слоновой кости. Стены были обшиты панелями, причем справа от большой двуспальной кровати располагалась крашенная стальная панель. Она бесшумно открывалась

при особом расположении ящиков туалетного столика. За ней имелось небольшое помещение в шесть квадратных футов. Первоначально это был встроенный шкаф. Какое-то время Модести стояла и смотрела на три тяжелых чемодана на полу, коробки и коробочки на полках. В ее глазах заплясали искорки.

— Интересно, почему мы сохранили все наши принадлежности, Вилли-солнышко, — сказала она и стала открывать один из чемоданов.

Фрейзер сидел за рулем припаркованной машины и говорил, чуть поджав губы, как проигравший и вынужденный к тому же поздравлять победителя человек.

— Да, вы провели встречу очень удачно, сэр Джеральд. Честное слово. Я и не предполагал, что идея сделать ее нашей должницей так здорово работает.

— Тем не менее она сработала, Фрейзер, и, как видите, очень даже неплохо. Впрочем, вы, надеюсь, понимаете, что дело вовсе не в том, что Модести Блейз не любит оказываться в долгу.

— Простите, не понял.

— Большую часть из двадцати шести прожитых ею лет она, что называется, ходила по проволоке. От этого не так-то легко отвыкнуть, Джек.

— Но она добилась всего, чего хотела. У нее есть деньги, есть возможность вести тот образ жизни, который ей больше нравится.

— Не в этом дело. Ее положение поистине трагично. Опасность — сильный наркотик. Тот, кто узнал, что такое жить опасно, нелегко отвыкает от подобного существования. Господи, да вы же сами прекрасно знаете, что это такое. Мне пришлось чуть не силком усаживать вас за письменный стол, а вы в два раза старше ее. Разумеется, она и виду не подает, что не может жить спокойно. Она слишком хорошо владеет собой. Но синдром отмены действует. Это очень болезненное состояние. — В его голосе появились сухие нотки. — Он проявился только сейчас...

— Виноват, — сказал Фрейзер, судорожно сглотнул и затравленно посмотрел на Тарранта. — Я никак не возьму в толк, к чему вы клоните, сэр. Вы хотите сказать, что нам удалось завербовать ее вовсе не потому что она нам обязана в связи с Гарвином...

— Ну, Гарвин — это только предлог, — кивнул Таррант. — Я вовсе не пытался как-то принудить ее. Нет, напротив, я искал для нее благовидный повод ринуться в бой, Джек, — причем так, чтобы нам от этого вышел прок.

То, что Таррант уже второй раз назвал его по имени, означало, что игре, от которой Фрейзер получал большое удовольствие, настал — по крайней мере, на время — конец. На лице Фрейзера стала медленно расплзаться ухмылка. Он расслабился и положил руки на руль.

— Черт побери все мои потроха, — восхищенно произнес он. — Старый хитрый коварный лис!

Глава 2

Модести Блейз стояла, прислонившись боком к стволу пальмы на опушке небольшой рощицы. Давно уже наступила ночь. Попугаи умолкли. Слышался только шорох листьев. На усыпанном звездами небе сияла убывающая луна. Она освещала черную асфальтовую ленту шоссе, извивавшегося между лесом и саванной. Тюрьма стояла неподалеку от шоссе. Это была временная тюрьма, переделанная из казармы: длинное одноэтажное здание из саманного кирпича в форме буквы Т. Перекладина буквы была обращена к шоссе, а вертикаль уходила к лесу. В цоколе имелась широкая дверь. За ней размещалась караульная.

Модести стояла тут практически неподвижно вот уже два часа. Каждые десять минут в нескольких шагах от нее проходил потрепанного вида часовой с винтовкой. Он совершал обход. Абсолютно бессмысленный охранник, подумала она. Еще издали можно было слышать его шаги, поскрипывание ремней, видеть огонек его сигареты.

Полтора месяца назад часовой был мятежником. Ныне он и его дружки входили в состав правительственных войск. Ну, а те, кто раньше воевал на стороне правительства, теперь, напротив, считались мятежниками. Впрочем, пребывать им в этом здании оставалось недолго. Переворот, устроенный генералом Кальцаро, оказался в высшей степени успешным, и новый диктатор собирался спокойно расправиться со своими бывшими противниками.

Встреча Модести Блейз и Тарранта состоялась шесть дней назад, и теперь она могла убедиться, что Таррант верно оценил ситуацию. Лишь сорок восемь часов назад в Буэнос-Айресе Сантос подтвердил справедливость слов Тарранта, если Вилли Гарвина нужно было спасти от гибели, это следовало делать как можно скорее.

На Модести был черный свитер-водолазка, черные брюки — достаточно свободные, чтобы не стеснять движений, — заправленные в солдатские сапоги. Руки и лицо — затемнены специальным гримом. То, что раньше было высоким шиньоном, превратилось в тугой пучок на затылке.

От тюрьмы отъехал старый грузовик и вырулил на шоссе. Его забитые травой шины повизгивали. Грузовик повез охранников, надзиравших за тем, как пленные чинят дорогу в двух милях от тюрьмы. Пятнадцать минут спустя часового, охранявшего заднюю часть территории, сменили.

Еще немного, и Модести могла приступать к операции. Легкое покалывание сменилось теплотой, которая стала разливаться по всему телу. Ее охватила странная радость. Модести не нравилось, что с ней такое происходит, она попыталась подавить это чувство, но быстро поняла, что лишь зря тратит силы.

Нет, в двадцать шесть лет себя уже не переделать. Модести успела усвоить это за последние двенадцать месяцев. Вилли, похоже, уяснил то же самое, однако открытием своим не спешил делиться, равно как и она с ним.

В далекие, давно канувшие в вечность темные годы детства Модести жила в вечном страхе с постоянным ощущением неминуемой опасности. Изо дня в день маленькая девочка пугливо, словно зверек, блуждала по разрушенным войной Балканам и Леванту. Но потом, в период созревания, вместо страха пришло стремление действовать, и если прежде ощущение опасности только вызывало ужас, то теперь оно напоминало о том, что ты еще жива.

Грустно сознавать, что в мире существовали иные способы познать полноту жизни, ее прелесть. Но теперь было поздно об этом жалеть, и к тому же Модести давно приучилась не думать о недостижимом.

Новый часовой между тем совершал свой ритуальный обход. Модести сжала в пальцах небольшой предмет, называвшийся конго, или явара. Он был сделан из твердого дерева и напоминал чуть вытянутую гантель. Перекладинка как раз умещалась в ладони, а выпуклости высовывались с двух сторон стиснутого кулака.

Аккуратно ступая, Модести бесшумно двинулась вперед. Земля была покрыта влажным ковром из прелых листьев, что создавало преимущество тому, кто не хотел напоминать о своем присутствии.

Часовой думал о женщинах, точнее сказать, об одной девице из деревни, которую они захватили на прошлой неделе. Вот уж выдалась ночка! Вспоминая тогдашнее приключение, он почувствовал, как у него учащается пульс.

Той дурехе было восемнадцать, и она никогда до этого не занималась любовью. Но сержант Альварес сразу дал ей понять, что будет плохо, если она начнет брыкаться. Тот же Альварес предложил приз — бутылку виски тому, кто придумает самую занятную позицию.

Соревновалось шестеро, но победил, конечно, Рикко. Часовой удовлетворенно хмыкнул, вспоминая, как это происходило. Удивительно, как этот сукин сын не дернулся, и девчонка не задохнулась.

Тут он заметил что-то белое на земле, возле дерева. Он двинулся туда, всматриваясь в темноту. Это был лист бумаги, причем на нем что-то лежало. Часовой пригляделся. Монета! Золотая монета!

В этот момент Модести стремительно выскочила из засады. Одной рукой она схватила часового за волосы: а другой сильно и точно ударила его так, что конец конго угодил ему под ухо.

Часовой тут же обмяк, и Модести помогла ему опуститься на землю так, чтобы винтовка не произвела лишнего шума. Затем из левого кармана она извлекла длинный металлический цилиндр и открыла крышку. Из цилиндрика вытрясла два маленьких комочка ваты, осторожно понюхала и, наклонившись к поверженному часовому, сунула их ему в ноздри.

Затем она бесшумно пересекла открытый отрезок, направляясь к пятну света, исходившему от лампы, висевшей над открытой дверью. Там, прислонив к стене винтовку, стоял человек и сосредоточенно рассматривал журнал с голыми женщинами. Модести приблизилась к стене и, прижавшись к ней спиной, стала осторожно подбираться к охраннику.

Когда она была в двух шагах от своей новой жертвы, человек поднял голову. Его зрачки расширились от испуга, но, прежде чем он успел что-либо предпринять, Модести шагнула вперед и носком сапога ударила его в пах. Какое-то мгновение человек оставался неподвижным, скрученный жуткой болью, потом бесшумно осел. Тут не было необходимости в дополнительной анестезии.

Перешагнув через неподвижное тело, Модести вошла в дверь. Теперь уже конго было в ее левой руке, а в правой появился небольшой пистолет «МАН-брезетта», который она извлекла из мягкой кожаной кобуры под свитером. Разумеется, пистолет достигал нужного эффекта, если вы стреляли очень точно. Но Модести Блейз

отменно обращалась с огнестрельным оружием, а у этого пистолета было одно ценное качество — он стрелял относительно негромко.

Перед ней открывался широкий коридор. И справа, и слева были двери камер из стальных прутьев. Из коридора, пропахшего испарениями немытых тел, доносились вопли одного человека, находившегося в объятьях страха, и стоны другого, которому явно привиделся кошмарный сон.

Справа от Модести находилась дверь в караульное помещение. Она была полуоткрыта. Там всюду вопило радио — военные марши перемежались сводкой последних известий, которую диктор читал, возбужденно глотая слова.

Модести Блейз постояла несколько секунд, взвешивая варианты. Ей хотелось поскорее двинуться вперед, но она успела на своем горьком опыте усвоить простую истину: нет ничего важнее, чем обеспечить себе безопасное отступление. У нее на ляжке, чуть ниже ягодицы, имелся белый пулевой шрам — наказание за однажды проявленную беспечность.

Модести спрятала конго в карманчик свитера и вытащила из правого кармана странный предмет, представлявший собой миниатюрный противогаз.

На какое-то мгновение она замешкалась, думая, не использовать ли Ошеломитель. Для этого нужно было снять свитер и лифчик и войти в караульную обнаженной по пояс. Модести вовсе не страдала излишней стыдливостью, и к тому же этот прием отличался высокой эффективностью. Она придумала его лет пять назад, когда с Вилли Гарвином выполняла одну сверхрискованную операцию в Агригенто. Да и впоследствии она дважды пускала в ход эту уловку, и снова успешно. Это позволяло привести целую комнату мужчин в состояние столбняка, по крайней мере, на несколько секунд.

Но по зрелом размышлении Модести решила, что здесь это вовсе не обязательно. Если охранники утратили бдительность, можно обойтись и без стриптиза. Она быстро приладила противогаз.

Затем распахнула дверь в караульную и вошла, сразу постаравшись зафиксировать взглядом обстановку. Вокруг большого ящика сидело четверо солдат. Они играли в карты. Единственное окно было закрыто ставнями. Отлично. Люди сидели близко друг от друга, представляя собой единую цель. Тоже прекрасно. Ее появление даже в свитере само

по себе произвело внушительный эффект. На нее уставилось четыре пары глаз, чья-то рука, пытавшаяся собрать со стола карты для новой сдачи, застыла в воздухе.

Напротив нее сидел здоровяк с сержантскими нашивками на куртке. Он первый пришел в себя, и Модести, закрывая дверь ногой, сразу определила в нем главный источник опасности. На его небритом лице стала расплываться похотливая улыбочка. Он оценил по достоинству высокую грудь под свитером и обтянутые брюками бедра. Модести наставила пистолет так, чтобы дуло смотрело прямо в глаза сержанту. Тотчас его улыбка угасла, зрачки сузились, фиксируя опасность. Еще из одного кармана на бедре Модести извлекла черный металлический цилиндр с куполом, очень напомилавший перечницу. Она сделала несколько шагов вперед, чтобы поставить «перечницу» на ящик. Рука с пистолетом оказалась в каком-то футе от плеча еще одного охранника, и Модести почувствовала, как у того напряглись мускулы. Тем не менее она продолжала целиться в глаза сержанту. Лоб последнего покрылся испариной, и он хрипло крикнул своему подчиненному по-испански:

— Не шевелись, болван!

Тот колебался. Модести тем временем поставила «перечницу» на ящик, и услышала, как в ней щелкнуло механическое устройство. Она отступила назад на два шага, и с удовольствием отметила, что «перечница» издает легкое шипение, почти неуловимое за воплями радио.

Сержант, не спуская с Модести глаз, стал принохиваться, чуя новую угрозу. В его глазах загорелись злые огоньки. Его левая рука по-прежнему лежала на столе, на картах, а правая тихонько потянулась к ремню, на котором висела кобура с револьвером.

Модести чуть сдвинула прицел, и ее пистолет сердито твякнул. Тотчас же пуля вонзилась между двух растопыренных пальцев сержанта, отчего во все стороны брызнули щепки. Смуглое лицо сержанта посерело, и он застыл, словно статуя, пристально глядя на шипящую «перечницу», не в силах отвести от нее взгляд, словно кролик, загипнотизированный змеей.

Один из охранников плюхнулся на пол. Пять секунд спустя за ним последовал и сержант. Усмехнувшись про себя, Модести отметила, что

четвертый солдат сидел, окаменев, не смея вздохнуть. Его лицо потемнело, а глаза вылезли из орбит.

Какое-то время бедняга боролся с собой, потом с шумом выдохнул воздух, вдохнул, закрыв глаза, и рухнул на пол.

Теперь Модести перевела взгляд на те два предмета, которые бросились ей в глаза при первом беглом осмотре караульной: связка ключей, висевшая на вбитом в стену крюке; и на том же крюке, чуть ниже — нечто вроде кожаной сбруи, к которой были прикреплены две пары кожаных ножен, откуда торчали метательные ножи с черными рукоятками.

Позже, когда опасность миновала и Модести снова могла позволить себе роскошь дать волю эмоциям, это зрелище вызвало в ней странное сочетание разных чувств. Радость от того, что ей попалось на глаза нечто, воскресившее в памяти былые времена, грусть от того, что это напоминало о мечтах, которым, похоже, так и не суждено осуществиться. И еще ее посетило нечто вроде испуга от того, что она видела эту вещь отдельно от того, кому та принадлежала.

Модести взяла ключи, сбрую и, быстро выйдя из комнаты, закрыла за собой дверь. Затем она двинулась по коридору, снимая на ходу противогаз.

Вилли Гарвин лежал на узких дощатых нарах, закинув руки за голову и глядя на ящерицу на потрескавшемся потолке. Тусклый свет из коридора отбрасывал решетчатую тень на каменный пол камеры.

Вилли Гарвин был крупный тридцатичетырехлетний человек с голубыми глазами и растрепанными светлыми волосами. Рост — фута два, крупные руки, пальцы с квадратными ногтями, лицо, состоявшее, казалось, из сочетания маленьких плоских поверхностей. Тело крепкое, мускулистое. Особенно впечатляли мощные дельтовидные мышцы, сбегавшие от шеи к плечам.

На запястье у него виднелся шрам, напоминавший недописанную букву 5. Его раскаленным ножом выжег некий Сулейман, а недописанной буква оказалась исключительно потому, что Модести Блейз успела вовремя прийти на помощь Вилли и отправила Сулеймана на тот свет, сломав ему шею, чему немало поспособствовал большой вес обидчика Вилли.

Вилли Гарвин лежал в камере один, и ни одна мысль не могла пробиться сквозь серую летаргическую пелену. Происходившее

сильно напоминало ему далекие годы, что тянулись чуть не всю его жизнь, пока семь лет назад не появилась Модести Блейз и внезапно не перетряхнула его мир так, что все вдруг стало на свои места.

Но теперь свет, что горел в его сознании все эти семь лет, потух. Снова наполнила хорошо знакомая ненавистная мгла.

Вилли Гарвин прекрасно понимал: надо что-то срочно предпринять, потому как эти чертовы вояки, которые запрятали его за решетку, скоро отправят его в расход. Если бы такое случилось пару лет назад, в ходе операции по поручению Принцессы, он бы запросто нашел выход из подобного положения. Тогда он был полон разных плодотворных идей и часа за два сумел бы играючи выбраться из этой вонючей дыры.

Но пару лет назад он просто не оказался бы в подобном положении, по крайней мере, если бы столкнулся с таким посредственным противником.

Он был очень недоволен собой, но ничего не мог поделать, потому как свет в голове угас и колесики перестали вращаться. После тех прекрасных семи лет, когда он чувствовал себя исполином, Вилли вновь оказался в каком-то безвоздушном пространстве. Теперь у него не было ни цели в жизни, ни надежды. И вообще, еще немного, и его вздернут сушиться на солнышке.

Да, мелькнуло в голове у Вилли, когда Принцесса узнает, что со мной произошло, она очень на меня рассердится.

Вдруг что-то тихо звякнуло о прутья двери. Вилли повернул голову и увидел в полосе света фигуру в черном.

Он сразу понял, кто это пожаловал. Вилли медленно сел на кровати, спустил ноги на пол и тихо проследовал к двери. За эти секунды, впрочем, в его мозгу снова вспыхнул свет, отказавший было механизм заработал. Недавнее прошлое развеялось как дурной сон.

Модести посмотрела на него, кивнула головой, передала через прутья сбрую и стала один за другим пробовать ключи в связке. Вилли тем временем снял грязную рубашку, приладил на место сбрую так, что ножи оказались слева, и снова надел рубашку, оставив ее расстегнутой почти до самого пояса.

Наконец один из ключей повернулся в замке, и дверь отворилась. Из камеры по другую сторону коридора четверо узников следили за ними потухшими, безразличными ко всему глазами. Модести

положила связку на пол на расстоянии вытянутой руки, и сразу в их глазах загорелась надежда. Затем она кивнула Вилли, и в руке у того оказался нож.

Они не спеша шли бок о бок по коридору и, дойдя до конца, повернули налево, к караульной.

Модести почувствовала, как у нее делается теплее на душе, и поняла, что то же самое происходит и с Вилли. Она двигалась вполоборота, глядя назад и влево, и не смотрела на Вилли, но знала, что он контролирует противоположную сторону, готовый в любой момент подать сигнал тревоги. Не было необходимости напоминать ему, что не следует тратить слишком много сил. Он и так все отлично понимал без слов.

До двери оставалось несколько шагов, когда снаружи раздался удивленный возглас. Модести поняла, что это обнаружили лежавшего без сознания часового. В дверном проеме возник человек, торопливо снимавший с плеча винтовку. Под его удивленным взглядом они и не подумали остановиться или, напротив, убыстрить шаги, но продолжали двигаться в том же темпе.

Когда солдат вскинул винтовку, они как по команде бросились в разные стороны, чтобы не представлять собой единой цели. Солдат неуверенно повел винтовку вправо, потом влево, Щелкая затвором.

Модести вскинула руку с пистолетом, который, словно магнит, притянул к себе винтовку. Солдат наконец понял, в кого надо стрелять.

Но теперь ход сделал Вилли.

Он шагнул вперед, сделал резкое движение, и винтовка тут же переместилась в его сторону. Но одна нога Вилли уже оказалась за лодыжкой солдата, другая ударила его по колену, и бедняга рухнул навзничь, словно его уложила какая-то невидимая распрямившаяся пружина. Не успел он испустить судорожный вздох, как Модести ударила его по голове.

Вилли тем временем уже поднялся на ноги, и они с Модести, переступив через поверженного противника, двинулись дальше.

Дойдя до выхода, они осторожно выглянули наружу, проверить, нет ли новой опасности.

Все было в порядке. Тогда Модести кивнула, и они рванулись к деревьям. Когда под их ногами оказался толстый ковер из опавших листьев, сзади, из тюрьмы, донесся гул голосов. От дороги стали

раздаваться одиночные выстрелы. Кое-кто из узников уже выскочил из здания, и всеобщее смятение начало стремительно возрастать.

Модести перешла на ровный бег. Они пробрались через густые заросли, миновали поляны, освещенные лунным светом, словно отфильтрованным через густую листву. Каждые пятьдесят ярдов листок белой бумаги, прикрепленный к стволу дерева, указывал им дорогу.

Пробежав так с полмили, они оказались на узком проселке. За зарослями травы почти в человеческий рост стоял черный «крайслер». Вилли открыл дверь для Модести, которая села за руль, затем быстро обежал машину и занял место справа. Модести включила ближние фары, и машина выехала на проселок. Модести вела машину на третьей скорости, пятьдесят миль в час, пока они не выехали на щебеночное шоссе, где она дала полный газ.

В машине царило безмолвие, нарушаемое только гудением мотора и шорохом шин. Модести почувствовала, что сидевший рядом Вилли уже не так раскован, как во время их операции. Он сидел слишком прямо, в его позе чувствовалось напряжение и неловкость. Коротко глянув в зеркало, Модести увидела его смуглое лицо, на котором застыла гримаса смущения и тревоги.

Поколебавшись, он сунул руку в перчаточное отделение, нашарил пачку сигарет, вынул две и, поочередно поднеся к ним спичку, передал одну ей. Модести затаилась, не сводя глаз с дороги.

— Еще полчаса, и мы пересечем границу, — сказала она. — Тут проблем не будет. Когда я ехала сюда, то расстелила перед ними золотой ковер.

— Прошу прощения, Принцесса, — пробормотал Вилли. — Ты напрасно сюда заявила.

— Напрасно? — переспросила она, бросив на него удивленный взгляд. — Они ведь всерьез решили отправить тебя на тот свет. Какой ты осел, Вилли! И главное, я бы так ничего и не узнала, если бы не Таррант.

— Таррант?

— Да, да, тот самый Таррант.

— Очень мило с его стороны, — буркнул Вилли и, нахмурясь, добавил: — Но за это придется платить?

Она промолчала, предоставив ему сидеть и мучиться. Такое случилось впервые за время их совместных действий, но ей нужно было хорошенько встряхнуть его, и он в общем-то это и сам понимал.

— Как же ты попала сюда, Принцесса? — спросил он после небольшой паузы.

— С неделю назад я узнала о том, что с тобой приключилось. Узнала от Тарранта. Заказала билет на самолет, позвонила Сантосу в Буэнос-Айрес. Попросила организовать все по-быстрому — план действий, взятки и все такое прочее.

— Попросила? — В голосе Вилли послышалось негодование.

— Я не могла ему приказывать. Сантос больше на меня не работает. Разве ты забыл?

— Но он все сделал как положено?

— Он знал, что иначе я переломлю ему руки-ноги. — В ее голосе послышались резкие нотки. — А в чем, собственно, дело, Вилли? Мы же завязали. Хватит. Мы прилично заработали, наша фирма разделилась, и мы с тобой отошли от дел.

— Я и не собирался братья за старое, Принцесса...

— Помолчи и послушай, Вилли-солнышко. — Она почувствовала, как он обрадовался, услышав давнее ласковое обращение. — У тебя кругленькая сумма в банке и симпатичная пивная на реке. То, чего ты так хотел. Так с какой стати ты вдруг сорвался с места и нанялся делать революцию в банановой республике?

Вилли вздохнул и сказал с горечью:

— Мой менеджер ведет дела лучше, чем я. — Он провел рукой по шевелюре и продолжил: — Нет, не лежит у меня к этому душа, Принцесса. Я уже начал лезть на стенку от этой жизни. Честное благородное слово.

— Ну, а почему ты позволил, чтобы тебя поймали? И главное, почему ты послушно сидел за решеткой? Это же стыд и срам! Ты раньше творил чудеса, причем в одиночку, без помощников.

— Да, когда работал на тебя. Ты мне говорила «давай», и я действовал. Ну, а тут я никак не мог заставить себя собраться. Когда действуешь сам по себе, то получается совсем другой колленкор. Я испугался, что могу дать маху... Но все равно мне, конечно, не следовало сидеть сложа руки. — Он задумчиво затянулся сигаретой. —

Нет, так лучше. Мирная жизнь не по мне. Не знаю уж, как это тебе удастся жить по-новому... — Добавил он с уважением в голосе.

Модести свернула с шоссе на очередной проселок, точно выполняя указания Сантоса.

— Да и мне это удастся так себе, — призналась она ровным голосом. — Впервые за это время я вдруг почувствовала себя человеком.

Вилли повернулся и уставился на нее.

— Ну, так, может, вернемся к прежней жизни, Принцесса? — быстро сказал он. — А что? Сплетем новую Сеть лучше прежней...

— В этом нет смысла. Мы и так добились всего, чего хотели. А когда нет серьезной цели, в тех джунглях трудно выжить.

Вилли мрачно кивнул. Теперь в его мозгу горел тот самый свет и колесики работали слаженно. Он понимал, что она говорит правду.

— Ну, так что же нам тогда делать? — растерянно осведомился он. — Значит, время от времени что-то такое выкидывать?! Ну, да ты ведь сама знаешь, что такое жизнь между подвигами. Все нормально, но только потому, что это просто передышка перед крутыми делами. Без настоящих дел все теряет смысл... Скисшее пиво.

— Мы задолжали Тарранту, — сказала Модести. — Он хочет, чтобы мы поработали на него. Правда, я пока толком не знаю, в чем эта работа заключается.

— Чтобы мы да работали под Таррантом? — В словах Вилли надежда и недовольство смешались воедино.

— Не под Таррантом, а для Тарранта, — поправила его Модести. — Одно поручение. И он не настаивал. И опять-таки насчет «нас» я не уверена. Твое последнее выступление вряд ли восхитит его.

— Но послушай, Принцесса, ты же прекрасно понимаешь... В общем, ты можешь подтвердить Тарранту, что когда я работал с тобой, то таких накладок не было.

— Верно. Но это все в прошлом. Я не могу взять тебя только потому, что мне нужен помощник. Тебе ведь придется выполнять мои приказы. А ты теперь большой мальчик. Я хочу, чтобы ты был сам себе хозяин.

— Но я этого не хочу. — В голосе Вилли появилось ничем не прикрытое отчаяние. — Если ты не возьмешь меня с собой, я просто пропаду.

— Вилли, но как же быть... — Она была явно обеспокоена услышанным. — Послушай, давай-ка сперва узнаем, чего хочет Таррант. Просто я не намерена рассматривать твое участие как нечто само собой разумеющееся и не позволю этого Тарранту. Короче, я во всем разберусь, а ты жди от меня известий. И, пожалуйста, больше не попадай ни в какие переделки.

— Не беспокойся. Я вообще-то никому не доставлял хлопот.

— Ладно.

Впереди показались огни пограничного пункта. Модести сбросила скорость и обернулась, чтобы поглядеть Вилли в лицо.

Вилли же увидел ту редкую улыбку, появления которой стоило ждать неделю.

— Меня беспокоит сейчас только расписание полетов, — сказала она. — Во вторник у меня назначено одно свидание в Ковент-Гардене.

Глава 3

Музыка Чайковского то нарастала, то угасала. Лебеди уплыли. Зигфрид со своими гостями пустился за ними вдогонку. На сцене в одиночестве остался пьяный Вольфганг.

Первый акт «Лебединого озера» окончился. Опустился занавес, и зрители стали бурно рукоплескать.

Когда Модести Блейз вошла в большой, богато декорированный бар, он был уже заполнен. На ней было светло-зеленое вечернее платье и длинные белые перчатки до локтей. Единственным украшением служил кулон с большим затейливо отделанным аметистом.

Мужчины бросали на Модести взгляды исподтишка, женщины всматривались куда более открыто, но она не обращала на все это ни малейшего внимания. Ее приятно обволакивала пленительная атмосфера театра.

Ее сопровождал загорелый человек лет тридцати в смокинге темно-синего цвета. Его звали Дэвид Уитстон.

— Все идет, как запланировано, — говорил он. — Ронни надеется, что яхта будет готова в Каннах к началу июня.

— И он пригласил тебя?

— Нас. — Его глаза остановились на Модести, отметив ее чуть холодноватый взгляд. — Нас с тобой. На два-три месяца в круиз по греческим островам.

— Очень романтично. Я хотела бы выпить. Бокал красного вина, если нетрудно.

— Не уверен, что у них тут есть красное вино, но... — Он осекся и уставился на пожилого человека, который добродушно смотрел на него. В одной руке у него был бокал с красным вином, в другой — с виски.

— Милая Модести, — сказал Таррант с поклоном. — Я, конечно, старею, но, надеюсь, не утратил дар предугадывать. Не угодно ли красного вина?

— Сэр Джеральд! Как мило с вашей стороны. — Модести взяла бокал. — Вы не знакомы с Дэвидом Уитстоном? Дэвид, это сэр Джеральд Таррант.

— Как дела? — Этот автоматический, не требующий ответа вопрос был задан мужчинами друг другу одновременно.

— Если бы у меня была еще одна рука, мой мальчик, — с сожалением проговорил Таррант, — и я бы знал ваши вкусы, то, безусловно...

— Все в порядке, — сказала Модести и, тронув Дэвида за рукав, произнесла: — Пойди обеспечь себя выпивкой.

— Обойдусь, — буркнул Дэвид, слегка нахмурясь. — И вообще, там жуткая толкучка.

— Я бы хотела сигарет... Нет, не твоих. «Голуаз», если не трудно.

— Вряд ли у них есть такие, — начал было Дэвид, но, увидев ее взгляд, пожал плечами. — Ладно, сейчас.

Она посмотрела ему вслед и тихо обратилась к Тарранту:

— Ну что, явились за вашим фунтом мяса? Быстро же...

— Что вы, что вы, какой фунт, — спокойно сказал Таррант, — но если бы вы нашли способ оказать мне содействие, я был бы вам чрезвычайно признателен. К несчастью, дело принимает довольно спешный оборот, и мне даже пришлось, как вы могли заметить, нарушить ваш досуг. Но вы конечно же вольны отказаться.

— Что вы от меня хотите?

— Свяжитесь с моим министром. Он в настоящее время находится в своем офисе.

— Пупсик Перси?

— Вы знаете наши маленькие тайны? Вы встречались с досточтимым Персивалем Торнтоном?

— Нет, но я знаю его коллекцию картин. Одна из наших... групп конфисковала у него Сезанна, когда Перси еще был послом в Париже.

— Вы меня восхищаете, Модести. Но, полагаю, имеет смысл на время забыть о прежних подвигах, если вы, конечно, собираетесь с ним встретиться.

Модести посмотрела на оживленную толпу у стойки бара.

— Да, — сказала она, допивая вино и вручая бокал Тарранту. — Едем прямо сейчас?

— Может, вы скажете вашему спутнику, что уезжаете?

— Я лучше проявлю неучтивость. А то он склонен воспринимать меня как нечто само собой разумеющееся. А я этого очень не люблю.

— Буду иметь в виду.

Они ехали по Стренду, а потом по Уайтхоллу в «даймлере» Модести. Машина была цвета слоновой кости, и мотор работал мощно. Модести накинула поверх вечернего платья норковую шубку от Диора.

— Поздравляю с удачной операцией по вызволению Вилли Гарвина, — сказал Таррант, когда они остановились у светофора. — Жаль, он утратил былую сноровку. — Произнося это, он не без удовлетворения отметил, что его спутница слегка напряглась.

— Ничего подобного, — коротко отозвалась она.

— Но вы же не собираетесь просить его содействия в этой операции? — осведомился Таррант.

— Пока что я не знаю, о чем идет речь, — ответила Модести и замолчала. Таррант не считал нужным развивать далее эту тему.

Если Модести и впрямь согласится им помочь, полагал он, вряд ли имело бы смысл посылать ее на задание без давнего сообщника. Однако у него было ощущение, что ей вовсе не хотелось без необходимости впутывать в дело Гарвина — и не потому что она что-то имела против него, а потому что ей, возможно, казалось, что она не считает себя вправе распоряжаться им. Таррант решил, что следует ее немножко подтолкнуть.

Министр сидел за столом в своем кабинете с окнами на Нью-Мэлас-ярд. Увидев вошедших, Персиваль Торнтон отложил досье и встал из-за стола.

— Рад видеть вас, мисс Блейз, — сказал он. — Добрый вечер, Таррант. — Он пожал им руки.

Голос его был звучен. Достопочтенный Перси Торнтон пришел в политику из адвокатуры. Это был надежный и основательный государственный муж, среди достоинств которого числились отсутствие излишней интеллектуальной утонченности и умение делать правильный ход даже на основе ложных предпосылок.

Таррант усадил Модести и принял к сведению, что, несмотря на все то, что Торнтон успел узнать о Модести, он совершенно не проявлял к ней никакого любопытства, а кроме того, это обстоятельство не осталось ею незамеченным, и легкая улыбка тронула его губы.

— Итак, — произнес Торнтон, откидываясь на спинку кресла и не спуская глаз с Модести. — Известно ли вам, мисс Блейз, что такое

эмират Малорак?

— Клочок земли — вернее, песка и камней, — между Сирией и Ираком. Признан эмиратом по договору от пятьдесят шестого года. Там нашли нефть.

— Совершенно верно, — невозмутимо отозвался Перси Торнтон. — В настоящее время этой маленькой страной правит Шейх Абу-Тахир. Боюсь, его нельзя назвать просвещенным монархом. — Он чуть вскинул, а затем опустил брови. — До недавних пор это был хитрый араб, живший в палатке, бандит пустыни. Но мы, конечно, должны по мере сил проявлять снисходительность, не так ли?

— Разумеется, коль скоро вас интересует его нефть, — равнодушно, без тени иронии отозвалась Модести. Таррант не без удовольствия внимал этому обмену репликами.

— Полагаю, — начал Торнтон, — было бы только справедливо утверждать — или же несправедливо отрицать, — что мы не жалеем усилий, чтобы прийти к обоюдовыгодному соглашению. Его высочество, как он предпочитает, чтобы его называли, в настоящее время находится в нашей стране, и мы практически закончили все секретные переговоры, необходимые для получения нефтяной концессии. Но условия не совсем ординарные. Абу-Тахир вообще не из тех, с кем легко договориться, не так ли, Таррант?

— Я видел его мельком в вашем офисе два дня назад, господин министр, — отозвался Таррант.

— Да. — Торнтон сцепил пальцы и, уронив на них подбородок, уставился на Модести. — Итак, у нашего арабского друга нет никакого интереса к иностранным кредитам, бумажкам с разными там знаками и цифрами и прочей ерунде, мисс Блейз. Мы оплатили его текущие расходы на сумму в полмиллиона фунтов стерлингов, а остаток нашего взноса равняется десяти миллионам. В алмазах.

Он подождал реакции, но, не получив никакого отклика, продолжал, ничем не выказав разочарования.

— Этот человек устроен самым примитивным образом. Его волнуют только такие ценности, которые он в состоянии видеть и осязать. Каковые можно доставить в хранилище Англо-левантийского банка в Бейруте. Вы понимаете, к чему я веду, мисс Блейз?

— Да, я вас слушаю, — сказала Модести, чуть кивнув. Таррант с внутренним ликованием выслушал этот ответ, решив непременно

рассказать о нем Фрейзеру, но достопочтенный Персиваль Торнтон только удовлетворенно качнул головой.

— Отлично! — воскликнул он. — Алмазы сейчас поступают в Кейптаун, после чего будут доставлены в Бейрут в сейфе-хранилище «Тибории». Это пассажирский лайнер, который используется для транспортировки золотых слитков.

— Я предлагал уговорить его высочество согласиться на транспортировку алмазов по воздуху. Для этого понадобится один большой контейнер или два маленьких, — сказал Таррант.

— Предложение не принято, — махнул рукой Торнтон. — В марте шестьдесят третьего года самолет короля Сауда потерпел катастрофу в Итальянских Альпах около Монте-Матто. На его борту находились золотые слитки, драгоценности и валюта на сумму примерно четыре миллиона фунтов. Причем обломки самолета были обнаружены только спустя полтора месяца после начала поисков. Был найден лишь небольшой чемодан с золотом. Не могу утверждать, что шейх Абу-Тахир читал об этом происшествии — прежде всего, потому что он не умеет читать, — но он тем не менее знает об этом. И он совершенно не намерен доверять свое золото летающей машине неверных.

Таррант развел руками, и министр снова перевел взгляд на Модести.

— Вот так обстоят дела, мисс Блейз. Формально шейх сам несет ответственность за сохранность своих алмазов, как только они оказываются в Кейптауне в сейфе корабля. Но нам хотелось бы быть уверенными, что груз будет доставлен в целостности и сохранности. Потому что если что-то вдруг пойдет не так, его высочество может несколько... — Торнтон замолчал в поисках наиболее верного слова.

— Заартачиться? — подсказала Модести, и Таррант от восторга зажмурился.

— Вот именно, — кивнул Торнтон. — А в наши дни у нас нет возможности оказывать сильное давление на руководителей малых государств. Если бы он уклонился от выполнения своих обязательств, а у нас оказалась бы канонерка не более чем в пяти сотнях миль от его берегов, нам пришлось бы действовать очень быстро, если мы не хотим услышать в свой адрес обвинений в наглой агрессии.

— Почему, собственно, что-то должно случиться с алмазами? — спросила Модести. Торнтон взглядом переадресовал ее вопрос

Тарранту.

— Произошла утечка информации, — пояснил тот. — Все это было самым тщательным образом засекречено, но один из моих агентов на юге Франции недавно услышал шепоток о том, что из Кейптауна собираются перевозить гигантскую партию алмазов. Я попросил его установить источник слухов, но агент скоропостижно скончался.

— Это не могло быть совпадением? — спросил, нахмурясь, Торнтон. — Мы все, так сказать, смертны...

— С вашего разрешения, господин министр, — перебил его Таррант, пытаясь понять, как далеко он имеет право зайти. — Мне кажется, что, когда человек умирает от того, что его слегка придушили струной от рояля, это означает одно: кто-то взял на себя смелость несколько ускорить естественный процесс...

— Против этого трудно что-либо возразить, — кивнул Торнтон. — Что ж, Тарранту положено проверить, нет ли вокруг этой затеи чего-то подозрительного, и у него возникла идея, мисс Блейз, что существует заговор с целью завладения алмазами. Мы, конечно, приставим вооруженных людей к сейфу, да и его высочество настаивает на том, что в охране примут участие и его люди. Поэтому алмазам вряд ли что-то всерьез угрожает. Есть, конечно, опасность пиратов, но «Тибория» довольно неплохо оснащена, чтобы не бояться и этого.

— Итак, вы тратите деньги на предосторожности, которые сами же считаете излишними? — спросила Модести, чуть подняв брови.

— Не совсем так. Я предоставил Тарранту полную свободу действий. Пусть принимает все те меры безопасности, какие считает нужными. Нам необходимо произвести благоприятное впечатление на шейха. Мы сообщили об опасениях Тарранта Абу-Тахиру, и он встревожился. Поэтому я поручил Тарранту уделить этой проблеме персональное внимание. Вопрос доброй воли, мисс Блейз...

— Ну а как же я вписываюсь в эту картину? — осведомилась Модести. Она извлекла плоский золотой портсигар, но Таррант оказался тут как тут с коробкой тех самых «Перфекто финос», которые, как он заметил, она курила тогда, в пентхаузе.

— Вы часть карт-бланш Тарранта, — сказал Торнтон, слегка пожимая плечами. — Он уверяет меня, что вы обладаете блестящими познаниями насчет европейского и ближневосточного преступного мира, и у вас существует разветвленная система связей, которая

позволит установить, имеется ли на самом деле заговор и если да, то кто в нем участвует, а также как заговорщики собираются действовать.

— Ясно. Но лично вы во все это не верите? Торнтон подался вперед, и на его лице появилась гримаса. Модести понадобилось мгновение, чтобы понять, что это улыбка. Ее собеседник пытался быть любезным до приторности.

— Я уверен, что Тарранту все это померещилось, — сказал он. — По-моему, вам не следует особо волноваться, что может возникнуть непредвиденная ситуация, связанная с опасностью для вас, мисс Блейз.

— Спасибо, господин министр. Ваши слова меня очень успокаивают.

— Не за что. — Торнтон изящно повел рукой. — Итак, Таррант, представьте эту молодую даму шейху Абу-Тахиру и расскажите ему о ней все необходимое, прежде чем она... приступит к выполнению того, о чем мы ее попросили. Постарайтесь произвести на нашего друга соответствующее впечатление и растолкуйте, что к чему.

— Хорошо, господин министр. Завтра он устраивает для меня ланч в своих апартаментах в «Ритце», и я возьму с собой мисс Блейз. Есть еще одна деталь, о которой я хотел бы сказать — в связи с возможным заговором.

— Я вас внимательно слушаю. — В голосе Торнтона послышалось легкое нетерпение.

— Как только до нас дошли слухи о заговоре, я послал нашего человека навести справки. Как вам известно, его задушили. После этого я послал второго агента. В высшей степени надежного и опытного человека. Это Айвор Грант, который, как вы помните, очень неплохо проявил себя в чешском деле.

— Да, я помню. Ну и что?

— За последние сорок восемь часов Айвор Грант не вышел на связь ни разу в четыре условленных срока. Боюсь, что мы потеряли и его, господин министр.

Глава 4

Айвор Грант теперь уже не сомневался, что жить ему осталось недолго. Это был высокий, худой, сильный человек лет тридцати восьми с черными волосами, которые обычно были гладко зачесаны назад, но сейчас беспорядочно спутались.

За последнее десятилетие Грант много раз блуждал по темным и опасным дорожкам, выполняя поручения Тарранта. Причем одни задания были опасными, а другие крайне опасными. Но даже в самых сложных обстоятельствах Грант всегда мог придумать выход — не без труда, конечно, но все-таки никогда еще не испытывал он такой безнадежности, как нынче.

Да, сейчас все складывалось иначе. Как только Грант очнулся на корабле в темной каюте и понял, что его приковали к койке, ему стало ясно, что, похоже, на сей раз его песенка спета.

Это ощущение лишь усилилось, когда темной безлунной ночью его выгрузили на берег какого-то острова. Примерно полторы мили его вели по ухабистой дороге вдоль моря, после чего дорога резко свернула в гору, к монастырю. Его конвоиры были, судя по всему, профессионалами. Это чувствовалось по тому, как уверенно они держались. Они явно работали на кого-то жестокого и безжалостного. Они представляли разные нации и говорили очень мало. Языком общения был английский, которым эти люди владели весьма неодинаково.

Грант сидел на дубовой колоде у стены в маленькой комнатушке. Он слегка пошевелился, отчего его наручники звякнули. На табуретке у открытой двери сидел дюжий охранник в темной майке и джинсах. На коленях у него лежала винтовка, и он не спускал глаз с Гранта. Лицо его не выражало никаких эмоций.

Грант оценивал людей по глазам. Глаза этого человека — равнодушные и спокойные — убедили его в том, что их обладатель не раздумывая всадит в него, Гранта, пулю, если только тот пошевелится. А куда уж полетит пуля, будет зависеть от полученных охранником инструкций. Скорее всего, решил Грант, в ноги.

Грант чуть пошевелил ногами, чтобы они не очень затекали, выпрямился на своем сиденье и начал автоматически приводить в порядок разрозненные факты, словно готовя отчет.

Итак, это остров. Очень маленький. Где-то в Средиземном море. Примерно две мили в длину. А в ширину до полумили — в самом широком месте. Скалистый безлюдный остров с тонкой полоской каменистого берега. В западной части высилась небольшая гора в пару сотен футов, на которой виднелись каменные постройки монастыря.

Количество монахов в монастыре не установлено. Когда его вели через большую кухню, там работало трое. Похоже, они все были из ордена молчальников и изъяснялись знаками. Они совершенно не обращали внимания на приставленного к ним приземистого крепыша блондина с карабином. Но на Гранта посмотрели с явной тревогой.

Грант также припомнил, что в маленькой капелле коленопреклоненно молилось еще человек тридцать. Затем, когда, отворив тяжелую дубовую дверь, Грант и конвоиры спустились по лестнице вниз, он увидел ряд маленьких пустых келий. В одной из них лежал покойник, кое-как зашитый в грубое одеяло.

Допрашивал Гранта человек по имени Макуиртер, с худым лицом, дергающейся походкой и повадками клоуна. Допрос проводился очень странно: Макуиртер то балагурил, то уговаривал, то делался доверительно-откровенным.

Насилие не применялось. Грант изобразил испуг и негодование и поведал свою легенду. Макуиртер слушал и довольно хихикал.

— Эх, жалко он не приказал мне выбить из тебя эту дурь, дружище Грант, — говорил он, потирая сухощавые руки. — Вот была бы потеха, верно я говорю? — И он улыбнулся, словно приглашая Гранта разделить его веселье.

— Кто это «он»? — пробормотал Грант, пытаясь создать впечатление перепуганного простачка, хватяющегося, как за соломинку, за возможность апеллировать к некой высшей инстанции.

— Ишь какой хитрый, все ему расскажи! А кто твой «он»? — осведомился в свою очередь Макуиртер и по-мальчишески звонко рассмеялся, опять приглашая Гранта оценить комизм ситуации. — Ну, так что — Боултер? Или Дикки Спеллман? А может, Таррант? В Лондоне столько всяких начальников...

Грант изображал полнейшее непонимание, но каждое имя врезалось ему в голову, словно удар дубинки. Он работал на Боултера в военной разведке до того, как его перевели в отдел Тарранта. А Дик Спеллман недавно возглавил отдел военно-морской разведки.

— Я ничего не понимаю, — упрямо твердил Грант. — Что тут творится? Почему вокруг вооруженные люди? И в одной из келий я, кажется, видел мертвеца.

— Божий раб, — сказал Макуиртер и усмехнулся. — Наконец-то освободился от брэнной оболочки и может предстать перед Создателем. Не то чтобы эти святоши, конечно, особенно нам мешали, но они оказывали, так сказать, пассивное сопротивление. — Он искоса посмотрел на Гранта, и в его глазах загорелись лукавые огоньки. — Мы решили немножко вразумить их. Если можно так выразиться, выбрали из их братии козла отпущения. — Тут он нахмурился и строгим голосом добавил: — Есть прецедент в Священном писании.

— Вы убили одного из монахов? — испуганно осведомился Грант, вполне отдавая себе отчет в том, что ему для этого вовсе не пришлось призывать на помощь все свое актерское мастерство, чтобы внушить собеседнику, как скверно у него на душе.

— Ну да, — широко развел руками Макуиртер. — А что еще было делать? Это оказалось самым простым и наглядным способом объяснить им, кто мы такие и как с нами следует себя вести.

— Вы просто сошли с ума, — сказал Грант с новым приливом сил. — Я хочу видеть вашего начальника, кем бы там он ни был.

— Всему свое время, — весело сказал Макуиртер вставая. — Только сперва придется немножко подождать. Он смотрит кино. У него появилась парочка фильмов. Ну а пока Карлос составит тебе компанию. — И он кивнул на молчаливого здоровяка с винтовкой.

— Парочка фильмов? — повторил Грант, как человек, который хочет проверить, не спятил ли он. Давняя привычка заставляла его выискивать новую информацию, несмотря на то что он вряд ли сумеет когда-либо ее передать. — Вы хотите сказать, он смотрит порнофильмы, да?

Макуиртер пристально посмотрел на него. Веселость как ветром сдуло. В глазах его был безмолвный упрек.

— Ты меня огорчаешь, приятель, — сказал он и отвернулся.

— Ничего страшного, ты не девица, — отозвался Грант, позволив враждебным ноткам проявиться в реплике. — Мне плевать на то, что там делает твой босс. Я просто хочу увидеть его. Кто он, черт возьми, такой?

— Его зовут Габриэль, — сказал Макуиртер и вышел. Вот тогда-то Грант и понял окончательно и бесповоротно, что его песенка спета. Теперь, сидя на дубовой колоде, он думал лишь о том, какой будет его кончина.

Двадцать минут спустя снова появился Макуиртер, к которому опять вернулось веселое и шутливое настроение. С ним на сей раз пришел человек крупного сложения с короткой светлой стрижкой. Грант видел его в монастырской кухне. По-английски блондин говорил медленно, с северным акцентом.

— Двадцать три часа тридцать минут, — возвестил Макуиртер, поглядев на свои часы. — Всем добрым людям давно пора на боковую. Давай, шевелись, старина, пойдешь с Боргом. Габриэль очень любит точность. Его никак нельзя торопить, но и заставлять ждать тоже не положено.

Прикованный наручниками к Боргу, Грант стал подниматься по каменным ступенькам. Они прошли через пустую трапезную, затем двинулись по широкому коридору, где в нишах по стенам стояли статуи святых. Впереди вышагивал Макуиртер, постоянно оборачиваясь и балагурия:

— А знаешь ли ты «Рядового гвардии», приятель Грант? Песню Фэрфакса? — И он тут же завел: «Жизнь — это праздни-и-ик». Очень логичное заключение! Человек не может жаловаться, если его убьют в июле, потому как ему повезло, что его не уколошили в июне. Понимаешь? Но с другой стороны... — Минуя человека с пистолетом, сидевшего на широком подоконнике, Макуиртер погрозил ему пальцем и широко ухмыльнулся, не получив никакого отклика. — Так вот, с другой стороны, — повторил Макуиртер, — в следующей строке утверждается совсем обратное: «Жи-и-изнь — это бремя». В этом случае, если жизнь такая тяжкая ноша, человек не может жаловаться, что умирает сегодня, а не несколько дней спустя. Ну, а теперь тихо! — резко сказал Макуиртер без перехода и взялся за ручку дубовой двери.

Войдя в комнату, он прошел на цыпочках по ковру, махнув рукой Боргу, приглашая ввести пленника. Как только все они оказались

внутри, он осторожно прикрыл дверь.

В комнате было совсем темно, если не считать экрана, где шел цветной фильм. Когда глаза Гранта немножко привыкли к темноте, он заметил в дальнем углу письменный стол, книжные полки и какие-то религиозные картины и статуэтки. В воздухе витал сигаретный дым, а на полированном столике стояло с десяток бутылок со спиртным.

По размерам комнаты и отсутствию аскетизма в обстановке Грант предположил, что это апартаменты настоятеля монастыря. Впрочем, мрачно подумал он, не исключено, что сам настоятель и лежит теперь завернутый в одеяло в нижней келье.

В комнате было четверо. Один человек сидел в резном дубовом кресле, трое остальных расположились чуть сзади на обычных стульях и, судя по их позам, они сильно скучали. В отличие от человека в кресле, который сидел чуть откинувшись на спинку, уронив подбородок на сложенные руки и поглощенно следил за тем, что происходит на экране. Через каждые несколько секунд он разражался отрывистым хихиканьем.

Грант посмотрел на экран. Там крутили мультфильм из сериала «Том и Джерри». Кот Том сидел в комнате у приоткрытой двери. На его морде блуждала дьявольская усмешка. Занеся над головой бейсбольную битку, он поджидал, когда появится Джерри, но мышонок был за спиной Тома. Он появился из буфета на другом конце комнаты. Он вел самокат, к рулю которого была прикреплена паяльная лампа.

Человек в кресле хихикнул, ожидая потехи. Между тем Джерри вскочил на самокат. Он промчался по комнате, и Том, взвизгнув, подпрыгнул до потолка. Его зад сделался красным, как кумач. Потом он приземлился и тут же сиганул в окно. Еще мгновение, и картинка исчезла, по экрану поползли титры.

«Киномеханик» выключил проектор и зажег свет. Как успел еще раньше понять Грант, у монастыря имелась собственная маленькая электростанция. Теперь он попробовал вычислить количество оккупантов этого святого места, не считая, разумеется, тех, кто доставил его с корабля и, похоже, снова вернулся туда. В комнате было шестеро, включая и его: дюжий охранник с винтовкой и те, кого он успел заметить во время своих невольных перемещений по монастырю в разных стратегически важных точках. Никак не меньше трех

десятков, решил Грант, и добавил эти сведения к уже имевшейся и явно теперь ставшей бесполезной информации.

Человек поднялся с кресла. С его тонких губ слетели последние остатки улыбки. Он посмотрел на Гранта, но на его лице не отразилось ровным счетом ничего. Кожа пористая и какая-то желтовато-серая. Длинные черные волосы зачесаны на острые уши. Глубоко посаженные глаза очень широко расставлены, но самым удивительным был их цвет — он напомнил Гранту линялое хаки, причем издали создавалось впечатление, что радужка и вовсе отсутствует, и лишь в белом пространстве глазных яблок чернеют зрачки.

— Так, теперь я хочу проверить последние данные, — сказал Габриэль голосом столь же бесцветным, что и его глаза. — А это кто, Макуиртер?

— Некто по имени Грант. — Макуиртер говорил в той же жизнерадостной манере, что и прежде, но, как отметил Грант, он уже не произносил лишних слов. — Помните, что перед тем, как покинуть солнечный Антиб, группа, которая обеспечивала безопасность в Южной Франции, выдала утечку?

— Группа Пако. Да, помню. Британский агент кое-что пронюхал. С ним разобрались.

— Да, Борг сыграл ему на фортепьяно. — Макуиртер кивнул в сторону провожатого Гранта. — Но они не уgomонились. Послали еще одного типа. Вот он.

— Кто его взял?

— Калонидес. Он и доставил его сегодня. Решил, вдруг вам захочется немного потолковать с ним по душам. — В голосе Макуиртера появилась надежда.

Габриэль подошел к большому столу, где были аккуратно разложены какие-то папки и бумаги.

— Нет, — коротко сказал он. — Займитесь им сами. Мне некогда.

Макуиртер посмотрел на Гранта и изобразил на своем лице ухмылку, означавшую поздравление и сожаление одновременно.

— Может, им заинтересуется миссис Фозергилл? — почтительно осведомился он.

— А где она? — спросил рассеянно Габриэль. Он углубился в бумаги и слушал Макуиртера вполуха.

— Наверно, на террасе, внизу, — сказал Макуиртер и жестом показал на занавешенные окна. Это вызвало некоторое оживление среди троих других присутствовавших в комнате.

— Ладно, — сказал Габриэль, положив папку на стол. Человек в легких брюках и толстом свитере подошел и стал открывать шторы.

— Ну, в путь, приятель, я представляю тебя очаровательной даме, — сказал Макуиртер и двинулся к двери. Борг тоже повернулся, дернул наручники, и Грант был вынужден повиноваться.

В коридоре им повстречался монах, который нес еду на подносе. За ним шел охранник.

— Странная это штука — жизнь в медитациях, — говорил Макуиртер, энергично шагая. Он выставил голову вперед, а руки засунул в карманы. — Лично я никогда не питал к этому никакого интереса, но все равно обет молчания имеет свои отрицательные стороны. Как специалист в умирающем искусстве приятной беседы я...

Грант постарался отключиться от голоса Макуиртера, воспринимая его слова как посторонний шум. Нервы были напряжены до предела, его не отпускал страх, но голова работала ясно.

Миссис Фозергилл? Это имя не говорило ему решительно ничего. Судя по всему, ей и отводилась роль ликвидатора, но о деталях думать решительно не хотелось.

Грант стал тешить себя мыслью, что, если повезет, он сумеет забрать с собой на тот свет кого-то из этих мерзавцев. Может, Борга, но лучше всего, конечно, Макуиртера. Это несложно. Главное, выбрать подходящий момент. Грант умел убивать, но, к несчастью, у него свободной оставалась лишь одна рука, вторая была прикована к руке Борга, а тот был тяжеловес. Впрочем, если двинуть ему сначала пальцами в глаза, а затем коленом в пах, то, может, кое-что и получится...

Они подошли к открытой двери, вошли в нее, пересекли комнату и остановились у одного из высоких окон, выходивших на полукруглую, вымощенную каменными плитами террасу с невысоким парапетом. Пока Макуиртер открывал окно, Грант подумал, что за парапетом начинается обрыв. Ему показалось, что он слышит шум прибоя далеко внизу. Борг вынул из кармана ключ, которым отомкнул наручник на запястье Гранта. Прежде чем тот сумел использовать этот шанс,

последовал мощный толчок, и он вылетел на террасу, а окно за ним опять закрылось.

Грант выпрямился и стал озираться. Его охватило неприятное предчувствие. Полумесяц террасы тянулся во всю длину стены монастыря.

Грант услышал голоса и поднял голову. Высоко, в тридцати футах, был балкон, на который, судя по всему, выходила та комната, в которой Габриэль смотрел свои мультики. На балконе находилось четверо или пятеро мужчин. Впереди и чуть в стороне расположился Габриэль. Все стояли и смотрели вниз, чего-то ожидая.

Грант стал пятиться к центру террасы. В нем вдруг затеплилась надежда. Если удастся спуститься по крутому склону к морю и спрятаться где-то там, в скалах... На поиски уйдет целый день, а за день многое может перемениться.

Вдруг краем глаза он увидел какую-то красную точку и резко повернулся. Сверху донесся знакомый смех. К людям на балконе присоединился Макуиртер.

Грант впился взглядом в красную точку. Она стала перемещаться на каком-то темном фоне. Это темное пятно зашевелилось и превратилось в фигуру, сидевшую на парапете террасы в самом центре, примерно в двадцати пяти футах от Гранта.

Человек с сигарой... Фигура двинулась в сторону Гранта, и он понял, что это женщина.

Одета в серую рубашку с длинным рукавом и темные мятые брюки на ремне. Ноги в грубых парусиновых туфлях казались очень маленькими. Ей было лет сорок. Лицо тяжелое, без косметики, если не считать на помаженных губ. Плохо выкрашенные светлые волосы коротко подстрижены и местами стояли торчком. Широкие плечи. Короткая шея. Груды большие, но чем-то крепко подхваченные — под рубашкой не отмечалось никакого колыхания.

Миссис Фозергилл, подумал Грант, и вдруг почувствовал резкую боль. Безотчетный страх напомнил о себе спазмами в животе.

Она вынула изо рта окурочек сигары и швырнула его через парапет, отчего в воздух взлетел снопик искр. Губы растянулись в подобие улыбки — жуткой, неестественной улыбки, — а руки зашевелились, словно маня Гранта к себе.

— Ну что, приятель, — услышал Грант ее хриплый, чуть гнусавый голос. — Приступим, да? — С этими словами она сделала несколько быстрых шагов и ударила рукой Гранта наотмашь по лицу.

Шок от случившегося оказался ощутимей, чем сам удар. Грант отлетел назад, изогнулся, чтобы не потерять равновесия, и чуть присел, недоверчиво глядя на это странное создание. Инстинктивно он принял позу дзюдоиста. Это вызвало одобрительный возглас женщины.

— Молодец, — прохрипела она и стала наступать, легко передвигаясь на своих маленьких ножках.

В мозгу Гранта с лихорадочной скоростью происходила обработка информации. Женщина? Скорее всего, гермафродит. Крутая, хорошо обученная, проворная. И все же хоть наполовину, но женщина! Значит, у него должно хватить сил вывести ее из строя, а затем перебраться через парапет — и вниз! Она лениво махнула кулаком, целя ему в голову, Грант вскинул руку, чтобы парировать удар, но увидел финт слишком поздно: ему лишь отчасти удалось заблокировать мощный удар ноги, угодившей по почкам.

Грант простонал и, шатаясь, отскочил в сторону, стараясь поскорее обрести равновесие. Она же снова пошла вперед. Отчаянным усилием воли он заставил себя броситься в ответное наступление, пытаясь вонзить кончики пальцев ей в горло, одновременно остерегаясь нового удара ногой.

Она успела перехватить его руку. Какое-то время они стояли неподвижно. За это время остатки надежды покинули Гранта. С чувством обреченности он понял, что она гораздо сильнее и быстрее, чем он.

Стараясь об этом не думать, он попытался было ударить ее коленом и понял, что она раскусила его намерения сразу же, как только он принял решение. Она схватила его за руку, а второй рванула на себя, словно большую тряпичную куклу, и он получил страшный удар плечом в область сердца.

Грант полетел на землю и услышал, как она довольно захихикала, отступая. Голову стала заволакивать странная пелена, и, уже как сквозь сон, он услышал гул голосов на балконе.

Но Грант все же заставил себя снова встать на ноги. Сердце бешено колотилось в груди, воздух с хрипом вырывался изо рта. Он снова

пошел вперед, но она вовремя отпрянула в сторону и ребром ладони, словно топором, рубанула его по бицепсу.

Грант зашатался, сделал еще несколько шагов, повернулся к ней. Рука безжизненно повисла вдоль тела. Он подумал, что, может быть, у него сломана кость.

Ее лицо вдруг преобразилось. Маленькие черные глазки засветились плотоядным удовольствием. Грант стоял и, пошатываясь, ждал, когда эта ведьма сделает новый ход. Он надеялся, что ее самоуверенность даст ему последний шанс провести успешную контратаку, позволит нанести ей удар ногой в живот. Это было единственное, на что он сейчас оставался способен.

Страшная женщина пошла вперед, увернувшись от его удара, словно матадор от быка. Он попытался ткнуть пальцами здоровой руки ей в глаза, но она ловко схватила его за запястье, зажала руку под мышкой и резко дернула. Раздались треск кости и вопль Гранта. Их лица оказались рядом, и, когда он увидел, каким вожделением светятся глазки женщины, его чуть не вырвало.

Миссис Фозергилл отпустила его, ударив еще раз рукой наотмашь по лицу, потом последовала ловкая подножка, и он грохнулся на плиты террасы, ударившись затылком о камень, отчего глаза стала застилать чернота. Последним усилием Грант попытался встать, но мускулы отказались слушаться.

Миссис Фозергилл с шумом втянула в себя воздух и с чувством хорошо сделанной работы выдохнула. Подтянув брюки на коленях, она оседлала поверженного Гранта. Затем не торопясь опустила руки ему на шею, поставив большие пальцы на гортань, и надавила.

Габриэль молча наблюдал всю сцену от начала до конца, а когда Айвор Грант окончательно затих, вернулся в комнату. Остальные последовали за ним.

— Никому никогда не приходило в голову, кто такой мистер Фозергилл? — задумчиво произнес Макуиртер. Один человек рассмеялся, другой отозвался фразой по-испански, третий начал переводить фразу Макуиртера на пиджин-инглиш^[5]. Но Габриэль резко оборвал оживление.

— Наведите порядок там, на террасе, — коротко сказал он своим подчиненным. — А я хочу немного потолковать с Макуиртером.

Те покинули помещение, а он сел за большой стол. Макуиртер, сцепив руки за спиной, начал расхаживать по комнате взад и вперед, ожидая, когда заговорит Габриэль.

— Тут все точно, все соответствует состоянию на данный момент? — осведомился Габриэль, беря в руки лист бумаги.

— Да. Если это то, что я велел напечатать Шевьеру. Но можно быстро проверить. — Он остановился и прищурился. — Наем группы Ламеля в Ливане — пятьдесят две тысячи. Столько же для группы Пако на юге Франции. Прочие гонорары: Зингерману в Амстердаме, Де Грооту в Кейптауне, Машаре в Порт-Саиде, и Цвейфу в Хайфе — каждому по четыре с половиной тысячи. Захват острова — двенадцать тысяч.

Прикрыв глаза, Макуиртер подергал себя за ухо, затем продолжил быстрое перечисление:

— Перевозка и особое оборудование — шестьдесят тысяч семьсот. Взятки, оплата информации, вознаграждение субагентам — восемь тысяч триста пятьдесят. Зарплата нашим собственным людям и накладные расходы — пятнадцать тысяч четыреста. Предполагаемые будущие расходы — пятьдесят тысяч. — Он открыл глаза и посмотрел на Габриэля. — Все в фунтах стерлингов. Всего двести пятьдесят восемь четыреста пятьдесят. Ожидаемый доход — десять миллионов минус расходы по сбыту — два миллиона. Чистая прибыль — семь миллионов семьсот сорок одна тысяча пятьсот пятьдесят фунтов.

Габриэль положил лист с цифрами и кивнул.

— А вы знаете, как провести это по документам?

— Как обычно. Просто все сейчас будет выглядеть внушительнее. У вас пятнадцать официальных законных компаний, работающих в самых разных сферах по всему миру. Следы доходов растают без следа. Я уже продумал черновые варианты соглашения, предусматривающего покупку разных акций через доверенных лиц. Это все довольно мудреная бухгалтерия, но, если желаете, я могу объяснить и показать...

— Нет. — Бесцветные глаза уставились на Макуиртера. — Вряд ли вы сделаете какую-либо глупую ошибку.

Худое лицо Макуиртера потеряло свой прежний цвет.

— Я не такой болван, Габриэль, — кисло заметил он. В дверь постучали. Вошла миссис Фозергилл, вытирая руки о большой грубый

носовой платок. На лице ее изобразилась ленивая пресыщенность.

— А, дорогая дама! — воскликнул Макуиртер и прыгающей походкой двинулся ей навстречу, излучая восхищение. — Если бы вы знали, как я вам завидую, миссис Фозергилл. Счастлив тот юноша или та девушка, кому нужно столь немного. — Он взял ее руку и, чуть наклонившись, нежно погладил запястье. — Никакого желания разбогатеть. Никаких романтических терзаний. Лишь кувшинчик вина, книжка про то, как нарастить мускулы, и время от времени убийство-другое. Идиллия.

— Кончайте, Макуиртер, — добродушно отозвалась миссис Фозергилл, отпихивая его. — Кстати, раз уж речь зашла о спиртном, я бы не прочь сейчас промочить горло.

Габриэль кивнул головой, и Макуиртер налил в один из стаканов на палец виски из батареи бутылок на столике.

— Ваше здоровье, миссис Фозергилл, — сказал он, подавая ей стакан. — Вы помогли мне выиграть пять фунтов. Я побился об заклад, что вы задушите бедного парня, а Борг утверждал, что вы сломаете ему шею, как это вышло с настоятелем, мир его праху.

— Я думала об этом, — призналась миссис Фозергилл. — Но этот способ слишком уж быстрый. Говорите, тот был настоятелем? — Она сделала глоток, подумала и залпом осушила стакан. — Значит, вы выиграли у Борга пятерку... — спросила она Макуиртера. — Ничего, я получу ее с вас завтра за покером.

Потом она посмотрела на Габриэля и робко произнесла:

— Спасибо, Габриэль. Я имею в виду это небольшое развлечение.

— Не за что, миссис Фозергилл, — отозвался тот. — Пришлите, пожалуйста, ко мне Мендозу.

Она кивнула, вытерла губы тем же платком, сунула его в карман брюк и удалилась.

Макуиртер ухмыльнулся и начал было что-то говорить, но, увидев, что Габриэль сосредоточенно изучает лист бумаги с цифрами, умолк. Минуты две спустя в комнату вошел смуглый человек в одной рубашке без пиджака. Габриэль встал.

— Ну-ка, прокрутите мне еще разок тот мультик, Мендоза. С паяльной лампой. Вы, кажется, не видели его, Макуиртер?

— Я? Нет, не видел. Калонидес доставил пленку только этой ночью.

— Ну что ж, отлично. Присаживайтесь. — Это было знаком расположения. Свет в комнате погас, и Мендоза запустил проектор. Макуиртер плюхнулся на стул и сделал усилие, чтобы подавить зевоту. Когда на экране появились титры, лицо Габриэля ожило, и на губах появилась улыбка.

Глава 5

— Классический пример! — говорил Таррант. — Наш достопочтенный друг делает правильный ход, действуя из неправильных предпосылок. — Он сидел на высоком табурете, зацепившись каблуками за перекладину и смотрел, как Модести Блейз заливает кипящей водой свежесмолотый кофе в керамическом кофейнике.

Из Вестминстера они проследовали прямо в пентхауз Модести Блейз, и теперь сидели на ее большой кухне, где преобладал голубой цвет и было немало хромированных поверхностей. Она никак не отреагировала на эту реплику, и Таррант с удовлетворением отметил, что ее мысли блуждают где-то совсем далеко. Модести слегка нахмурилась, явно чем-то недовольная.

— Впрочем, может, такова его тактика, — продолжал Таррант. — Если все заканчивается удачно, он вовсе не обязан ни в чем отчитываться, а вот если операция с треском проваливается, он получает хорошую оборонительную позицию и может вконец запутать своих оппонентов.

— Вы упоминали Вилли Гарвина, — напомнила Модести и, прислонясь спиной к шкафчику со специями, закурила сигарету.

— Да, — отозвался Таррант с деланным равнодушием. — Он, конечно, очень мил, но все-таки, как ни верти, это необразованный уголовник с толстым-претолстым криминальным досье.

Модести посмотрела на него с явной враждебностью.

— Мое, пожалуй, будет потолще, если, конечно, внести туда все, чего там нет. И кроме того, в последние семь лет Вилли не совершал ничего такого... Кроме того, в вопросах, вас интересующих, он как раз разбирается куда лучше, чем кто-либо из тех, кого вы знаете.

— Не спорю, у него есть ряд полезных навыков, — вздохнул Таррант. — Но эта работа требует тонкости...

— Готова побиться об заклад, что Вилли перехитрит любого, кого вы только предложите. Ну а что касается данной операции, то когда речь идет о фортепьянной струне вокруг вашей шеи, тут одной тонкости маловато.

— Итак, вы не согласны с нашим Перси, что все это — набор совпадений?

Модести Блейз только махнула рукой.

— Нет, конечно. Десять миллионов фунтов в алмазах — серьезная сумма, и она привлекает только очень серьезных ребят. Есть лишь три человека, которые в принципе могли бы взяться за это, но вообще-то, скорее всего, речь идет лишь об одном человеке.

— Фортепьянная струна — это почерк Борга. А Борг — человек Габриэля. — Модести поставила на стол чашки и стала разливать кофе.

— Габриэль, — тихо произнес Таррант, глядя на руки Модести. Помолчав несколько секунд, он неожиданно спросил: — А кто ведет ваше хозяйство?

— Венг. Он из Индокитая. В настоящий момент он находится в Бенилдоне, в Уилтшире, где у меня есть коттедж и несколько акров леса. Венг поехал туда, потому что у меня там три лошади, а конюх выходной. Венг вернется завтра. Но почему вы сразу переменили тему, как только я упомянула Габриэля?

— Чтобы выиграть время. Нет, ни сливок, ни молока не надо, спасибо. Просто я пытаюсь поскрести по пыльным сусекам моей памяти и понять, что мне известно об этом человеке.

— Сильно сомневаюсь, что вы там много обнаружите.

— Вы правы, моя дорогая. И наше досье на Габриэля, и досье Интерпола незначительны и малоинформативны. Официально это очень богатый, весьма уважаемый господин, интересы которого отличаются разнообразием. Он выходец из Латвии, но получил то ли перуанское гражданство, то ли боливийское.

— Боливийское, но это несущественно. Важно другое. На самом деле Габриэль — преступник очень крупного калибра. Пожалуй, от Лиссабона до Гонконга ему просто нет равных. Его возможности поистине неограниченны.

— Вы с ним встречались?

— Однажды — и очень коротко. По ошибке. Мы запланировали крупную операцию в Калькутте — изъятие золотых слитков. То же самое собирался сделать и Габриэль. Он вызвал меня и велел отступить. Я так и сделала.

Модести поставила чашки на поднос и прошла в гостиную. Таррант последовал за ней.

— Очень разумное решение, — прокомментировал он. — Вы создали Сеть ради прибылей, а война преступных группировок — дорогое удовольствие. Но тут совсем другой случай. Я готов обеспечить вам такое подкрепление, какое не в состоянии предоставить Вилли Гарвин.

Модести застыла на мгновение и внимательно посмотрела на Тарранта.

— Вы ведь отнюдь не глупец, сэр Джеральд, — проговорила она. — Не могу взять в толк, почему же в таком случае вы так говорите.

Он начал было что-то объяснять, понимая, что несколько увлекся, но она остановила его легким кивком.

— Нет, лучше сядьте, выпейте кофе и послушайте меня. — Убедившись, что он внял ее совету, она продолжала: — Я нашла Вилли Гарвина в сайгонской тюрьме и купила ему свободу. Он был неуправляем, он плохо соображал, что к чему, но зато умел убивать. У меня были основания полагать, что я сумею его укротить и образумить. Даже не основания, если говорить откровенно. Просто мне подсказывала это интуиция.

Модести села на черный кожаный честерфилд напротив Тарранта и стала помешивать ложечкой кофе.

— Я не ошиблась, — продолжала она. — Собственно, результаты превзошли все мои ожидания. Во-первых, Вилли оказался способен на безусловную преданность. Вы можете представить, что это такое в нашем деле. Кроме того, выяснилось, что Вилли умеет думать — и быстро, и четко. Он всегда это умел, хотя и не подозревал об этом. Его способности дремали до поры. Возможно, потому, что перед ним не возникало серьезных целей и задач.

— Какие же цели вы перед ним поставили?

— Я не ставила ничего, — сказала она и, поколебавшись, заговорила снова: — Ему было достаточно, что он работает на меня. Но он прогрессировал не по дням, а по часам. Признаться, я многому от него научилась. Он не только неплохо соображает, у него есть интуиция.

Она посмотрела на Тарранта и вдруг улыбнулась.

— Вы не поверите, но он предчувствует беду. У него начинает покалывать в ушах.

— Вы шутите? — усмехнулся Таррант.

— Нет. Это дважды спасло мне жизнь. А уж сколько раз это спасало жизнь Вилли, и не сосчитать. И еще он без слов понимает, о чем я думаю. Когда ты попадаешь в переплет, как любит выражаться Вилли, такой инстинкт просто на вес золота. Ну а когда дело принимает совсем крутой оборот, Вилли просто неподражаем. Я видела его... — Она осеклась, пожала плечами и взяла свой кофе. — Впрочем, это неважно. Семь лет — долгий срок, и история Вилли Гарвина тоже длинная. Сейчас не время рассказывать ее, сэр Джеральд.

— Согласен, — отозвался Таррант, достаточно ясно давая понять, что сильно сомневается в услышанном. — Но все это относится к прошлому, и Гарвин не работал на вас уже год. У меня сложилось впечатление, что он, так сказать, пошел под уклон, и потому мне бы решительно не хотелось, чтобы он принимал участие в этой операции. Вы уж меня извините... — Он подпустил неуверенности и закончил неловкой паузой. Пауза затянулась на добрую минуту.

Модести допила кофе, поставила чашку и встала, Таррант тоже встал.

— В таком случае мы ни о чем не договорились, — холодно возвестила она.

— Прошу прощения? — отозвался Таррант, как он надеялся, уже ледяным тоном. — Я полагаю, что на этой стадии вы уже не можете повернуть дело вспять.

— Я действительно согласилась выполнить работу для вас. Но я не в вашем подчинении. Если я что-то делаю, то сама решаю, с кем и как мне работать.

Секунд пять Таррант держал каменное лицо, затем позволил себе смягчиться и, слабо вздохнув, сказал:

— Ну что ж, коль скоро это ваш ультиматум, мне ничего не остается, кроме как подчиниться. Когда вы поговорите с Гарвином?

— Говорить с ним придется вам, — услышал он в ответ. Ее лицо оставалось холодным. — Вилли не является моей собственностью, но я нуждаюсь в его помощи. И если вы проявите достаточно такта, он, наверно, согласится.

Отменный удар, с мрачным восхищением подумал Таррант, а вслух сказал:

— Я буду мягок с Вилли, но только объясните: где и когда я могу с ним встретиться.

— Завтра вы берете меня с собой на ланч с шейхом Абу-Тахиром, — напомнила Модести, в голосе которой снова послышались дружеские нотки. — Вы могли бы найти время, чтобы вечером побывать на «Мельнице»?

— Вы же слышали, что сказал мой шеф. Я должен уделить этому делу персональное внимание.

— Значит, завтра вечером. А между тем, может, вам удастся установить, где сейчас находится Габриэль и чем занимается — по крайней мере, официально.

— Я поручу это Фрейзеру. Он как раз сегодня на дежурстве, Если вы не возражаете, я заеду за вами завтра в двенадцать сорок пять.

— Я буду вас ждать. И как я понимаю, мешкать нам уже не приходится.

— Совершенно верно. Алмазы будут доставлены на «Тиборию» в течение двух недель, а затем, три недели спустя, они должны оказаться в Бейруте. Это означает, что времени на подготовку операции остается вовсе не так уж и много.

— Понимаю. — Модести присела на ручку кресла и пристально посмотрела на Тарранта. — У вас есть какие-то догадки, где может быть нанесен удар?

— Думаю, как в пункте отправления, так и в пункте прибытия, то есть и в Кейптауне, и в Бейруте. За Кейптаун отвечают южноафриканские власти. С Бейрутом ситуация выглядит гораздо более неопределенно. Но я могу попробовать использовать наши официальные каналы...

— А вас не беспокоит само путешествие от Кейптауна до Бейрута?

— Беспокоит, конечно, — грустно пожал плечами Таррант. — Впрочем, мне от этого не легче. Собственно, я доверяю своей интуиции, прямо как Вилли Гарвин. Если бы я был устроен, как он, у меня уже всюю покалывало бы в ушах. — Он улыбнулся Модести и продолжал: — Но если бы вы сумели выяснить, что задумали предпринять гипотетические противники, я бы знал, на чем сосредоточить наши основные усилия.

Модести тронула пальцами великолепный аметист, покоившийся на ее груди над самым вырезом платья. Взгляд ее сделался отстраненным. Глядя на нее, Таррант вдруг ощутил всю абсурдность ситуации. Казалось, ему снится какой-то странный сон. Почему он обсуждает все эти мрачные проблемы с такой потрясающей женщиной? Она вообще не должна была бы иметь никакого отношения к таким вещам, как смерть и насилие! Он посмотрел на ее стройную изящную шею, вдруг вспомнил о струне-удавке, и к горлу подкатила дурнота.

— Скорость моего передвижения, — заметила между тем Модести, — целиком зависит от того, как отреагируют на мои просьбы мои старые контакты. Вообще-то они предпочитают держать язык за зубами. Но не исключено, что ради меня... — Она встала и пожала плечами. — Может, и шепнут словечко-другое.

— О чем вы будете их расспрашивать?

— Об алмазах. И о Габриэле. Если выяснится, что он тут ни при чем, придется снова пораскинуть мозгами. Но все же я хочу начать с Габриэля, а потому, пожалуйста, предоставьте мне все, что у вас на него имеется.

— Договорились. — Чувство абсурдности улетучилось, и Таррант снова ощутил себя профессионалом, не привыкшим ничему удивляться. — Спасибо за кофе, моя дорогая. А теперь спокойной ночи.

Когда двери лифта закрылись за Таррантом, Модести вышла на террасу и закурила. Теперь ее мысли были обращены на себя. Она бдительно следила за своими чувствами и с удовольствием отметила, что перспектива операции не вызвала никаких неприятных эмоций, только предвкушение интересной интриги.

Модести затушила сигарету и направилась в спальню. Панели на стенах спальни были цвета слоновой кости, ковер — светло-зеленым, а покрывало на кровати и шторы — серебристо-серыми. Она прошла в ванную комнату, где стены были выложены розовым кафелем, а пол — черной керамической плиткой.

Модести пустила воду, а сама пошла раздеваться. Под вечерним платьем на ней были черный лифчик и колготки. Модести терпеть не могла чулок. Резинки, пражки — все это только мешало и раздражало.

Сняв белье, она уставилась на себя в большое зеркало в спальне, тщательно рассматривая свое нагое тело, и вовсе не для того, чтобы утолить тщеславие.

Ее интересовало, в хорошей ли она форме. Нет, никаких признаков жира. За год она не растолстела, и немудрено. Она очень следила за своим физическим состоянием. Она ежедневно плавала, в Бенилдоне занималась верховой ездой, а если позволяло время, устраивала боевые поединки с Вилли Гарвином из ностальгических соображений. Впрочем, только ли дело в ностальгии?

Модести провела пальцами по бедрам, по икрам, потом выпрямилась и постучала кулаками по животу.

С мускулами порядок.

Она мягко изогнулась, и ладони ее коснулись пола за спиной. Потом, поочередно взмахнув ногами, легко сделала обратное сальто.

Она тщательно выискивала признаки напряжения, переутомления, но поскольку таковых не обнаружила, одобрительно кивнула.

Утопленная в полу ванна была уже наполнена на три четверти. Модести надела пластиковую шапочку, закрыла краны и погрузилась в воду. У изголовья в нише стоял телефон. Модести взяла его и стала набирать номер.

Телефон не унимался, и Вилли Гарвин выругался.

— Пусть звонит, — сказала блондинка, заглядывая ему в лицо. — В конце концов, рано или поздно им надоест. — Она приблизила свои губы к его уху и игриво укусила за мочку.

В ее интонациях чувствовался местный выговор с характерным растяжением слогов. Она была двадцатитрехлетней дочерью джентльмена-фермера и помолвлена с другим фермером-джентльменом. Вилли очень надеялся, что ее избранник не склонен чуть что покрываться синяками. Девушка была зубастая, как щука, но если удавалось вытерпеть ее игривые увертюры, то затем ты уже не раскаивался.

— Погоди-ка, Кэрл, — сказал он и, откатившись на свою половину кровати, взял трубку телефона на столике.

— Алло.

— Это я, Вилли. Ты с параллельного телефона?

— Привет, Принцесса, — сказал он, и в голосе его появилась теплота. — Нет, я с главного, в спальне. Все остальные отключены.

— У тебя кто-то есть?

— Да, но это все так, пустяки. Коротаем время.

— Боже, Вилли, она не придет в восторг от такой оценки. — Модести рассмеялась. — Ну да ладно, я буду говорить, а ты соответственно реагируй.

— Договорились, Принцесса.

Модести говорила спокойно и уверенно несколько минут, а Вилли поглощенно слушал. Для того, кому случилось бы подслушать ее речь, текст показался бы какой-то головоломкой, потому что Модести пользовалась жаргонным винегретом из французского, арабского и английского, но для Вилли это все было ясно и понятно.

В какой-то момент он присвистнул и сказал, усмехнувшись:

— Надеюсь, ты права, Принцесса. Очень было бы мило заодно свести кое-какие счета. А то нам тогда пришлось пойти на попятный, а для меня это как заноза.

Позже он сказал:

— Ясно. Привози его часиков в восемь. Только скажи, как мне все обставить.

Он выслушал ответ и хмыкнул:

— Ладно, Принцесса, все в порядке. Ты мне совершенно не помешала, о чем речь!

Вилли Гарвин положил трубку и, закинув руки за голову, с довольным видом уставился в потолок. Лишь когда он потянулся за сигаретами на столике, то вдруг почувствовал, что в комнате произошли некоторые изменения.

Он стал воскрешать в сознании те шумы и шорохи, которые едва долетали до него в последние минуты, а именно: скрип кровати, шелест чулок и нижнего белья, сердитое бормотание, суетливые движения, щелканье застежки на сумке и хлопанье двери, а затем цокот каблучков по коридору.

Вилли сел в постели и с удивлением стал оглядывать пустую комнату.

— Кэрол! — негодуяще воскликнул он. — Кэрол! Но ее и след простыл.

Глава 6

Такси Тарранта подъехало к дому с пентхаузом и остановилось за открытым сине-голубым «роллс-ройсом», за рулем которого сидел шофер в ливрее.

— Не выключайте счетчик, — сказал Таррант таксисту. — Ждать долго не придется. Не больше минуты.

Не успел он выйти из машины, как из подъезда вышла Модести Блейз, — с непокрытой головой, без шляпы, в шелковом костюме цвета стали, в белых лайковых перчатках и с белой сумочкой.

Таррант, успевший познакомиться с ее драгоценностями, оценил нитку жемчуга на шее за семь тысяч фунтов. Модести выглядела обворожительно, и Таррант вдруг испытал приступ грусти: как-никак он подвергал ее жизнь большой опасности. Модести поприветствовала его, улыбнулась и сказала:

— Обойдемся без такси. Нас отвезет Венг. Таррант посмотрел на «роллс-ройс». Он заметил, что на водительском месте находится юноша азиатского вида лет девятнадцати. Он сидел, сложив руки на груди, с чувством превосходства над всем миром.

— Можете не беспокоиться, — сказала Модести. — Венг прошел курс вождения повышенной сложности.

— Я не беспокоюсь, — сказал Таррант, расплачиваясь с таксистом. — Просто я не привык к таким королевским лимузинам.

— Я купила его в припадке безумия, — рассмеявшись, пояснила Модести, пока Таррант открывал дверцу, помогая ей сесть. — Но Венгу эта машина нравится, и она вполне приличествует сегодняшнему случаю. Коль скоро ты наносишь визит шейху, надо, я полагаю, сделать это со всеми подобающими ему почестями.

Усаживаясь рядом, Таррант покосился на Модести, но обнаружил, что на лице ее нет и тени улыбки.

— Рад, что вы вовремя внесли эту поправку, — сказал он. — Мне просто не пришло в голову, что шейх не одобрил бы такси.

Лимузин мягко тронулся с места и вскоре успешно вписался в поток машин, направлявшихся в сторону Парклейн.

— У вас есть что-нибудь на Габриэля? — осведомилась Модести.

— Кое-что имеется. Но мы надеемся получить дополнительную информацию чуть позже. Мы с вами изучим все, что удалось добыть, сегодня вечером, когда поедем к Вилли Гарвину. — Таррант посмотрел по сторонам и, подняв брови, спросил: — А ваш усовершенствованный водитель знает, как проехать к «Ритцу»?

— Да, но сперва мне надо сделать короткий визит. На это уйдет не больше двух минут.

Машина петляла по лабиринту улочек севернее Оксфорд-стрит и наконец остановилась перед вереницей магазинчиков. Модести быстро вышла из машины и зашла в один такой магазинчик в доме с обшарпанным фасадом. Над входом Таррант приметил вывеску «Антикварные товары». Венг тоже вышел из машины и в ожидании хозяйки застыл возле «роллс-ройса», словно часовой.

Модести и впрямь вернулась две минуты спустя. Венг открыл ей дверцу, затем уселся за руль. Проехав ярдов сто, машина остановилась — у светофора возникла пробка. Таррант, любивший шагать по жизни, не привлекая всеобщего внимания, почувствовал себя не в своей тарелке, оттого что «роллс-ройс» притягивал к себе взгляды прохожих. Впрочем, к смущению примешивалась и гордость, что его видели в компании такой очаровательной женщины.

«Ну и ну, — вертелось у него в голове. — Со стороны я выгляжу как пожилой ухажер-богач, которому, как говорится, седина в бороде, а бес в ребро». Украдкой покосившись на Модести, он заметил, что она смотрит мимо него, заинтересовавшись чем-то, происходившим поблизости на тротуаре. Мальчик в ковбойской шляпе и ковбойском ремне присел на ступеньках у металлического ограждения. В руке у него был пистолет, очень похожий на настоящий. Другой маленький мальчик, тоже с пистолетом в руках и с шерифской звездой, осторожно выглядывал из-за колонны. Как только их взоры упали на «роллс-ройс», игра оказалась прерванной.

Мальчик за ограждением нацелил свой пистолет на Тарранта, крикнул: «Пах! Пах!» — и исчез.

— Пах! Пах! — На сей раз возглас донесся из-за колонны. Вскоре оттуда выглянула головка, чтобы проверить, попали ли выстрелы в цель.

— Когда я был мальчишкой, — заметил Таррант после того, как машина преодолела несколько десятков ярдов, — мы всегда кричали:

«Ти-у!» В общем не совсем точное звукоподражание, в наши дни это скорее ассоциируется с... — Он вдруг испуганно осекся. Модести встала коленями на сиденье и вытянув два пальца правой руки, нацелила воображаемый пистолет на колонну и крикнула:

— Пах!

Личико озарилось неопишуемым восторгом, затем скрылось за колонной.

— Пах! — раздалось из-за ограждения. Затем то же самое послышалось из-за колонны. Модести мгновенно ответила на это несколькими выстрелами. Таррант судорожно сглотнул. Он с мрачным удовлетворением заметил, что затылок Венга стал багроветь, и что пальцы его нервно поглаживали руль.

— Пах! — выстрелила Модести и спряталась за бортом машины. Тотчас же из-за ограждения и из-за колонны загрохотала канонада. Таррант, окаменев, заметив, что две молодые женщины с корзинками для провизии и пожилой человек с портфелем остановились, наблюдая перестрелку.

Передняя машина снова двинулась в путь и после очередного «Пах!» от ограждения Модести вдруг дернулась, резко повернулась и рухнула на сиденье так, что ее уже не было видно с улицы. Оглянувшись, Таррант увидел, что два крошечных стрелка стоят на тротуаре и с благоговением глядят вслед удаляющемуся «ролле-рой су».

Когда машина завернула за угол, Модести снова села как следует и поправила выбившуюся прядь. В ее глазах сверкали довольные искорки.

— Я, признаться, об этом раньше не думала, но это скорее похоже на рикошет.

— Вы о чем? — удивленно спросил Таррант.

— О «Пах!» и «Ти-у!». Кажется, вы завели этот разговор.

— Верно. Боюсь, вы заставили покраснеть вашего водителя, — заметил Таррант.

— Очень может быть. — Она вдруг улыбнулась озорной мальчишеской улыбкой. Чуть подавшись вперед, она постучала Венга по плечу. — Твоя беда, дружище Венг, что ты сноб, — сказала она. — Жуткий сноб.

— Благодарю вас, мисс Блейз, — отозвался тот с акцентом. — Стараюсь.

— В таком случае почему бы тебе не постараться получить образование и не сделать карьеру?

— Вы послали меня в школу в Гонконге, а потом еще я учился три года в тамошнем университете. Разве этого недостаточно?

— Это только начало. Неужели ты намерен всю жизнь быть моим дворецким?

— Да, мисс Блейз, благодарю вас. С удовольствием. Таррант взял на заметку как-нибудь потом задать Модести вопрос насчет Венга. Он чувствовал, что эта тема способна пролить свет еще на одну грань характера этой женщины. Впрочем, Таррант понимал, что граней этих, похоже, у нее видимо-невидимо.

Когда машина остановилась у отеля «Ритц» и Таррант отворил дверцу, швейцар отдал ему честь. Таррант помог выбраться Модести, и они вошли в вестибюль. Навстречу им вышел старший администратор.

— Мисс Блейз... Сэр Джеральд. Его высочество у себя на втором этаже. Ланч подали в его апартаменты.

— Подали? — вскинул брови Таррант. — Но мы случайно не опоздали, мистер Манетта?

— Ни в коем случае. Просто его высочество хотел, чтобы все было уже готово. Прошу вас сюда.

— Есть ли проблемы с вашим гостем и его окружением, мистер Манетта? — осведомился Таррант, когда они шли к лифту.

— У нас в отеле «Ритц» не бывает проблем, — отвечал мистер Манетта, и в его голосе послышался легкий упрек. — Если не считать моментов некоего ажиотажа.

— На сей раз таковые возникли?

— Обсуждался вопрос оружия. Большинство джентльменов, сопровождающих его высочество, чувствуют себя не в своей тарелке без винтовок. Насколько я понимаю, на родине они даже спят с ружьями.

— Да, оружие вполне могло действовать на нервы другим вашим гостям, — заметил Таррант, когда двери лифта отворились. Сначала вошла Модести, за ней двое мужчин.

— Мы договорились, что винтовки остаются у личной охраны его высочества, — говорил мистер Манетта. — Разумеется, незаряженные.

Мы напомнили, что у охраны ее величества в Букингемском дворце нет боевых патронов.

— Неужели это так? — удивленно осведомился Таррант.

— Мы не связывались по этому вопросу с Букингемским Дворцом, — отозвался мистер Манетта.

— А как насчет пищи? — с улыбкой спросила Модести. — Были ли моменты ажиотажа в связи с меню?

— Признаться, у нас возникли вопросы по поводу парной козлятины, мисс Блейз. Но если не считать этого...

— Козлятина! — воскликнул Таррант. — Неужели Жак Виньи был вынужден готовить козлятину?!

— Шеф-повар меньшего калибра, возможно, и начал бы возражать, — как ни в чем не бывало изрек мистер Манетта, и в этот момент двери лифта открылись. Выйдя вслед за Модести и Таррантом, он двинулся по широкому коридору первым, показывая дорогу. — Но наш мсье Виньи — подлинный художник, и он, как, впрочем, и ожидалось, не ударил в грязь лицом. Его рагу из козлятины имело огромный успех.

— Рад это слышать, — сказал Таррант. — Хотелось бы, чтобы его высочество получил удовольствие от пребывания в нашей стране.

— В этом можете не сомневаться, мистер Таррант. Он даже пригласил мсье Виньи к себе в Малорак. Шла речь о сооружении роскошного дворца с великолепными кухнями...

Таррант на мгновение прикрыл глаза:

— И что же мсье Виньи? — тревожно спросил он.

— Мсье Виньи был исполнен благодарности, но все же был вынужден отклонить лестное предложение.

Таррант вытер лоб платком и пылко произнес:

— Пожалуйста, передайте мсье Виньи мои самые искренние поздравления.

Двери, соединявшие апартаменты, выходившие на сторону парка, были открыты, чтобы разместить там всю свиту. У центральных дверей стояла охрана — двое высоких вооруженных арабов. Их бурнусы блистали новизной, но лица поросли щетиной, а закинутые на плечо винтовки были покрыты патиной от долгого использования. Один страж был вооружен укороченной моделью «ли-энфилд», второй — французской винтовкой «лебедь».

— Его высочество ждет вас, — сказал один из арабов и распахнул двери. Таррант заметил, что страж и Модести обменялись взглядами, в которых сквозила теплота, сдерживаемая из соображений этикета. Это его насторожило, но теперь решительно некогда было размышлять об этом.

— Я вас оставляю, — сказал мистер Манетта и отвесил учтивейший поклон.

Большая гостиная была выдержана в стиле Луи XVI, впрочем, характерном для всего отеля. В комнате находилось человек десять арабов, один-два сидели в креслах, остальные расположились на корточках на полу. И снова Тарранта поразили контраст между новехонькими яркими нарядами и темными, выдубленными ветрами пустыни лицами.

На полу, устланном белым ковром, были раскиданы подушки. На ковре стояли красивые чаши и бутылки, а также корзинки с хлебом и фруктами и тарелки с сыром. Посередине высилась большая жаровня, на которой дымился объемистый глиняный горшок. В нем бурлило какое-то варево.

Все арабы поднялись на ноги, в том числе и шейх Абу-Тахир, в белом бурнусе и красной с золотом головной повязкой, сидевший в кресле в самом углу этой скатерти-ковра. Правитель Малорака был человеком лет пятидесяти, среднего роста, с седоватой бородкой, больше напоминавшей отросшую щетину. Лицо — морщинистое, с маленькими пронизательными глазками. «Бандит пустыни, живший в палатке», — сказал сэр Персиваль Торнтон, и Тарранту было трудно что-либо против этого возразить.

— Ваше высочество, — сказал Таррант. — Разрешите мне представить вам мисс Модести Блейз.

Глазки Абу-Тахира впились в Модести Блейз. Он коснулся рукой сначала лба, затем сердца.

— Salam alekum, sayide.

Рука Модести повторила тот же жест.

— Neharkum sa'id we mubark.

— Awhashtena.

Это выражение Тарранту было известно: «Вы сделали нас одинокими». Очередная загадка.

— Allah me yuhishek! — сказала Модести.

Обмен приветствиями закончился. Затем Абу-Тахир сделал шаг вперед, широко раскинув руки, и стиснул в своих объятьях гостью.

— Модести! — радостно закричал он. Модести в свою очередь обняла его, а один из людей шейха крикнул:

— Fatet el sayide!

Абу-Тахир обернулся, не выпуская Модести из объятий.

— Да, — произнес он. — Это Принцесса. И она опять с нами. — Арабы окружили ее, весело гомоня и радостно улыбаясь.

Абу-Тахир поднял руку, призывая всех замолчать, и посмотрел на Тарранта.

— Я в горе, — сказал он, — что мои люди плохо говорят по-английски. Я же говорю много слов по-английски и хочу сказать, что я горюю, потому как они плохо приветствовали вас, сэр Таррант. Но они просто счастливы снова видеть нашу дорогую Принцессу. Прошу, присаживайтесь.

Взяв Модести за руку, он беззлобно отпихнул двоих арабов, ногой подтолкнул подушки к креслу, опустился на него и усадил Модести справа от себя. Она, расправив юбку над коленями, ловко расположилась на подушке, подтянув под себя ноги.

Таррант вздохнул и опустился на подушку слева от шейха. Тот же хлопнул в ладоши и начал отдавать распоряжения.

— Не надо так задирать колени, — шепнула Модести Тарранту, когда вокруг поднялась суета. — Скрестите ноги, колени в стороны. Расслабьтесь. Как его высочество.

— Благодарю, — отозвался Таррант, неловко двигая своими конечностями. — Очень жаль, что тут нет Фрейзера. Это сильно обогатило бы его мимику. Он был бы в восторге. Короче, когда Перси Торнтон выразил мнение, что вы, скорее всего, даже не слышали о таком эмирате, как Малорак... — Он укоризненно покачал головой. — По-моему, вы все-таки могли бы мне сказать, милая Модести...

Тем временем из большого горшка начали раскладывать рагу. Большую чашу поставили перед Абу-Тахиром и его гостями. Шейх жестом пригласил приступать к трапезе.

— Правой рукой, — тихо сказала Тарранту Модести, придвигаясь к чаше. — Тремя пальцами — в том числе и большим. И пока никаких разговоров о деле.

Таррант поглядел, как действует она сама, потом со вздохом засучил манжет и сунул три пальца в чашу, выудил кусок мяса и, стряхнув лишнюю подливу, отправил в рот. Оказалось, что мясо на удивление вкусное.

По мере того, как продолжался ланч, Таррант поймал себя на том, что ему все больше и больше нравится Абу-Тахир. Этот человек, что и говорить, не обладал аристократическим лоском, но в нем была природная учтивость. И хотя ему явно очень хотелось поговорить с Модести, он тем не менее в основном обращался к Тарранту на медленном, изрядно ломаном английском.

С достоинством он осведомился о здравии тех членов королевской фамилии, которых мог припомнить, после чего справился относительно всех представителей британского общества, имена которых запомнил за многие годы. Таррант испытал несколько сложных мгновений, когда его собеседник поинтересовался, как поживает лорд Джордж, но затем его осенила, как выяснилось, верная догадка, что речь идет о покойном Ллойд Джордже. Опять же Таррант сумел порадовать собеседника, сообщив ему, что футболист Станели Матьюс находится в отменном здравии.

— А как поживает эта дама. Мой Вес. Я видел ее в кино, когда мы посетили Багдад. Очень красивая. Очень прекрасная дама, очень большая грудь. Надеюсь, она жива-здоровая?

Таррант беспомощно покосился на Модести. Она вела весьма оживленную беседу с арабами, сидевшими вокруг белой скатерти. По взрывам смеха ее собеседников Таррант сделал вывод, что в репликах Модести было предостаточно соли и перца. Но она явно следила за разговором шейха с Таррантом, поэтому, не оборачиваясь, сказала: «Мей Вест»^[6] и похлопала себя по груди.

— Ну, разумеется, ваше высочество, — сказал с облегчением Таррант. — Я, правда, не могу говорить с абсолютной уверенностью, поскольку эта дама — американка, но все-таки мне кажется, что дела у нее идут хорошо.

— Приятно слышать, — отозвался шейх Абу-Тахир. — Очень хороший форма. Очень хороший форма.

К легкому удивлению Тарранта, принесли вино, но он вспомнил, что Абу-Тахир и его люди не были ревностными мусульманами. Он также удивился, когда после фруктов и сыра подали не кофе, а очень

крепкий чай, трижды доведенный до кипения на электрической плитке, и лишь потом разлитый по чашкам.

Модести громко рыгнула, и Абу-Тахир удовлетворенно заулыбался. Исполнившись решимости проявить свое знание этикета, Таррант отважно попытался сделать то же самое, но у него вышло очень слабое подражание настоящему рыганию, и он лишь понадеялся, что этого окажется достаточно, чтобы не ударить в грязь лицом перед хозяином.

— А! — воскликнул тот и похлопал Тарранта по плечу. — Сэр Таррант хитер. Он хочет, чтобы Модести уничтожила мерзких псов, которые решили забрать мои алмазы. Это хорошо.

Таррант увидел в этом знак того, что пора приступать к обсуждению деловых вопросов, и сказал:

— Благодарю вас, ваше высочество. Я действительно решил, что Модести Блейз может помочь нам сорвать коварные планы мерзких псов. Но я и не подозревал, что вы добрые знакомые.

— А! — воскликнул Абу-Тахир и поднял руку, отчего вокруг наступила тишина. — Я все расскажу вам, сэр Таррант. Давным-давно жила-была маленькая девочка. И она шла по Малораку. Дорога трудная, а она одна. Одета в лохмотья, хочется есть. Но ей нестрашно. Она очень... — Он замолчал, пытаясь найти верное слово и продолжил: — Очень свирепая, как маленький хищный зверь. Она не просит помощи, но я ей помогаю. Я даю ей кров. Велю нашим женщинам накормить ее.

Он положил руку на плечо Модести, и она в ответ улыбнулась ему.

— Я провела там полгода, — сказала она. — И пасла коз лучше, чем кто-либо из ваших людей, Абу-Тахир.

— Это верно, — кивнул он головой, и его свита загудела, выражая согласие. Потому Абу-Тахир снова заговорил с Таррантом.

Американская киноактриса, известная размерами своего бюста.

— Девочка росла, прибавляла мяса на костях. А потом от нас ушла. Ушла. Мы горевали. Прошло много лет. Десять лет. О ней забыли. — Шейх пожал плечами. — В Малораке тяжелая жизнь. Люди забывают вчерашний день. Потом пришли негодяи. Хотели отобрать у меня мою страну. Жадные арабы. Плохо, очень плохо, а у нас нет сил их прогнать.

Он вдруг громко хлопнул в ладоши, и его люди с готовностью повернулись в его сторону, словно дети, предвкушающие любимую

сказку.

— Зато у Модести много сил, — продолжал он, довольно посмеиваясь. — И она нас не забыла, сэр Таррант. Она далеко, но она обо всем знает. Теперь она Принцесса, и все слухи достигают ее ушей. Она помнит мой хлеб. И вот она тут как тут. С деньгами. С ружьями для моих людей. И с Вилли Гарвином. Ох уж этот Вилли!

На его бородатом лице появилась свирепая ухмылка, и его люди разом весело загомонили. Абу-Тахир стал махать руками, изображая битву.

— Шесть недель — и врагов нет! Нет беды, сэр Таррант. — Он запрокинул голову и зычно захохотал, пихая локтем Модести.

— Помнишь Кассина, Модести? Помнишь ту ночь? Ай, как смешно он смотрел мертвый. Когда ты его убила. Вот умора! Ха-ха-ха!

— У него был и впрямь удивленный вид, — согласилась Модести и добавила несколько слов по-арабски, отчего шейх и его свита заржали как сумасшедшие.

— А-а! — только и повторял шейх Абу-Тахир, мотая головой и вытирая рукавом набежавшие слезы. Потом, снова посерьезнев, он взял Модести за руку и сказал: — С тех пор тебя навсегда запомнили в Малораке. У нас есть нефть, я очень богатый. Ты не дашь украсть мои алмазы, а я сделаю тебе хорошие подарки. Все, чего захочешь. По рукам?

Модести поплевала на ладонь, Абу-Тахир засмеялся и сделал то же самое. После этого они хлопнули ладонями.

— По рукам, — сказала Модести. — Старый друг щедр. А раз речь зашла о подарках, то сэр Таррант тоже кое-что принес — от гостя хозяину.

Таррант недоуменно уставился на Модести.

— Вы, по-моему, положили его во внутренний карман, сэр Джеральд, — подсказала она.

«Антикварный магазинчик, — вспомнил Таррант, — когда она на две минуты вышла из машины». И тут же отметил, что ничего тогда не почувствовал. Однако он послушно сунул руку во внутренний карман. Рядом с бумажником лежала маленькая плоская картоночка. Таррант извлек ее и передал шейху.

Шейх сломал сургучную печать, раскрыл картоночку. Под слоем ваты там находились часы с крышкой. Когда Абу-Тахир открыл

крышку, на ее внутренней стороне оказалась цветная эмаль с изображением головы королевы.

На несколько секунд Абу-Тахир застыл, разглядывая часы, которые бережно держал своими грубыми сильными пальцами. Затем он поднял голову. В его глазах были восторг и благоговение.

— Я никогда не расстанусь с этим чудом, сэр Таррант, — торжественно сообщил он гостю, — а когда мои дни на земле окончатся, эта вещь последует со мной, в песок.

— Сэр Таррант рад, что его выбор пришелся вам по вкусу, — возвестила Модести.

— В высшей степени рад, ваше высочество, — подтвердил тот. — И благодарен Модести, что она напомнила мне об этом, — добавил Таррант, учтиво наклоняя голову в сторону своей спутницы.

Один из людей шейха что-то спросил его по-арабски, затем повторил вопрос, но шейх был слишком поглощен часами, чтобы слышать слова. Однако Таррант уловил имя Вилли Гарвина.

— Ваше высочество... — окликнула шейха Модести, тронув его за рукав, и он, вздрогнув, вышел из оцепенения.

— Ах, да... Рашид задал верный вопрос. Где наш друг Гарвин? Вы и его пригласите охранять мои алмазы?

— Вилли отошел от дел, — сообщила Модести. — Завел свой собственный караван-сарай в провинции. Но я говорила с ним по телефону, и он просил меня передать вам свой поклон, ваше высочество.

Абу-Тахир тревожно посмотрел на Модести и сказал:

— Но он должен быть с тобой! Как же еще уберечь мои сокровища от этих псов?

Модести пристально взглянула на Тарранта:

— Вилли больше не работает на меня, ваше высочество. И не мне просить его вернуться. Тут мы должны уже положиться на сэра Тарранта.

«Мельница» находилась в ста ярдах от реки и в нескольких милях от Мейденхеда. Дом стоял там уже несколько столетий. Тропинка, вымощенная кирпичом, извиваясь между деревьями, спускалась от «Мельницы» к реке. У прибрежных деревьев стояло низкое кирпичное здание без окон, только в торце виднелась тяжелая дверь.

Без десяти восемь Модести свернула на автостоянку и втиснула свой «даймлер» на свободное место, под знак «Зарезервировано». На ней была черная юбка, темно-красная шелковая блузка и легкое пальто верблюжьей шерсти, накинутое на плечи. Таррант открыл дверцу и помог Модести выбраться из машины.

— Зарезервировано для вас? — спросил он, глядя на знак.

— Боюсь, что так, — улыбнулась она без тени смущения. — Вилли делает это для меня. Ужасно, конечно, но мне это нравится.

Пивная была заполнена посетителями, хотя и не до отказа. Оглядывая публику, Таррант решил, что здесь в основном завсегдатаи. Он был в спортивном пиджаке, темных брюках и чувствовал себя в этом наряде очень уютно. Посетители были одеты весьма вольно. Здесь преобладала молодежь и люди средних лет. Одна компания играла в дарты, а другая сгрудилась в углу зала вокруг автоматов для игры в пейнтбол.

За длинной стойкой работали здоровяк лет пятидесяти и две молодые женщины. Да, решил Таррант, Вилли Гарвин должен пользоваться тут популярностью.

— Здравствуйте, мистер Сперлинг, — обратилась Модести к здоровяку. — Как колена?

— Спасибо, мисс Блейз, полегче. Лечат прогреванием. А вы как поживаете?

— Неплохо. Вилли у себя?

— У себя. Он вас ждет. Проходите. И загляните к нам выпить на обратном пути.

— Постараюсь, мистер Сперлинг.

Модести взяла Тарранта под руку, они прошли через бар и направились по коридору.

— А что, Вилли живет здесь же? — осведомился Таррант.

— Да, в его распоряжении весь второй этаж. Он тут неплохо устроился.

— Кто же ведет его хозяйство?

— Я уговорила его нанять женщину. Она приходит, готовит еду для него и для тех, кто работает в пивной.

— Но живет он один?

Даже в потемках Таррант уловил улыбку Модести.

— Когда как, — отозвалась она. — Вилли вообще-то человек общительный.

На улице она снова взяла его под руку, и они двинулись по тропинке, — вымощенной кирпичом, которая вилась между деревьями. Когда они подошли к низкому строению без окон, Модести остановилась и извлекла из сумочки ключ. Когда она открыла дверь, Таррант обратил внимание на то, что вход был надежно укреплен. Они оказались на маленьком пяточке еще перед одной дверью. Рядом была решеточка, а чуть ниже кнопка. Модести нажала на нее и сказал:

— Это я, Вилли. И сэр Джеральд.

После секундной паузы раздался щелчок, и металлический голос произнес:

— Ясно, Принцесса. Прошу.

Снова что-то щелкнуло. Модести повернула рукоятку второй двери, и пригласила жестом Тарранта следовать за ней.

Они оказались в помещении с белыми стенами и пробковым полом, в центре которого лежал толстый резиновый мат примерно в двадцать квадратных футов, накрытый парусиной. В помещении горел яркий свет. Слева в дальнем конце имелось углубление с мишенью для стрельбы из лука. По другую сторону от мата был оборудован еще один тир, кончавшийся стеной, заваленной мешками с песком.

Слева от входа был отгорожен угол, и над перегородкой у потолка Таррант увидел два душевых распылителя. По стенам тянулись полки, на которых разместились удивительная коллекция оружия — как старинного, так и современного. Висели луки — короткие монгольские, длинный английский и гигантский восьмифутовый японский — луки были деревянные, пластмассовые и из стальных трубок.

На другой полке лежали винтовки, на третьей — пистолеты и револьверы. Опытный глаз Тарранта заметил новенький карабин «Руген 10/22». В основном пистолеты и револьверы были небольшими и легкими. Среди оружия имелся «смит-вессон сентенниал» и кольт «кобра». Из пистолетов глаз Тарранта выделил и «астру-файркет», маленький браунинг и «МАН-бреветту».

— Только не задавайте вопросов насчет разрешения на пользование оружием, — сказала Модести и подошла к барьеру. — Вилли оборудовал для меня специальное устройство для стрельбы по

движущимся целям. — Она повернула рычаг, нажала кнопку, после чего над мешками появился глиняный белый голубь.

— Очень недурно, — сказал Таррант. — Полагаю, это заведение звуконепроницаемо?

— Конечно.

— И судя по всему, Вилли — настоящий снайпер.

Модести покачала головой.

— Он промажет и по сараю, даже если стоит внутри. По крайней мере, из пистолета или револьвера. Впрочем, он их вообще не любит. Но зато здорово стреляет из винтовки, если можно прицелиться.

— Значит, это все оборудовано для вас?

— Да. Вилли очень предусмотрителен. Я нередко заезжаю сюда поупражняться.

— Из лука тоже стреляете?

— Стреляю. Причем с удовольствием.

— Полагаю, это очень вдохновляющее занятие. Но это не совсем, так сказать, практичное оружие. Ведь не станете же вы таскать с собой лук и стрелы!

Модести ничего не сказала, лишь улыбнулась. Таррант уже хорошо знал эту улыбку, появления которой с нетерпением ждал. На сей раз причина ее осталась для Тарранта загадкой. Он двинулся дальше вдоль полок.

— Какое же оружие, милая Модести, вы предпочитаете, когда отправляетесь на дело?

— Стараюсь обходиться без оружия. И еще реже пускаю его в ход. Оно необходимо, только когда дело принимает совсем уж дурной оборот.

— Понятно. Но вы, однако, делаете все, чтобы не утратить навыков.

— Что поделаешь, — сказала она. — Как бы редко вам ни приходилось прибегать к оружию, вы либо делаете это как следует, либо считайте, что ваша песенка спета.

— Ну а какое же оружие вы все-таки предпочитаете?

— Все зависит от конкретных обстоятельств. Если нет спешки, я люблю «бреветту».

— Но это же игрушка.

— Она годится — для того, кто умеет стрелять. Вилли, правда, придерживается иного мнения. Он не любит автоматическое оружие. Говорит, пистолеты в самый неподходящий момент заклинивает.

— Ну а если вам понадобится действовать быстро?

— Тогда кольт тридцать второго калибра.

— Который носят в кобуре на плече?

— Нет. Кобура не годится для тех, у кого большая грудь. Вилли сделал для меня специальную набедренную кобуру. Правда, нужно надевать куртку или пиджак, чтобы ее прикрыть.

— Разве это не служит помехой?

— Нет, если вы умеете вынимать оружие, как учат сотрудников ФБР. Одним движением убирается пола и вынимается ствол.

Таррант кивнул и сказал:

— Вилли — мастер на все руки, кольт скоро изготовил для вас столько разных приспособлений.

— Это верно. Он также сделал для меня особые пули. Почти бесшумные.

— Весьма кстати. — Таррант оглянулся. — Он, наверно, нас ждет?

— Да, Вилли у себя в мастерской. Но он понимает, что сначала вы захотите осмотреть его коллекцию.

— Коллекция потрясающая. А это простая дубинка?

— Не проявляйте высокомерия. — Модести коснулась рукой толстой дубинки с железным наконечником, висевшей на стене в двух кожаных петлях. — Вилли утверждает, что это лучшее неогнестрельное оружие, которое изобретало когда-либо человечество. Вилли столь виртуозно владеет ею, что ее просто не видно в воздухе.

— Да, но такой предмет трудно носить с собой в наши дни. По крайней мере, незаметно.

— Да. Вилли это очень расстраивает. Он прирожденный художник своего дела. Он смотрит на огнестрельное оружие примерно так же, как Рембрандт смотрел бы на репродукцию.

— Он, насколько я понимаю, очень неплохо обращается с ножами... Умеет их метать и так далее. Модести посмотрела на Тарранта.

— Если вы когда-либо увидите, как он с ними обращается, — спокойно сказала она, — вы не станете применять к нему формулировку «очень неплохо».

Таррант примирительно улыбнулся; они поравнялись с полкой, на которой находились старинные предметы ведения боя. Таррант опознал самурайский меч и алебарду, но остальные были ему неизвестны. Таррант коснулся рукой предмета, напоминавшего мясницкий топор, с рукояткой, покрытой акульей кожей. От рукоятки отходил короткий зубец, шедший параллельно лезвию.

— Еще одно супероружие? — осведомился Таррант.

— Вовсе нет. — Модести сняла предмет. — Это старая японская дзитте. Этот зубец образует вместе с лезвием вилку, в которую нужно было поймать меч противника, а потом движением кисти выбить у него из рук оружие. Если бы вы слышали, как Вилли говорит обо всем этом!

Она очень похоже изобразила акцент Вилли, и Таррант рассмеялся. Глядя, как она вешает обратно на стенку дзитте, он подумал, что хорошо бы не стать жертвой этого древнего оружия.

— Борцовский ковер, — сказал он, показывая на мат посреди комнаты. — С кем же тут тренируется Вилли? У меня складывается впечатление, что он мало кого пускает в это святилище.

— Он не пускает сюда никого, — сказала Модести. — Вы первый. А тренируется тут Вилли со мной.

Таррант и бровью не повел. Сохраняя невозмутимость, он сказал:

— Не совсем честно. Не сомневаюсь, что вы, безусловно, знаете толк в искусстве единоборств, но уже хотя бы проблема веса...

— Когда мы сражаемся по-настоящему, Вилли действует с гандикапом.

— Интересно было бы взглянуть на настоящий, как вы выражаетесь, поединок.

— Это может шокировать неподготовленных, — улыбнулась Модести. — Мы сражаемся очень всерьез.

Они подошли к двери, находившейся между стеной, заваленной мешками, и мишенью для стрельбы из лука. Модести вошла. Таррант последовал за ней. Вилли Гарвин в майке и легких брюках измерял микрометром кусочек металла, который держал пинцетом. Комната во всю ширину здания была освещена лампами дневного цвета. Там царила абсолютная чистота.

От стены до стены тянулся покрытый железом верстак, где стояли большие тиски, тиски поменьше, а также токарный станочек, какими

пользуются часовщики. У стены Таррант увидел бормашину. Над верстаком висели полки и две секции маленьких деревянных ящичков. На полке у правой стены — набор слесарных инструментов, у левой — принадлежности часовщика. Возле подносика с песком стояла бунзеновская горелка, а на отдельном столике — эмерсоновский микроманипулятор. Справа от Тарранта, на чертежном столе, лежали различные чертежи-эскизы, а также синька какого-то электронного устройства.

Вилли Гарвин аккуратно положил и микрометр, и зажим с деталью и ухмыльнулся Модести.

— Рад видеть тебя, Принцесса. — Он подставил ей высокий табурет и предложил сесть. Затем обернулся к Тарранту и сказал:

— Хелло, сэр Джи! Как ваш департамент?

— Как всегда, испытывает нехватку специалистов, — улыбнулся Таррант, обмениваясь с Вилли рукопожатием. — Модести, наверно, говорила вам, что мне удалось убедить ее оказать мне содействие в одном очень непростом деле.

— При условии, — начала Модести, потом воскликнула: — Вилли, да ты, оказывается, все закончил!

Она взяла маленькую, в четыре дюйма серебряную статуэтку на дюймовом пьедестальчике. Это была обнаженная фигурка — запрокинув голову, чуть откинув руки назад и изогнувшись, девушка словно бежала навстречу ветру. Модести нажала кнопку на пьедестале, и изо рта фигурки вырвался маленький язычок пламени.

— Вы только полюбуйтесь, сэр Джеральд. Правда, красиво?! — Она взяла лупу и, изучив пьедестал, передала и увеличительное стекло, и статуэтку Тарранту. Тот посмотрел и увидел выгравированную надпись курсивом: «Искренне ваш — Вилли».

— Блестяще, — сказал Таррант и поднял голову. — Я оказался здесь, чтобы пригласить вас проявить некоторые менее утонченные способности, Вилли. Не согласны ли вы принять участие в нашей операции?

Вилли откинулся назад и задумчиво потер подбородок.

— Вы уж не обижайтесь, сэр Джи, — сказал он, — но я знаю, какие у вас дела. Никак не могу вообразить себя с фальшивым носом и запиской для типа в каком-то борделе в Триесте. Ну а как тебе нравится вот это, Принцесса? — вдруг спросил он Модести и

выдвинул ящичек. Оттуда он извлек красный замшевый галстук. Узел уже был завязан, а закреплялся он с помощью зажима, который украшал фальшивый, размером с оливку, бриллиант в серебряной оправе.

— Здорово, да?

— Немного ярковато, Вилли-солнышко.

— А зачем скучный галстук? — Вилли хитро улыбнулся. — Там взрывчатка. Хватит, чтобы проделать дырку на месте дверного замка. Взрывается через десять секунд после того, как вынимаешь камень из оправы. Очень легко переносить, и к тому же сзади есть предохранитель...

Вилли заговорил о технических деталях. Таррант вздохнул. Значит, они решили немножко повалять дурака. Ну ладно, на здоровье. Главное, чтобы все пошло на пользу делу. Раз уж его скепсис относительно Вилли так задел Модести, что она даже забыла о своих терзаниях насчет того, что впутывает Вилли в очередную историю, то побочные эффекты придется выдерживать стоически.

— Вернемся к нашим баранам, — сказал он, когда Вилли сделал паузу. — Это не совсем стандартная операция. Модести, впрочем, обязательно...

— Модести сгорает от любопытства, — перебила та Тарранта. — Я-то думала, что я единственная женщина, которой позволен вход в твою мастерскую, но, видать, ошиблась. — Она показала на тюбик с помадой, лежавший на столе, но не коснулась его.

— Мне кажется, милая Модести, — вставил Таррант, — что это еще один сюрприз.

— Сэр Джи, дружище, вы правы как никогда, — весело ухмыльнулся Вилли, а Таррант чуть поморщился. — Тебе это понравится, Принцесса. — Он снял крышку, повернул кружок вниз, отчего столбик помады высунулся наружу. Вилли провел им по ладони алую черту и сказал: — Это помада как помада, но если сделать еще пару поворотов...

Он снова надел колпачок, перевернул тюбик и покрутил крышку. Раздалось жуткое шипение, и бумаги на столе задрожали. — Пока только сжатый воздух, — пояснил Вилли, — Но можно зарядить и слезоточивым газом. Выводит противника из строя на расстоянии двух

шагов. Твой цвет, Принцесса. Успею зарядить по-настоящему до твоего отъезда.

— Хороший подарок, Вилли. Спасибо.

— Есть у вас еще что-нибудь? — кратко осведомился сэр Джеральд, в ответ на что Вилли нахмурился.

— Я работаю еще кое над чем, — сказал он сухо, — но, если не возражаете, давайте перейдем к делу.

— Простите бога ради, — изобразил смущение Таррант. — К делу так к делу. Судя по всему, наш оппонент — Габриэль. Ну что, принимаете участие?

Вилли сел прямо. Шутливое настроение как ветром сдуло.

— Конечно, — сказал он. — С удовольствием. А чем располагает ваш департамент по Габриэлю?

— Увы, немногим. Еще десять дней назад он находился на своей вилле между Каннами и Антибом. Теперь он исчез. Но его яхта стоит в порту Хайфы и готова в любой момент двинуться в путь. Оттуда рукой подать до Бейрута, куда должны прибыть алмазы.

Вилли вопросительно посмотрел на Модести.

— Похоже, план родился на юге Франции, — сказала она. — Там у сэра Джеральда один агент погиб, а второй исчез бесследно.

Вилли кивнул и сказал:

— А теперь они, стало быть, перебрались на передовые позиции, где бы те ни находились. Ну а как насчет Борга, Макуиртера и прочих — на них у вас ничего не имеется, сэр Джи?

— К сожалению, они вообще не значатся в наших досье. Насчет команды Габриэля вы знаете гораздо больше, чем мы.

— Мы знаем сущие пустяки. — Модести закурила сигарету и толкнула портсигар в сторону Вилли. — Действовать придется в районе Канны — Антиб.

— Я так и решил. — Сэр Джеральд сунул руки в карманы и начал медленно прогуливаться по мастерской. — У меня там есть свой человек. Он дело знает.

— Какая у него крыша? — спросила Модести.

— Художник. У него студия в старом квартале Канн. Бегло говорит по-французски. Мать у него американка, полжизни провел в США, но предпочитает Европу. У него двойное гражданство, и, когда надо, он вполне сходит за американца, за британца или француза — причем в

первых двух случаях это вполне официально. Я полагаю, Поль Хаган не вызовет у вас нареканий, и вы установите контакт.

— Разумеется. — В словах Модести Тарранту почудилось нечто похожее на иронию. Таррант быстро вскинул голову, полагая, что Модести и Вилли успели обменяться взглядами, но

Модести прилежно изучала кончик своей сигареты, а Вилли невозмутимо смотрел в потолок.

— А Второй отдел знает о его существовании? — осведомилась Модести.

— В том-то все и дело, что знает. Мы используем Хагана совместно. Это не совсем обычное соглашение, но оно тем не менее работает. У меня есть разрешение Рене Вобуа использовать его в этом деле. Вообще-то Хаган любит делать все по-своему, но я направил ему распоряжение подчиняться вам, милая Модести.

— Если он не забудет о вашем указании.

— Мне кажется, вы сделаете все, чтобы у него память работала нормально, Модести. Надеюсь, вы с ним сработаетесь.

— Да. — Модести соскользнула с табурета, аккуратно затушила сигарету в пепельнице и добавила, лукаво покосившись на Тарранта: — Может быть.

Глава 7

Поль Хаган тщательно прицелился и взмахнул рукой. Металлический шар, описав в воздухе дугу, со звоном ударился о шар Перрье, отчего тот отлетел в сторону. Другие игроки одобрительно зашумели.

— Вот и все! — сказал Хаган, собрал шары, пожал руки игрокам и направился к табачной лавке. Там он отдал шары ее владелице, после чего двинулся через оживленный рынок вверх по склону.

Это был худощавый человек лет тридцати восьми. Рост — шесть футов с небольшим; спокойные пронизательные глаза. По-английски он говорил с южным акцентом, чуть растягивая слова. У него было две страсти — писать картины и жить рискованно. Мужчины его побаивались. Женщинам, напротив, он очень нравился. Они любили в нем сочетание жесткости и чувствительности, соединение художника и пирата.

Через пять минут он оказался возле двухэтажного дома, где снимал трехкомнатную квартиру на верхнем этаже. Поль стал подниматься по ступенькам, на шаривая в кармане ключ.

Входная дверь вела в большую комнату, где у него была мастерская, — светлая, заставленная холстами. Половина мастерской одновременно служила и столовой. У стены стоял раздвижной овальный стол. Из мастерской в кухню вела дверь, а Дальше шел коридор, из которого можно было попасть в ванную и в обе спальни.

Окинув взглядом мастерскую, Хаган убедился, что в ней царит полный кавардак, но попытка прибраться была бы лишней тратой времени. От перестановки предметов беспорядок не исчезал. Слава богу, там хоть было относительно чисто.

На мольберте у окна был закреплен чистый холст. На этой неделе Хаган собирался начать новую картину. Пока же она росла в нем самом. Но теперь, похоже, воплощение замысла придется отложить, подумал он.

Он взглянул на часы. До встречи еще два часа. Возбуждение, в котором он жил последние тридцать шесть часов, стало стремительно нарастать, и он почувствовал, что у него пересохло в горле.

Он пошел на кухню, извлек из холодильника бутылку кока-колы, открыл ее. Налив в стакан на два пальца водки, он добавил туда кока-колы. Коктейль приятно освежал. Хаган чуть помедлил на пороге. Свежий хлеб, фрукты, в морозильнике полно мяса, есть консервы, молоко, масло, сыр. Вроде бы ничего не забыл.

Он вернулся в мастерскую со стаканом в руке и вдруг остановился как вкопанный. Пустой холст исчез. Вместо него на мольберте стояла картина с изображением обнаженной девушки. Она сидела на кровати, на голубом покрывале. Поза поражала абсолютной естественностью. Она чуть наклонилась, опираясь на вытянутую руку, слегка согнув ноги, полусидя-полулежа. Чуть повернув голову, она смотрела прямо на зрителя. У нее были черные волосы, зачесанные в шиньон. Лицо дышало спокойствием, темные глаза излучали тепло и сообразительность. Тело отличалось упругостью, груди были округлыми и полными. Плечи могли показаться чуть широковатыми для девушки, но вполне гармонировали с фигурой, плавно переходя в длинную гладкую шею. Картина была не окончена. Время от времени Хаган брал кисть и стоял перед холстом, надеясь довести дело до конца, но всякий раз снова откладывал. Левая рука девушки, покоившаяся на бедре, оставалась недописанной.

Главным в картине, тем, что Хаган так хотел передать, было то, что девушка словно и не подозревала о своей наготе. В ее лице не было и намек на смущение — как не было в нем и нахальной беззастенчивости. Ей вообще не приходило в голову обращать внимание на то, одета она или раздета.

Хаган вздохнул, поставил стакан. Затем сказал, по-прежнему глядя на картину:

— Выходи, хватит прятаться.

Из коридора, что вел в спальни, тихо послышался голос:

— Прошу прощения. Ты уж извини, что я появилась до того, как ты завершил работу над картиной, Поль.

Он повернул голову, увидел ее и почувствовал, как прежний пожар разгорается в нем с новой силой. На гостье были белые туфли на низком каблуке, белая блузка и серая юбка — дешевые, но смотрелись отлично; шиньон был кое-как скреплен на макушке. Она выглядела как тысячи француенок, причем не из числа туристок, а местные.

Хаган посмотрел на картину, потом на девушку. На его лице не отразилось никаких эмоций.

— Мне самому стало очень грустно и даже больно, — сказал он, — когда я узнал, что девушку, за которой я ухаживал две недели в Париже, звали не Люсиль Бушье, а Модести Блейз.

— Ну а потом какие же чувства ты испытал? — осведомилась она, пристально глядя на его выразительно очерченное лицо.

— Сейчас скажу. Я чувствовал себя сбитым с толку, жалким как мокрая курица. Это длилось ровно пять минут. Потом я рассмеялся. В прямом смысле слова. И сказал себе: «Ну и что, дружище Хаган? В конце концов, ты же неплохо провел время».

Бесстрастная маска уступила место улыбке. Он явно расслабился, Модести Блейз облегченно вздохнула.

— Значит, никаких обид? — спросила она.

— С моей стороны никаких. Правда, моему боссу было не до смеха. Возможно; ты помнишь, что тогда я работал в организации «Интернэшнл даймонд секьюрити», которая обеспечивала безопасность бриллиантов.

— В этом-то и была вся прелесть, — отозвалась Модести Блейз, и в ее улыбке мелькнуло нечто похожее на извинение. Она взяла его под руку, и они вместе уставились на картину.

— Вся прелесть, — произнес он, глядя на картину. — Тогда ты обеспечивала вывоз партии алмазов из Сьерра-Леоне, и тебе нужно было выведать у меня все насчет наших контрамер. — Хаган взял ее за плечи, повернул к себе лицом и спросил: — Но неужели ничего, кроме этого? Неужели ты только морочила мне голову из-за этих стекляшек?

Она обняла его, взъерошив волосы на затылке, внимательно следя за его взглядом.

— Ну, по крайней мере, сегодня я не провожу никакой контрабанды. Можете обыскать меня, если хотите, начальник.

Он коснулся ее бедер, потом руки медленно скользнули вверх, и, почувствовав под ладонями ее груди, он долго вглядывался ей в глаза, словно пытаясь прочесть, что у нее на уме.

— Надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что сейчас нам придется проделать все самым тщательным образом, мэм, — сказал он. Его голос был тих, но внутри у него все напряглось. — Вынужден просить

вас проследовать в помещение для личного досмотра. Вам придется снять все, даже трусики.

— Разумеется, начальник. Главное, чтобы вы остались довольны.

В любви она была на удивление изобретательна и неистощима. Модести пользовалась своим великолепным телом без каких-либо стеснений и ограничений — она радостно отдавала себя, причем с поразительной покорностью — и настоятельно требовала его приказаний. То, как она покорялась и покоряла, наполняло Хагана неизъяснимым ликованием, потрясло его до самых основ.

Он блаженствовал и удивлялся, что эта загадочная поразительная женщина находится рядом с ним, что ее можно осязать, погружаться в нее, уносясь в неизведанные миры.

Потом она тихо лежала у него на плече, положив руку на грудь. Тонкие полоски солнца проникали через жалюзи спальни, золотили ее длинные ноги.

— Таррант, — сказал Хаган и засмеялся. — Господи, он просто рехнулся бы, если бы узнал, каким образом мы приступили к выполнению его задания.

— Мы ещё не вышли на ринг. Пока что мы только выжидаем. — Она тихонько постучала по его груди кулачком. — Может, ты знаешь более удачный способ ожидания?

— Лучшего способа не изобрести. Но только скажи на милость, чего мы ждем?

— Вилли Гарвина.

Хаган сел, удивленно уставясь на нее:

— Он едет сюда?

— Он уже здесь. Мы прилетели ранним рейсом — часа за два до того, как предполагали. Вилли сумел отомкнуть твои запоры. Его сумки в маленькой спальне. А мои вон там, в углу.

Хаган потер лоб и сказал:

— У меня до этого были кое-какие вопросы, ну да теперь я начинаю кое-что понимать.

— Отлично. — Модести потянулась, потом снова откинулась на подушку. Несколько минут она пребывала в состоянии полной расслабленности, затем встала и подошла к одному из чемоданов в углу. Хаган наблюдал за ее движениями, за игрой мускулов и сухожилий глазом художника. Она же подняла чемодан, поставила его

на стул, открыла. Хаган тоже встал, надел брюки, рубашку, сунул ноги в коричневые сандалии.

Модести надела белые туфли и голубой нейлоновый халат. Волосы ее свободно падали на плечи, и она выглядела очень юной. Хаган стоял, молча разглядывая ее.

— У тебя в доме есть кофе? — спросила вдруг она.

— Конечно. Хочешь?

— С удовольствием. Через пять минут я буду готова. — Она привстала на цыпочки, поцеловала его и, взяв коричневую сумочку, отправилась в ванную.

Хаган пошел на кухню, поставил кофейник, потом стал молоть кофе в маленькой ручной мельнице. Он выставил две большие чашки. Когда кофе был готов, он взял полные чашки и отнес их через маленькую спальню на балкон, где стояли столик и два стула. С балкона были видны крыши домов ниже по склону, а за ними яхты и катера в гавани. Дальше до горизонта тянулось синее Средиземное море.

Тут вышла Модести, и при виде ее у Поля Хагана защемило сердце. Волосы заколоты на затылке, на лице — ни следа косметики. Она источала свежесть и тепло, словно только испеченный хлеб. Она стояла на балконе, моргала от яркого света, и ей никак нельзя было дать больше двадцати лет. Но тут Хаган вспомнил, зачем она сюда пожаловала, и ему вдруг сделалось не по себе.

— Черный и сладкий, — сказал он, подставляя ей стул. — Кажется, ты любила пить кофе именно так. Если, конечно, я не перепутал тебя с другой.

— Такое с тобой запросто может случиться, — охотно согласилась Модести. — Но поскольку я пью кофе именно так, то все в полном порядке, милый.

Он сел, любуясь ее профилем. Она же смотрела на море.

— В Париже, — сказал он, — девушка, которая пила кофе, как любишь пить его ты, и которая занималась любовью точно так же, как ты, называла себя Люсиль Бушье.

— Исключительно потому, что имя Модести Блейз могло вызвать у тебя подозрения.

— Безусловно. Причем самые серьезные. А Модести Блейз — твое настоящее имя?

— Вполне, — сказала она, следя за чайкой. — Когда у тебя нет имени, приходится его выбирать самой.

Его взгляд упал на линию ее плеч и шеи. Нет, на картине это вышло совершенно не так, надо будет обязательно потом поправить.

— Что-то я тебя не понимаю. Модести Блейз, о которой я слышал, возглавляла знаменитую Сеть. О ней знали все. Почему же вдруг она закрыла дело?

— Добровольная самоликвидация, — вяло отозвалась Модести, давая понять, что тема мало интересует ее. — Когда мне было семнадцать лет, я поставила себе цель — заработать полмиллиона фунтов стерлингов. Цель была достигнута, и я завязала.

— Это одна из тех жизненных задач, которые не прививают в благородном пансионе мисс Мейбл для молодых особ.

— Я начала ставить себе подобные цели еще в детском саду. Это было в лагере в Греции, вскоре после начала войны. Но до этого нам пришлось пару лет поскитаться по Балканам.

— Кому это «нам»?

— Даже не знаю, — пожала она плечами. — Это все теперь в тумане. Как сон, который быстро забывается. Но сколько я себя помню, я всегда жила сама по себе.

— И без имени.

— Меня некому было окликать по имени, поэтому я не знала, что это такое.

— И друзей не было?

— Друзья начали появляться позже. Так, у меня был один добрый друг — старик в лагере для военнопленных в Ираке.

— Далековато от Греции.

— Да, я прошла пешком через всю Турцию.

— Через всю Турцию, — повторил Хаган, глядя на маленькую ступню, болтавшуюся в воздухе, поскольку Модести сидела нога на ногу. — Всего-навсего? Небольшая прогулочка. Но ты познакомилась с тем стариком, и он стал приглядывать за тобой?

— Нет. Скорее, это я за ним приглядывала. В самых разных лагерях для перемещенных лиц. В течение пяти лет. — Ее взгляд сделался отрешенным, в нем появилось нечто похожее на печаль. — Он был еврей и говорил на пяти языках. Профессор философии из Будапешта. Он учил меня по шесть часов в день.

— Чему же он тебя учил?

— Всему. — Она отпила кофе и продолжала: — Сначала мне это страшно не нравилось. Но я делала вид, что слушаю, потому что не хотела обижать его. Это было странно, потому что со всеми остальными я была как камень. — Она покачала головой. — Этот человек знал все, и он умел учить. Но при этом он позволял, чтобы у него из-под носа воровали еду. Без меня он умер бы с голоду.

— Ты была гвардейцем с саблей?

— Ну, я могла запросто пустить в дело топор, хотя главное мое тогдашнее оружие — острые зубы, длинные ногти и маленький ножик. И я знала, где у кого уязвимое место.

— Сколько тебе тогда было лет?

— Лет двенадцать.

— И ты могла вступить в поединок с женщиной?

— Ничего особо трудного тут нет, — усмехнулась Модести. — Во-первых, я ничего не боялась. Весь страх успел выгореть за эти годы дотла. А во-вторых, у меня ко всему было правильное отношение.

— То есть?

— Большинство людей довольно легко напугать. Они боятся, что им причинит боль другое существо, даже если оно маленькое, но свирепое. Поэтому они должны сделать над собой определенное усилие, чтобы войти в боевое настроение. Обрати внимание, как заводят себя мужчины. Сначала они обмениваются словесными выпадами, толкают друг друга. Разогреваются.

— Но ты была устроена иначе?

— В какой-то момент забываешь об опасности, только понимаешь, что нельзя мешкать. Надо действовать. Молниеносно. И побыстрее доводить дело до конца. — Она посмотрела на Хагана. — Не буду посвящать тебя в детали. Раз ты работаешь на Тарранта, то должен быть в курсе.

— Кое-что мне известно. Только я как-то об этом не задумывался. В общем, ты была самой настоящей маленькой чертовкой, так?

— Что было, то было. — Она улыбнулась и замолчала, следя за тем, как в гавань входит яхта.

— Рассказывай, — попросил Хаган. — Что же было в промежутке? Между той девочкой в лагере и Модести Блейз, руководившей знаменитой Сетью?

— История выйдет слишком длинная, — ответила Модести. — Всего не расскажешь. — Посмотрев на часы, она спросила: — Что тебе сообщил об операции Таррант?

— Все — и почти ничего. — Поль изобразил на лице тщательно отрепетированную улыбку. — Он подчеркнул, что тут приказываешь ты.

— Да, — спокойно сказала Модести, допивая кофе. — Я хотела, чтобы он довел это до твоего сознания.

Хаган напрягся. За последние несколько секунд в Модести произошла незаметная перемена — она вдруг сделалась жесткой и непреклонной. Это плохо сочеталось с маленькой ступней в белой туфельке, с гладкой длинной ногой, с теплым телом, голубым халатом. Хагану вовсе не понравилась такая метаморфоза.

— Последний раз из женщин я слушался разве что мисс Пик, — сообщил он без тени улыбки, а когда увидел вопросительный взгляд Модести, пояснил: — Мисс Пик работала воспитательницей в детском саду. Мне тогда было шесть лет, и я вроде бы неплохо ей подчинялся. Но с тех пор слишком много воды утекло, и я утратил эту привычку.

— Жаль, — сказала Модести. — В нашем деле никак нельзя терять полезные навыки.

Поль кивнул головой в сторону спальни и сказал:

— Там ты не отдавала приказы.

— Так то там! И без приказов все было отлично. Но теперь мы уже не в мягкой постели. — Она окинула взглядом город и тонувшее в дымке море. — Теперь мы играем в моем дворе и моим мячиком. Если не хочешь играть по моим правилам, то выходи из игры, Поль. — В ее словах не было никакого нажима или вызова. Только констатация факта.

Хаган сидел неподвижно, ожидая, когда в нем уляжется буря протеста. Его так и подмывало схватить ее, положить на колени, и, задрав голубой халат, лупить ее ладонью по голой заднице, наслаждаясь воплями и криками. Он прекрасно понимал, что это конечно же атавистический импульс, реакция на уязвленное мужское самолюбие, и цивилизованная часть его «я» выказывала неодобрение.

— Не создавай мне проблем, дорогой, — тихо попросила Модести. — Пожалуйста, не надо.

— Попробую. Каков будет приказ номер один?

— Пока никакого. Просто я хотела бы послушать, что ты обо всем этом думаешь.

— Что я думаю, — повторил он и сокрушенно пожал плечами. — Трудно... очень трудно. Пока я так и не учуял след Габриэля. Я даже толком не знаю, откуда начинать.

— Но мы уже начали, — напомнила она. — Ты еще не видел Вилли Гарвина. Вы не знакомы?

— Я слышал о нем. Говорят, он очень хорош в своем деле. Иначе и быть не может, раз он был твоей правой рукой. — Хаган поймал себя на том, что в последнюю фразу вкралась насмешка, и внутренне выругался, но Модести и виду не подала, что заметила это.

— Да, — согласилась она. — Вилли очень хорош. Я послала его выяснить, где Пако.

— Пако? — переспросил Хаган, потирая подбородок. — Прости, я не так здорово ориентируюсь в криминальной среде. — Он замялся, чувствуя, что это признание только подтверждало ее правоту. Впрочем, она и тут сделала вид, что не обратила внимания на его промах. — Не тот ли это Пако, который когда-то контролировал от твоего имени эти края?

— Да, он руководил нашими операциями от Перпиньяна до Ментона. Севернее Авиньона он не работал. Когда я отошла от дел, то отдала ему этот район. Габриэль же начал действовать именно отсюда. Если это так, то Пако должен что-то про это знать.

— Он будет готов поделиться сведениями?

— Вот разыщем его и все узнаем. — Модести встала, подошла к краю балкона. — Пако любит оставаться в тени. Но у Вилли есть женщина. В общем, Вилли должен ее посетить.

— Она близка с Пако?

— Николь близка с ним настолько, насколько женщина бывает близка с мужчиной. И не потому, что она поет в одном из его ночных кабаков. Хотя голосок у нее действительно неплохой.

— Если Николь — его женщина, неужели она что-то скажет? Я как-то раз помогла ей выпутаться из одного очень неприятного дела, и она осталась мне признательна. Впрочем, и без этого она будет откровенна с Вилли. Да, конечно, Пако дает ей кусок хлеба с маслом, но она просто помешана на Вилли.

— Настолько, чтобы откровенничать с ним насчет Пако?

— Ее откровенность с Вилли не знает границ. — На лице Модести ослепительно сверкнула улыбка. — Но Вилли — джентльмен и не станет торопить ее с признаниями...

— Господи, ну и денек! — развел руками Хаган. — Все занимаются исключительно этим самым...

— Ничего, вскоре у нас появятся и другие заботы, — успокоила его Модести. Она извлекла из кармана халата пачку «Голуаза» и сказала: — Вот выкурю сигарету и буду одеваться. Огонька не найдется?

Хаган похлопал себя по карманам и встал.

— Оставил зажигалку на кухне, — сообщил он. — Подожди, я сейчас.

Оказавшись в комнате, он посмотрел на Модести через открытую балконную дверь. Теперь он увидел ее всю целиком, в профиль, и художник в нем снова дал о себе знать, сосредоточился на игре красок, на композиции. Теплый ветерок играл прядью ее черных волос, и она подняла руку, чтобы привести в порядок свою прическу. Ему захотелось крикнуть ей застыть, не менять позы, пока он не сбегает за альбомом.

Модести повернула голову и с удивлением посмотрела на него.

— Что случилось, Поль? — спросила она.

— Ничего... Сейчас принесу зажигалку.

Он прошел через маленькую спальню, через мастерскую и оказался на кухне. Когда он нашел зажигалку, раздался звонок в дверь.

«Это мистер Гарвин, — подумал Поль Хаган. — Интересно, должен ли я слушаться и его?»

Он открыл дверь, и на него уставилось дуло пистолета. Его держал темноволосый коренастый человек в черном пиджаке, светло-серой рубашке и красном галстуке. На нем также была черная мохеровая шляпа с яркой цветной лентой, и черные ботинки с узкими носами. Лицо у субъекта было квадратное, с маленькими глазами. В руке он сжимал «беретту-бригадир».

Прежде чем Хаган успел что-то сообразить, его мозг зарегистрировал все эти детали, словно объектив фотоаппарата. Затем Поль почувствовал болезненные спазмы в животе — его охватил приступ злости. Злости на себя самого. Последний час он думал не мозгами, а плотью. Модести тоже предавалась чувственным удовольствиям, но она мгновенно переключилась на другой режим,

когда, лениво, словно кошка, потянулась и встала с постели. Он же теперь смотрел в лицо смерти именно потому, что продолжал возвращаться памятью к тем упоительным моментам, когда их тела переплелись в экстазе...

Зная, что один из агентов Тарранта погиб, а другой пропал без вести, зная, что они приступили к выполнению важного задания, он, Поль Хаган, открыл дверь, забыв о тех предосторожностях, о которых помнит даже новичок.

Отличное начало, подумал он, но потом выбросил из головы все, кроме человека с пистолетом. Тот выставил палец, приказывая ему отступить в комнату. Хаган подчинился и стал пятиться, не поднимая рук. Человек переступил через порог и закрыл за собой дверь, по-прежнему держа Хагана на прицеле.

Хаган продолжал изображать потрясение, но мозги его лихорадочно работали. Если он крикнет, это предупредит Модести об опасности. С другой стороны, это предупредит незваного гостя о том, что она здесь, хотя не исключено, что он об этом не подозревает. При Модести нет оружия, так что от его крика толку будет мало. Но если он затеет разговор, возможно, она смекнет, что к чему. Незнакомец поднял свободную руку и жестом велел Хагану повернуться к нему спиной. В то же время он чуть переместил пистолет, готовясь, похоже, ударить им Хагана по голове.

«Доигрался», — мрачно подумал Хаган и, повернувшись, резким движением руки попытался выбить пистолет и ухватить черного человека за запястье. Но тот, судя по всему, именно этого и ждал. Хаган успел заметить улыбку на полных губах негодяя: его выпад был легко блокирован, после чего он получил страшный удар пистолетом по голове. В глазах все поплыло, и последнее, что Поль увидел, была циновка на полу, куда он рухнул.

Сделав над собой невероятное усилие, Хаган попытался крикнуть, но связи между мозгом и мускулами оказались нарушены. Проваливаясь в черноту, он успел почувствовать, как ему связывают руки.

Модести стояла на балконе, смотрела на гавань и мяла в пальцах незажженную сигарету. Она вдруг заволновалась, почему так долго нет Поля. За его удивительно чувствительной натурой художника, что,

кстати, делало его таким отличным любовником, скрывалась стальная оболочка воина. Она вдруг подумала, не помешает ли его мужская гордыня их дальнейшей работе. Такое задание нельзя выполнять без железной дисциплины и единоначалия. Поль вряд ли был готов тут с ней спорить. Но независимо от того, что говорил Таррант, он, скорее всего, захочет все делать по-своему. Тот час, что они провели вместе, никак не улучшил общее положение дел. То, что она отдалась ему в постели, возможно, лишь способствовало возникновению в нем покровительственного к ней отношения.

Модести понимала, что, возможно, ей вообще не следовало оказываться с ним в постели. Впрочем, во-первых, это произошло как бы само собой, а во-вторых, доставило им обоим массу удовольствия. Так что сокрушаться было не о чем. С незажженной сигаретой в руке Модести прошла через маленькую спальню, где находились вещи Вилли, и оказалась в коротком коридорчике.

— Поль, ты не одобряешь курящих женщин? — весело крикнула она и тотчас же увидела его лежащим на полу, в дальнем конце просторной мастерской. На голове алело пятно, а руки были связаны за спиной куском сизаля. Она сразу узнала человека, который стоял на колене рядом с Полем и смотрел на нее.

— Привет, Диди, — сказала она, продолжая как ни в чем не бывало приближаться к нему. Если бы противник был менее проворным, она оказалась бы настолько близко, что можно было бы попытаться ударить его ногой, но Диди был малый не промах. Как только она появилась в комнате, он одной рукой нацелил на нее пистолет, а второй прижал нож, которым резал сизаль, к сонной артерии Поля Хагана.

— Еще один шаг! — предупредил он по-французски, и она остановилась. Тут Поль приоткрыл глаза. Сначала он смотрел невидящим взглядом, потом, похоже, зрение вернулось. Модести заметила, как его мускулы напряглись, стараясь освободиться от пут. Но нож прижался к шее еще сильнее, и Поль дал отбой.

— Положи руки на голову, — приказал Диди Модести, — и сделай два шага вперед. Только два. И очень медленно. Она подчинилась, но сказала:

— Пако будет недоволен.

— Ты так думаешь? — осклабился Диди. — На самом деле старина Пако недоволен совсем другим. Ему не нравится, что вы тут затеяли:

ты, Хаган и Вилли Гарвин. Учти, что теперь в этих краях босс Пако, а не Модести Блейз. — Последние слова он не произнес, а злобно прошипел.

Хаган смотрел на Модести, но чувствовал, что человек с ножом и пистолетом напряжен до предела, и это вызвало у него озноб. Модести стояла в шести шагах от них, безоружная. То, что на ней был лишь тонкий нейлоновый халат, только усиливало ощущение ее незащитности и уязвимости. Тем не менее, этот человек смотрел на нее, как охотник смотрит на угодившую в западню тигрицу.

— Значит, ты меня помнишь? — язвительно осведомился Диди.

— Видела, когда приезжала на совещание к Пако.

— А помнишь, как ты прислала сюда Вилли, потому что я передал кое-кому маленький пакетик героина?

— Мы никогда не имели дела с наркотиками. — В ее голосе презрение сочеталось со скукой. — Все, кто работал на меня, прекрасно это знали.

— Я знаю только то, что после беседы с Гарвином у меня рука оказалась на пять недель в гипсе, — процедил Диди, и Хаган почувствовал, как в этом человеке клопочет ярость.

— Я с ним еще поговорю об этом, — заметила Модести. — За наркотики одной руки мало. За это полагаюсь сломанная шея.

— Я сам с ним потолкую. Где он?

— Поехал в гости.

— Мне он нужен здесь. Пако велел мне наблюдать за Хаганом. А я нахожу в его доме Модести Блейз. А там, где Модести Блейз, там должен быть и Гарвин. Вот я сперва с ним потолкую, а потом уже и доложу Пако.

Он воткнул нож в пол и прижал ствол «беретты» к шее Хагана, не спуская глаз с Модести.

— Лишнее движение, и ему крышка, — коротко сообщил Диди и швырнул Модести кусок сизаля. — Подними, но медленно. Отлично. Теперь повернись спиной и сделай две петли для больших пальцев.

Модести медленно повернулась, понимая, что любое лишнее движение действительно означает смерть Поля. Все так же медленно она сделала петли. Диди действовал наверняка, зная, что ошибка будет означать его собственную гибель. Модести, правда, могла атаковать

его, но ценой жизни Поля. Впрочем, очень скоро такая же возможность появится у Поля, но тогда пуля Диди уже полетит в нее.

— Ложись на диван, лицом вниз, — приказал Диди. Модести подошла к кушетке у стены, легла, повернулась на живот. Диди легко поднялся, пересек комнату и прошел к дивану, не опуская пистолета. Краем глаза Модести увидела, как зашевелился Поль, пытаясь освободиться. Тут же ствол пистолета уперся ей в шею. Поль застыл. Диди воткнул нож в стену, потом взялся за свободные концы сизаля и резко дернул. На больших пальцах затянулись узлы. Диди связал концы. Затем снова наставил пистолет на Поля.

— Ноги, — ровным голосом произнес он.

Модести прекрасно понимала, что он имеет в виду. И она, и Диди знали, как связать сильного мужчину маленьким отрезком веревки так, чтобы это было надежнее стальных наручников.

Она подумала, не потерять ли сознание. Иногда этот трюк срабатывал. Впрочем, сейчас от него не было никакого толку. Она подняла ноги, подвела правую щиколотку под согнутое левое колено. Диди резко рванул лодыжку — нога оказалась заклинена. Рукой с пистолетом он ухватил ее связанные руки, зацепив их за подъем поднятой ноги. Затем он отпустил ногу, из-за чего затянулись путы на руках. Теперь руки и ноги Модести были прочно и болезненно скованы. На последний завершающий штрих ушло всего две секунды, но Хаган уже успел встать на колени. Лицо его побелело от ярости.

— Спокойно, Поль, — произнесла Модести. Сжимая в руке пистолет, Диди пересек комнату и ударил Хагана ногой в живот. Задыхаясь, Поль упал на бок.

— Отлично, — сказал Диди, вернувшись к кушетке. Он вынул из стены нож и, присев рядом с Модести, осведомился: — Когда приедет Гарвин?

Выждав три секунды и не получив никакого ответа, Диди просунул нож за воротник ее халата и одним ловким движением распорол легкую ткань надвое.

— Сегодня поздно вечером, — сказала Модести, глядя на Поля. — Или завтра.

Диди потер подбородок. Его глазки сузились.

— Ты знаешь, как с ним связаться, — сказал он. Это был не вопрос, а утверждение.

— Антиб, два-шесть-три-один-пять-семь, — ответила она.

— Сейчас проверим. — Диди встал и взял телефон с маленького столика. Натянув шнур до предела, он поставил аппарат на пол.

— Ты скажешь Гарвину, чтобы он ехал сюда, — распорядился Диди, набирая номер. — И говори только по делу, красавица. — Он выпрямился и провел по ее голой спине ножом, не сделав надреза, но оставив на коже алый след. — Только по делу, без глупостей, — повторил он.

Глава 8

— Ну, давай, киса, говори по-английски, — сказал Вилли Гарвин, поудобнее устраивая голову на подушке. — Тебе полезно потренироваться.

— Знаю. Но я не могу говорить по-английски, когда мы занимаемся любовью. Я не могу сосредоточиться, а это мне не нравится.

— Кому же такое понравится! Но сейчас-то мы не занимаемся любовью, Николь.

— Правильно. И я говорю по-английски.

— Значит, все в полном порядке.

Она устроилась на Вилли, опершись на его грудь, и посмотрела ему в глаза. Николь в ее двадцать три была миниатюрной особой с темно-рыжими волосами и пухленьким тельцем. Она вполне отдавала себе отчет в том, что не блещет умом, но это ее совершенно не огорчало. Николь относилась к жизни очень просто. Она делала то, что требовалось, чтобы можно было жить без проблем, а остальное время посвящала тому, что доставляло ей удовольствие. Она была веселой и жизнерадостной и редко задумывалась о завтрашнем дне. Впрочем, сегодня как раз был тот редкий случай.

Из всех известных ей мужчин Николь отдавала решительное предпочтение Вилли Гарвину. По крайней мере, сейчас она была в этом убеждена. Когда час назад она увидела его на рынке в Антибе, сердце ее забилося чаще.

Вилли помог ей сделать покупки, а затем уселся с двумя большими корзинками на заднее сиденье ее мотороллера, и они покатали к ней на авеню де Верден.

Николь вздохнула и, нежно поцеловав его в нос, сказала:

— Как я рада тебя снова видеть. Ты похорошел еще больше, Вилли. Ты хорошенький.

— Красивый, — лениво отозвался он. — Хорошенькая ты, а я красивый.

— Красивый, — согласилась Николь. — Спасибо. И надолго ты в Антиб?

— Не знаю. Как сложатся обстоятельства, киса.

— О! — В ее голосе сквозило разочарование. — Но в прошлом году ты пробыл тут три недели. Я скажу Пако, что мне надо навестить бабушку в Гренобле, и мы можем уехать...

— Извини, милая, но я тут по делу.

— По делу? И с Модести? — спросила она, и ее глаза загорелись. Для Николь часть обаяния Вилли заключалась в том, что он работал на Модести Блейз, которую Николь просто обожала. — Значит, с Модести? — повторила она. — Как тогда?

— Не совсем как тогда, — отозвался Вилли, поглаживая ее плечо. — Где я могу найти Пако?

— «Красная перчатка». В Жуан-ле-Пене. У него там в задней части очень милая квартирка. — Она тревожно посмотрела на гостя и сказала: — Но, Вилли, милый, не уезжай сейчас к Пако.

— Почему? Он, конечно, тот еще фрукт, но раньше у нас с ним не возникало никаких проблем.

— Он изменился. — Николь прилегла, уткнув голову ему в плечо. — Когда Пако стал боссом, он изменился в худшую сторону. Он боится, что кто-то придет и заберет у него все хозяйство, поэтому он вытворяет разные гнусности, чтобы держать людей в страхе. Он подумает, что вы с Модести собираетесь лишиться его всего того, что он так ценит. — Она положила руку на щеку Вилли и заговорила серьезным тоном. — Поверь мне, Вилли, он непременно сделает тебе какую-нибудь пакость. Он способен на все. На него работает больше полусотни людей только между Ниццей и Каннами.

— Раздул штаты, — презрительно фыркнул Вилли. — Модести никогда не допускала лишних расходов. Впрочем, теперь это хозяйство Пако. Мне от него нужны только кое-какие сведения.

— Послушай, Вилли, давай я выясню все, что тебя интересует, — сказала Николь, приподнимаясь на локте и грустно глядя на него. — Извини, но сегодня вечером, прежде чем выйти петь, я должна немного побыть с Пако. Ты знаешь, это часть моей работы.

— Сегодня он окажется не в постели с тобой, а кое-где еще, — мрачно изрек Вилли.

— Как так?

— Ладно, не обращай внимания. Так о чем ты говорила?

— Может, это хорошо, что мне сегодня надо быть у Пако. Вдруг я узнаю то, что тебя интересует.

— Пако — лиса, — нахмурясь, сказал Вилли.

— Лиса? Это такое животное?

— Не в том смысле. Он хитер.

— А, вот как! Но я тоже хитра. Когда Пако меня... проводит со мной время, он рассказывает много разных историй. Он знает, что я толком не слушаю. Мне плевать. Он это знает, но все равно любит со мной делиться. Ему нравится, как я говорю «да» и «нет», как я удивляюсь: «Не может быть» и как восклицаю: «Какой ты умный».

— Ты уверена, что для тебя это не опасно?

— Что ты! Это проще простого.

— Ладно. Но только не надо так сиять, когда будешь у него. А то ему станет любопытно, чем ты занималась днем.

— Ха! — В ее голосе послышалось презрение. — Пако вообще не обращает на меня внимания.

Зазвонил телефон у кровати. Николь перегнулась и сняла трубку, а Вилли задумчиво стал поглаживать ей спину двумя пальцами.

— Да, — сказала Николь в трубку. — Это я! Ой, это ты, Модести! Да, но... — В ее голосе послышалось замешательство. Николь замолчала и, нахмуря лобик, выслушала Модести, потом растерянно сказала: — Да, но... в общем, он тут, рядом. Хочешь с ним поговорить? — И после паузы. — Ладно, я все ему передам. — Она отняла трубку от уха, удивленно посмотрела на нее и положила обратно.

— Звонила Модести, — сообщила она. — Но очень странно говорила. Она не дала мне сказать ни слова. Она просила передать, чтобы ты немедленно возвращался. Это срочно. Но, Вилли, она почему-то называла меня Жаклин...

Пальцы Вилли замерли на голой спине Николь.

— Жаклин, — задумчиво протянул он, но в голосе его не было удивления. — Ладно, а теперь брысь, киса, мне пора. — И с этими словами он шлепнул ее по голой попе.

Николь выбралась из кровати, надела халат. Вилли облачился в брюки и рубашку.

— Ну а что касается Пако, — сказал он, то меня интересует все, что ему известно о человеке по имени Габриэль и о перевозке алмазов. Понятно?

— Да, Вилли, Габриэль и алмазы. Я запомню. — Сосредоточенно хмурясь, она подошла к окну и чуть подняла пластиковые венецианские жалюзи, чтобы впустить в комнату больше света.

— Только не проявляй назойливости, — предупредил Вилли, надевая туфли. — Ни к чему, чтобы Пако подумал...

— Вилли, иди сюда, — вдруг тревожно позвала его Николь, выглянув из окна. Вилли подошел к ней и глянул в щелочку. Квартира Николь была угловой, окна выходили и на улицу, и в переулок. В переулке стояла красная «веспа».

— Вилли, по-моему, за тобой следят, — сказала она срывающимся голосом. — Этот мотороллер принадлежит одному из людей Пако.

— Кому?

— Шадье. Он из Алжира, стал работать на Пако уже после того, как Модести отошла от дел.

— Ты уверена, что это слежка за мной? А может, за тобой?

— Нет, Пако не придает мне такого значения. Шадье, конечно, следит за тобой. Ой, Вилли, мне страшно! Пако способен на что угодно.

— Не волнуйся. — Он обнял ее за плечи и прижал к себе. — Все будет отлично. Пойди взгляни, вдруг увидишь того парня.

Николь умчалась босиком. Вилли взял куртку. В левом внутреннем кармане нащупал двойные ножны, в них лежало по ножу. Он проследовал в ванную, вымыл руки и лицо. Причесываясь, обратил внимание на бутылочку на полке над унитазом. Там был нашатырный спирт.

В ванную вошла Николь.

— Вилли, он там, — прошелестела она, и глаза ее испуганно округлились. — В кафе, через дорогу.

Вилли прихватил бутылочку с собой. Держа Николь за руку, он проследовал в гостиную. Не подходя близко к окну, увидел тротуар и столики кафе. За одним из них сидел маленький смуглый человечек с длинными, тщательно причесанными волосами, одетый в зеленый льняной пиджак и светло-кремовые брюки.

— Я уберу его с дороги, — сказал Вилли. — Ну, а ты еще не утратила желания разговорить Пако сегодня вечером?

— Нет, Вилли, — сказала она и замялась. — Но потом я уеду. С Пако иногда просто страшно. Уеду в Париж. Или в Лондон. —

Коснувшись его руки, она спросила: — Как ты думаешь, там я найду себе работу?

— Думаю, я смогу чем-то занять тебя, — машинально отозвался он, и Николь поняла, что ему сейчас не до нее.

— Когда мы увидимся? Когда я расскажу тебе, что мне удалось выведать у Пако?

— Когда скажешь, киса.

— В «Красной перчатке» я заканчиваю поздно. Будь в два часа на старом рынке. Там пусто. Нам никто не помешает.

— Ладно. Можно, я одолжу твой мотороллер?

— Как скажешь, Вилли. Обратно из Жуан-ле-Пена я могу приехать на такси.

— Ты просто чудо. — Он взял ее за руки и поцеловал. — Пока, киса.

— Ну, ладно, до встречи. А если Модести сможет, пусть тоже приезжает. Очень странно она со мной говорила — и главное, все время называла Жаклин.

— Это значит, что у нее возникли неприятности. Сначала я разберусь с Шадье, а потом выясню, что там у нее. До свидания, прелесть.

— До свидания, Вилли. Вилли!..

Он остановился в дверях и внимательно посмотрел на нее.

— Пожалуйста, будь лисой, — сказала Николь с тревогой в голосе.

Спустившись по лестнице, Вилли оказался на маленьком заднем дворе. Через калитку он вышел на проулок, где стояла красная «веспа». Седло было из поролона, обитого яркой клетчатой тканью. Вилли подошел к мотороллеру, вынул из кармана бутылочку и опорожнил ее на седло. Жидкость тотчас же впиталась.

Швырнув пустую бутылочку в мусорный бак, Вилли вернулся в дом и вышел уже через парадную дверь. У обочины стояла «ламбретта» Николь. Не торопясь, он стал проверять бензин, включил карбюратор. Краем глаза он увидел, как Шадье встал из-за столика и направился в проулок.

Вилли завел мотор и сел в седло. Когда он стал медленно отъезжать от дома, из проулка послышалось сердитое урчание «веспы». В зеркале Вилли увидел Шадье. Тот злобно смотрел ему вслед.

Привстав, алжирец потрогал одной рукой сиденье, и стал одергивать брюки.

Вилли прибавил скорость и свернул налево, на улицу, которая вела к площади генерала де Голля. Мотороллер Шадье тарыхтел сзади. Они объехали площадь, и на повороте Вилли посмотрел на преследователя. Теперь Шадье полустоял и одной рукой одергивал мокрые брюки.

— Бывало, людей арестовывали и не за такое, — довольно пробормотал себе под нос Вилли. Но накатившая на него волна удовлетворения вдруг схлынула сама собой, когда он вспомнил о звонке Модести из квартиры Хагана. Неужели уже начались сложности? И что это за проблемы, с которыми Модести не смогла сама справиться? Ему вдруг сделалось не по себе. Не иначе как ее кто-то подслушивал, иначе она говорила бы открытым текстом. Скорее всего, она позвонила ему по указке кого-то из оппозиции, чтобы заставить его, Вилли, вернуться в квартиру Хагана, где ему устроена западня. Ну, что ж, это уже неплохо. Значит, кому-то страшно хотелось сперва заполучить его, Вилли Гарвина, а лишь потом сделать следующий ход.

Вилли решил перестать строить догадки и сосредоточился на Шадье, которого по-прежнему видел в зеркале. Рано или поздно, у этого мерзавца сдадут нервы, он сделает остановку и пойдет в сортир, чтобы снять брюки. Или просто отыщет укромное местечко. И тогда с ним можно будет спокойно разобраться.

Они уже были сейчас в конце рю Альбер, но Шадье не отставал. Вилли обернулся и увидел испуг на лице пешехода, который хотел было перебежать улицу, но вовремя остановился, заслышав вой клаксона.

Вилли свернул налево и поехал вдоль моря. Невысокий забор отгораживал дорогу от узкой полосы берега. Внезапно Шадье словно обезумел. Казалось, он попытался соскочить с мотороллера, не удосужившись его остановить. Машина задела кромку тротуара, и ездок полетел из седла. Вилли затормозил, остановился и стал с интересом наблюдать.

Шадье пытался содрать с себя брюки и в то же время перелезть через стену. Что и говорить, оба эти действия было трудно выполнить одновременно. В конце концов он рухнул на землю, тяжело дыша и тщетно пытаясь освободиться от брюк.

— Ну и ну! — пробормотал Вилли, сам удивляясь своей удаче. Словно замороженный, он следил за тем, как Шадье срывает брюки. Под ними у него оказались белые трусы в сиреневую полоску. Быстро стала собираться толпа, слышались неодобрительные возгласы:

— Он рехнулся!

— Какая мерзость!

— При детях!

Через толпу стал проталкиваться жандарм. Шадье тем временем уже входил в море. Полосатые трусы зацепились за лодыжку. Он плюхнулся в воду и сидел, одной рукой схватившись за голову, а другой шаря под водой. Полосатые трусы поплыли, гонимые волнами. Жандарм мрачно подошел к кромке воды и пронзительно засвистел в свисток, приглашая Шадье выйти на берег.

Вилли решил, что хорошенького понемножку, и снова включил мотор. Он направлялся к шоссе, пересекавшему Кап д'Антиб. Вилли возблагодарил судьбу за то, что позаимствовал «ламбретту», а не воспользовался взятой напрокат машиной, которую оставил на рынке. Учитывая интенсивность движения, на мотороллере он доберется до Канн гораздо быстрее.

Двадцать минут спустя Вилли уже оказался на бульваре де ла Круазетт, у порта. Продвигаясь по узким извилистым улочкам старого квартала, он вдруг увидел впереди шедшего не спеша высокого седовласого человека. На нем были коричневые туфли, темные брюки и светло-бежевый пиджак. В руке он держал трость. Вилли обогнал его, остановил мотороллер.

— Здравствуйте, здравствуйте, сэр Джи! Вот уж не ожидал вас тут встретить! — воскликнул он. — Какими судьбами?

Таррант оперся на трость. В интонациях Вилли чувствовалось напряжение, и он подумал, что, возможно, Хаган несколько заартачился.

— Я здесь не совсем официально, — пояснил он. — У меня в этом году никак не получалось с отпуском, и его высочество настоял, чтобы я поехал с ним. Поскольку мне было ведено уделить этому делу самое пристальное персональное внимание, я решил воспользоваться приглашением. Вот я и здесь.

— Значит, и шейх тоже здесь?

— Со всей своей свитой. — Таррант устало провел рукой по лбу. — Мы остановились в «Грей д'Альбионе». Одна большая семья. Начинаю чувствовать себя Лоренсом Аравийским^[7]. С той лишь разницей, что он-то как раз получал удовольствие от столь причудливого общества. Мне же это не доставляет большой радости.

— Мужайтесь, старина. — Вилли по-прежнему вроде бы балагурил, но за его шутками чувствовалось напряжение. — Дай мне услышать радость и веселье...

— Прошу прощения? — удивленно вскинул брови Таррант.

— Псалом пятидесятый, стих десятый.

— У вас, стало быть, есть еще одно призвание?

— Не то чтобы призвание, но в свое время я просидел в калькуттской кутузке год, и читать там было нечего, только псалтырь. Вот и выучил псалмы наизусть.

— Ясно, — сказал Таррант и, помолчав, спросил: — Что вас так беспокоит, Вилли?

— Сам толком не знаю. Можете оказать мне любезность?

— В чем она заключается?

— Дайте мне две минуты, потом идите к дому Хагана, первый слева, номер шестнадцать. Поднимитесь наверх и позвоните.

— И что потом?

— Там видно будет.

Модести сделала над собой усилие, чтобы отключить сознание от пульсирующей боли в заломленных конечностях.

Она разговаривала по телефону с Николь полчаса назад, значит, Вилли может появиться с минуты на минуту. Она напрягала слух, чтобы не пропустить ни малейшего шума или звука как за пределами квартиры, так и в ней самой. Это помогало позабыть не только про мучения, но и про руку Диди, путешествовавшую по ее спине и ягодицам.

У противоположной стены лежал связанный Поль и смотрел на Диди, истекая потом и ненавистью.

Диди посмотрел на часы и встал.

— Когда появится Гарвин, — сказал он, наводя пистолет то на Поля, то на Модести, — никому не шевелиться. Запомнили? Если один из вас крикнет, второй получит пулю. Ясно?

Внезапно он застыл и стал прислушиваться. По лестнице кто-то поднимался. Шаги делались громче. Кто-то остановился у двери. Зазвонил звонок. Хаган посмотрел на Модести, безмолвно призывая ее крикнуть. Она едва заметно покачала головой и отвела взгляд. Она взяла под наблюдение тот коридорчик, что вел в спальни и ванную.

Сжимая в руке пистолет, Диди мягко подошел к двери. Он взялся за ручку и рывком распахнул дверь. В этот момент из коридора появился Вилли.

Вилли держал за кончик лезвия нож. Еще мгновение, и в руке у него уже ничего не было, лишь лезвие блеснуло в воздухе. Оно вонзилось в руку, в которой Диди держал пистолет. Когда сталь впиалась в кость, Диди взвизгнул и уронил пистолет, который тут же подхватил высокий седой человек. Он толкнул шатавшегося Диди в комнату и вошел, прикрыв за собой дверь.

Скуля, Диди повернулся, прекрасно зная, что увидит Гарвина. У того в руке появился второй нож, а глаза излучали арктический холод и сулили смерть.

— Прикончить его, Принцесса? — как ни в чем не бывало осведомился Вилли.

— Нет, Вилли, лучше развяжи меня.

Тут вторая волна боли захлестнула Диди, и он рухнул на стул, уронив голову на крышку стола. Из руки его по-прежнему торчал нож. Таррант взвесил в руке трофейный пистолет, но не сказал ни слова. Вилли склонился над Модести. Он освободил из замка руки, потом начал разрезать путы.

Когда Модести с трудом приняла сидячее положение, разрезанный халат упал, и Таррант увидел ее великолепные формы. Вилли заботливо накинул халат ей снова на плечи и разрезал ворот, чтобы завязать концы у нее на шее. Ее пальцы распухли и посинели. Вилли взял их в свои ладони и стал бережно растирать. Все его внимание было направлено на Модести, остальные в комнате перестали для него существовать.

— Сейчас принесу два тазика с холодной и теплой водой, — сказал он. — Окунай попеременно, и все скоро будет в порядке. Но у тебя выдались тяжелые минуты, Принцесса.

— Я это заслужила, — отозвалась Модести, и в ее голосе прозвучало презрение к себе и своей беспечности. Потом уже мягче

она добавила: — Спасибо тебе, Вилли. С руками потом. Лучше возьми аптечку и перевязи Диди, пока он не истек кровью. И помоги Полю.

Не без труда она подобрала нож Диди и встала на ноги. Вилли подошел к Полю, коротко кивнул ему и сказал:

— Привет, Поль. Как дела, приятель?

— Лучше, чем я заслуживаю, черт побери, — буркнул тот. В его голосе клокотала плохо сдерживаемая ярость. Лицо заливал пот. Модести присела возле него.

Вилли стоял перед Таррантом и буравил его своими ледяными голубыми глазами, словно приглашая прокомментировать случившееся. Таррант посмотрел на Модести, на Хагана, а потом опять на Вилли. Немного поколебавшись, он кивнул головой.

Вилли несколько расслабился. Он улыбнулся и подошел к Диди, который пребывал в полуобморочном состоянии. Он поднял его голову за волосы и весело сказал:

— Это Диди! Помню, помню. Вечно ему не везет с руками, Принцесса. — Он удалился в спальню и вскоре вернулся с небольшим портфельчиком. Хаган на кухне кипятил воду. Модести стояла у двери, растирая пальцы. Губы ее превратились в одну тонкую линию. Никто ничего не говорил.

— Я не в восторге от того, что меня использовали как приманку, — заявил Таррант, когда Вилли открыл портфель. — Он ведь мог меня застрелить.

— Кому-то надо было рискнуть, — меланхолично отозвался Вилли. — Лично у меня на такое храбрости не хватило бы. — Он отрезал рукав пиджака Диди, потом рубашку, обнажив руку, в которой по-прежнему торчал нож. Затем посмотрел на Тарранта и спросил: — Вы можете наложить повязку, сэр Джи?

Прошло десять минут. Теперь на Модести были юбка и блузка, а на руках — хлопчатобумажные перчатки. Большие пальцы были обложены марлей, пропитанной гаммелисом. Хаган стоял у окна, сунув руки в карманы. Сжимая и разжимая кулаки, он глядел вдаль. Диди с серо-зеленым лицом сидел на кушетке. Плечо его было забинтовано, рука покоилась на перевязи.

— А он-то какую роль играет во всем этом? — удивленно спросил Таррант, кивая на раненого бандита.

— Никакой, по сути дела, — сказала Модести, взяв сигарету. Вилли поднес огонь. — Это случайность. Похоже, Пако решил взять Поля под наблюдение, поскольку что-то заподозрил. Когда на сцену вышла я, Диди пораскинул мозгами и счел полезным нас захватить. Но прежде чем докладывать Пако, он решил свести личные счета.

— У Пако много глаз, — сообщил Вилли, появляясь с подносом, на котором стояли чашки с кофе. — Ко мне он тоже приставил хвоста, но я сильно сомневаюсь, что у парня будет возможность в ближайшее время доложить шефу.

— Что ты с ним сделал? — поинтересовалась Модести.

— Временно вывел его из игры, Принцесса. Или полиция отправит его за решетку за непристойное поведение, или он загремит в больницу. — Вилли нахмурился и закончил: — Не знаю, что делает нашатырь с фамильными ценностями.

— Объясни, что произошло, — сказала Модести. Вилли коротко поведал историю мотогонки, и она обратилась к Тарранту:

— Вы можете связаться со Вторым отделом и попросить их поддержать того парня пару дней?

И Диди тоже. Таррант взял телефон со словами:

— Рене Вобуа просил меня обращаться к инспектору Дюрану, если потребуется их содействие. Французские законы созданы, чтобы помогать полиции делать свое дело.

Пятнадцать минут спустя к дому подъехал продуктовый фургон, и два молчаливых человека свели вниз и усадили в кузов Диди, на плечи которого был накинут плащ.

— Спасибо за кофе, — сказал Таррант, встал и взял свою трость. Взглянув на Модести, он произнес: — Жаль, что эта случайность застала вас врасплох. — И мягко добавил: — Не считите за назойливость, но я хотел бы получать от вас отчеты о развитии событий, как только вам позволит время.

— Вы в «Грей д'Альбионе» с Абу-Тахиром?

— Да.

— Мы свяжемся с вами, как только получим сведения от Николь. Это будет довольно поздно ночью.

— Я не будут спать. Равно как и его высочество. Ну, а теперь, моя милая, всего наилучшего.

Когда Таррант удалился, в квартире воцарилась тишина, которую нарушало только насвистывание Вилли в маленькой спальне, где он распаковывал свои вещи.

— Как руки? — спросил Хаган Модести.

— Через несколько часов будут в полном порядке.

— Наверно, очень больно?

— Ничего страшного.

Он мрачно посмотрел на нее и сказал:

— Извини... Пожалуйста, извини. Но когда я вспоминаю, как та сволочь сидела там и лапала тебя...

— Что за глупости, — перебила его Модести, махнув рукой. — Со мной и не такое бывало. Главное в другом. Мы дали маху. Оба. И ты, и я.

— Ты?

— Ну да. — Голос Модести сделался резким. — Если бы я не... — она повела рукой, — не расслабилась после наших с тобой упражнений, я поняла бы: что-то не так. Позови, пожалуйста, сюда Вилли.

Хаган посмотрел на нее, потом прошел в спальню. Вилли появился в большой комнате. В одной руке у него был тот самый нож, которым он запустил в Диди, а в другой — брусок карборунда. Вилли ухмылялся.

— Жаль, ты не видела того болвана на мотороллере, — весело сказал он. — Вот была умора, Принцесса...

— Минутку, Вилли. Я хочу задать тебе один вопрос. — Она пристально посмотрела на него и спросила: — Ты не хочешь выйти из игры?

Он сразу понял смысл вопроса и не стал притворяться.

— Спокойно, Принцесса, — мягко сказал он. — Просто ты сама еще не все толком взвесила. Но это одно из лучших событий в моей жизни. И Поль молодец...

— Не надо гладить меня по головке, Вилли, — мрачно проворчал Хаган.

— Зачем мне это нужно? — невозмутимо отозвался Вилли. — Ты шлепнулся на ровном месте, приятель. И Принцесса тоже. И со мной такое случилось — незадолго до всего этого. Неприятно, но полезно.

Лучше получить хорошую взбучку в первом раунде, тогда, может, это пойдет на пользу, и потом ты будешь драться лучше.

Хаган засопел и попытался что-то сказать, но тут Модести жестом перебила его.

— Тихо. Вилли не шутит. И, наверно, он прав. Модести подошла к окну и выглянула. Взгляд ее был отрешенным. Хаган заметил, что постепенно она стала успокаиваться, приходить в себя. Черты лица сделались мягче. Она вздохнула и снова повернулась к Полю и Вилли. На ее лице появилось нечто похожее на улыбку.

— Вилли прав, — повторила она. — Отныне будем осторожнее. И пора отсюда съезжать, Поль. Если Пако тобой заинтересовался, это уже плохая база. Ты не можешь отыскать для нас какую-нибудь виллу за городом? В Био или Валорисе?

— Конечно, могу. Только на это уйдет пара часов. — Хаган внезапно почувствовал облегчение. Большая черная туча, висевшая над ним, рассеялась, хотя он не мог понять, как и почему это произошло.

Вилли перестал точить нож. Он подошел к портрету Модести и, поджав губы, стал его разглядывать.

— Пора заканчивать, Поль, — сказал он. — Получилось неплохо. Очень даже неплохо. — Он подался вперед и, чуть не касаясь холста пальцем, показал на изображение ляжки. — Видишь, Принцесса, — с восхищением заметил он, — там даже есть шрам от той пули, которую я тогда из тебя вытащил.

Глава 9

Николь сидела за туалетным столиком и смотрелась в зеркало в золоченой раме. Она скорчила своему отражению рожицу.

По другую сторону большой неубранной постели стоял Пако и надевал кобуру, из которой торчала рукоятка пистолета.

Это была большая спальня, обставленная с той безвкусной роскошью, на которую так падки разбогатевшие представители организованной преступности.

На Николь была розово-голубая ночная рубашка с большим количеством разных бантиков и оборочек. Она терпеть не могла этот наряд, но того хотел Пако. На ней также были чулки, которые она тоже ненавидела, но и этого требовал Пако. Сейчас он надевал смокинг. Это был крупный мужчина с полным, одутловатым лицом. Он обогнул кровать, подошел к Николь, положил руки ей на плечи и наклонился, чтобы поцеловать. Она поглядела в зеркало и улыбнулась.

— Николь, голубка, тебя что-то беспокоит? — В его глазах появилась тревога. — Сегодня ты просто не похожа на себя. — Он покачал головой с видом крайней озабоченности.

Николь представила себе свою маленькую спальню и Вилли Гарвина и тут же выбросила эти видения из головы.

— Все нормально, Пако, — вздохнула она. — Только я немножко беспокоюсь насчет моей бабушки в Гренобле. Она себя что-то плохо чувствует.

— Ты добрая душа, Николь, — сказал Пако, и глаза его сделались влажными. Этот жестокий человек отличался почти безграничной сентиментальностью. — Мы всегда должны помнить о стариках. Вот, например, моя бабушка...

Он судорожно сглотнул, посмотрел на часы и сказал:

— А, мне надо отлучиться по делу. Но ты отдохни, а я приду, когда ты будешь одеваться к выступлению.

Пако дотронулся до ее попки, потом вдруг ущипнул что было силы, издав глухое хихиканье. Николь послушно пискнула, потом погладила его по щеке, думая, как было бы здорово вцепиться в эту гнусную рожу ногтями.

Все еще посмеиваясь, Пако подошел к двери, обернулся, послал воздушный поцелуй. Как только дверь за ним закрылась, Николь перестала улыбаться. Потирая пострадавшую попку, она угрюмо уставилась на себя в зеркало.

Потом Николь пожалла плечами и прошептала:

— Извини, Вилли, но номер не прошел. Он ничего не рассказал. Но и удовольствия от меня сегодня тоже не получил.

Пако шел по широкому, устланному ковром коридору. На стене висели две картины, в углублении стояла копия роденовского «Поцелуя». На одной картине маленькая девочка в длинной ночной рубашке сидела на коленях у няни и читала молитву. На второй — французский кавалерист эпохи первой мировой войны склонился над умирающим конем среди сражения. Подпись гласила: «Прощай, мой друг».

С задумчивым видом Пако вышел в маленький вестибюль, где имелись многочисленные двери, а также еще один коридор, под прямым углом к первому. Там, у позолоченного столика, сидел человек и читал газету. Рядом с чугунной вазой с искусственными цветами стояла маленькая урна. Пако коснулся ее рукой и вздохнул.

— Пепел бедняги Жозефа, — сказал он. — Всегда надо помнить о старых друзьях, Морис.

Человек с газетой равнодушно пожал плечами. Пако покачал головой.

— Напрасно он вынудил меня убить его, — грустно молвил он и, войдя в одну из дверей, оказался в своем кабинете. Это была длинная комната, загибавшаяся в конце, напоминая букву «Г». Пройдя по белому ковру, Пако сел за инкрустированный стол, выдвинул ящик. Оттуда он извлек блокнот, а также маленькую красную книжечку.

Минут десять Пако сосредоточенно зашифровывал сообщение. Затем он встал и прошел в соседнюю комнату, где находился передатчик, у которого сидел человек с наушниками на шее и читал книгу в яркой бумажной обложке.

— Когда следующий сеанс, Пепе? — спросил Пако. Тот глянул на часы в передатчике.

— Через пять минут. Они будут нас слушать в двадцать три ноль ноль.

Держа в руках розовый листок с радиограммой, Макуиртер с комично-набожным видом шествовал по коридору за цепочкой монахов. Дойдя до конца, монахи свернули к кельям, где им было положено находиться ночью под присмотром вооруженных людей Габриэля. Макуиртер же прибавил шагу и направился в апартаменты покойного настоятеля.

Габриэль сидел за столом и с карандашом в руке изучал бумаги в красной папке.

— Гермес спешит, вестник богов, — провозгласил Макуиртер, помахивая листочком. — В высшей степени интересное сообщение от нашего друга Пако.

— Погодите. — Габриэль сосредоточенно читал. Макуиртер надул губы и стал медленно прогуливаться по узорчатому ковру. Прошло две минуты. Габриэль закрыл папку. — Только коротко, — сказал он.

Макуиртер положил перед ним листок.

— От Пако, — сказал он. — Похоже, некая молодая особа, хорошо известная Пако, проводит разведку в его епархии. Упомянула Габриэля и говорила об алмазах. Пако полагает, что кто-то навел ее на след, и спрашивает, не надо ли выяснить кто.

Габриэль откинулся на спинку кресла, уставясь бесцветными глазами на Макуиртера.

— Пако может поступить разумнее, — сказал он. — Мы охладим пыл тех, кто сует нос не в свои дела. Передайте Пако, пусть убьет эту молодую особу сегодня же.

— Есть. — Макуиртер взял листок, что-то записал на оборотной стороне. — Итак, приказ поступил в двадцать три тридцать.

— Это все? — спросил Габриэль. — Есть сведения от других агентов? Что происходит?

— Только то, что запланировано. Калонидес провел первую репетицию. Получилось на пять минут дольше, чем требуется, но он не волнуется. Как-никак это первая проба.

— Хорошо. Передайте мое распоряжение Пако.

— А что, если он заартачится? Как-никак это девица, с которой он спит.

Габриэль взял другую папку и, покосившись на Макуиртера, сказал:

— Пако не заартачится. Он получит удовольствие. Я его хорошо знаю. У него будет повод пролить слезу. Он это обожает.

Двадцать минут спустя Пако расшифровал приказ Габриэля в своем кабинете. Он медленно поднес к листку спичку и смотрел, как тот превращается в пепел. Он подумал о Николь, о ее теплом мягком теле под ночной рубашкой, о длинных ногах в чулках с подвязками...

На глазах у него выступили слезы, и одна покатилась по толстой щеке.

— Не понимаю Сибелиуса, — говорил Вилли Гарвин. — Много шума, а мелодии нет. Вот старина Моцарт — совсем другой коленкор. Он-то умел писать музыку с мелодией.

— Я не утверждаю обратного, — отозвалась Модести, стараясь говорить тише. — Если выбирать кого-то одного, я предпочла бы Моцарта. Просто я хотела сказать, что если ты постарайся вслушаться в Сибелиуса, то твои усилия не пропадут даром...

Было около двух часов ночи. Вокруг пустого старого рынка дремали темные дома. Над головами Модести и Вилли луна вдруг скрылась за большим облаком. Они приехали пятнадцать минут назад на мотороллере Николь, который оставили в пяти минутах ходьбы от рынка, чтобы не привлекать лишнего внимания.

На Модести были серый свитер, черная юбка, черные колготки и туфли без каблучков. Через плечо — перекинута сумка на ремне с очень большой застежкой, над которой много потрудился Вилли Гарвин. Если потянуть за деревянную пластинку, она легко отходила, и в руке у Модести оказывалось конго.

Вилли курил сигарету, прикрывая горевший кончик ладонью. Он был одет в темные брюки и черную куртку с полузастегнутой молнией.

Модести с Вилли молча сидели на невысокой ограде неподалеку от музея.

— Ладно, — нехотя сказал Вилли. — Предоставим Сибелиусу последний шанс. Но вряд ли он им сумеет воспользоваться, Принцесса. Боюсь, ему не придется хвастаться, что я один из его горячих поклонников. Я устаю от типов, которые требуют, чтобы я очень уж напрягался, когда их слушаю.

— Крепись, Вилли-солнышко. Я тебя прекрасно понимаю, но ты всегда имеешь возможность вернуться к старине Моцарту и к его прочим более мелодичным коллегам. — Модести вытянула ноги. Ей было приятно сидеть в темноте и ждать чего-то очень важного в обществе Вилли Гарвина. Такое уже случалось не раз в прежние времена, и воспоминания о былом повышали настроение.

Модести понимала, что многие ни за что не поверили бы, скажи им, что у нее с Вилли есть немало тем для разговоров, кроме профессиональных проблем. Но Вилли знал и успел повидать столько всяких разностей, что в смысле умения вести беседу мог заткнуть за пояс большинство средних представителей современного общества. Модести постоянно открывала в нем что-то новое и надеялась, что и он не скучает в ее компании. Кроме того, у него имелись свои взгляды. Порой они удивляли, но тем не менее они были его собственными, и нередко к ним стоило прислушаться.

— Как тебе Поль Хаган? — спросила его Модести.

— Неглуп. Извилины имеются. В деле неплох. Если надо, будет действовать лихо. Это я в нем сегодня заметил, — сказал Вилли и затушил сигарету о камень ограды. — Только вот с нервишками не все в порядке. Очень уж горяч.

— Просто он сегодня был собой страшно недоволен.

— Похоже, что так. Но в деле от него может быть толк. Хорошо движется, только вот как насчет реакции? Как мускульный тонус? Быстро раздевается? — В вопросе не было никаких лишних намеков. Вилли принимал ее любовные увлечения спокойно — как и она его.

— Он в хорошей форме, Вилли. Я, правда, не видела его в настоящем деле, но думаю, на него в принципе можно положиться. Только вот захочет ли он меня слушаться?

— Куда же он денется? — сказал Вилли. — Если хочет играть, пусть слушается старших. И вообще, ты в двенадцать лет, Принцесса, знала про то, как выживать, больше, чем Хаган выучит к пятидесяти.

— Верно, но я все-таки женщина...

— Ему придется позабыть об этом. Причем всерьез.

— Но ты же не забываешь этого, Вилли. И все время надо мной кудахчешь.

— Только пока не становится горячо, Принцесса, — совершенно без тени юмора заметил Вилли. — Иначе мы бы с тобой уже давно

лежали в деревянных костюмчиках. Если ты идешь на дело и знаешь, что тебе придется работать еще и за партнера, то ты обречен. Ты сама мне говорила это.

— Ты знал это без меня, Вилли. Еще в Дьен-Бьен-Фу, а также в десятках мест западнее. Может, ты не отдавал себе в этом отчета, но все равно знал.

Вилли хмыкнул.

— Никакого отчета я не давал. Просто вел себя, словно собака Павлова. Условные рефлексы... Но Поль Хаган должен выбирать, Принцесса. Или он играет по твоим правилам, или... — Он внезапно осекся.

В темноте, ярдах в ста от места, где сидели Модести и Вилли, послышался слабый цокот каблучков по камням. Модести легко коснулась плеча Вилли, и они встали. Вилли взял газету, на которой сидела Модести, и они начали вглядываться в темноту. На улице, что вела к площади, было темным-темно, да и в окнах домов, выходявших на площадь, тоже не горело ни одного огонька. Стояла кромешная тьма, если не считать света одинокого фонаря.

Шаги стихли, потом послышались опять. Кто-то явно бежал в направлении Модести и Вилли. Они двинулись навстречу шагам. Но вскоре шаги опять стихли и снова наступила мертвая тишина.

Вилли почесал за ухом и пробормотал:

— Дело нечисто. Не иначе, как она увидела за собой хвост. Пытается перехитрить...

— По-моему, она вон за тем фонарем, — шепнула Модести. — Ты давай к ней, а я пойду... — Модести замолчала, стиснув запястье Вилли.

В свете фонаря показалась женская фигурка. Это действительно была Николь. Она бежала, теперь уже совершенно бесшумно.

— Сняла туфли, чтобы не было слышно шагов, но бежит дурочка там, где светло, — мрачно заметил Вилли.

— Быстро к ней! — скомандовала Модести. Они побежали, их туфли на резиновом ходу не поднимали шума. Тотчас же они увидели еще две фигуры, причем мужские. Крупный здоровяк бросился за Николь, которая резко свернула к широкому ступенчатому мосту над узким проходом. До мостика было шагов пятьдесят, когда Вилли и

Модести увидели второго мужчину, метнувшегося по ступенькам за беглянкой. Здоровяк же заметил их и застыл на месте.

— Давай за ним, — сказала Модести, показывая на здоровяка. Вилли рванулся в погоню. Здоровяк после секундного колебания пустился наутек. Модести обогнула каменный столб у мостика и стала быстро подниматься по ступенькам. В руке она сжимала конго.

Наверху, на каменных плитах, распростерлась женская фигурка. Это была Николь. Она лежала на боку, неловко раскинув ноги. Рядом валялись сумочка и туфли. Она скрючилась, держась руками за живот. Из рта вырывалось судорожное шумное дыхание.

Модести быстро оглянулась. Вокруг все было тихо. Она подошла к Николь, бросила свою сумочку, опустилась на колени. Девушка в ужасе дернулась, затем, когда Модести коснулась ее плеча, поняла, кто это.

— Модести... — с трудом прошептала она, и Модести увидела, как из живота на руки девушки бьет, пульсируя, кровь. На какое-то мгновение ее захлестнула волна сочувствия и ярости, но она тут же воздвигла железный барьер между эмоциями и фактом.

— Дай-ка взглянуть, — сказала она, отнимая руки Николь от живота, пытаясь понять, что же случилось.

— Не надо... пожалуйста...

Ее глаза снова в ужасе расширились, и, глядя за спину Модести, она раскрыла побелевший рот, чтобы предупредить об опасности. Модести бросилась в сторону, перевернулась на спину, подогнув ноги. Коротыш был тут как тут. Сверкнул нож, которым он собирался ударить ее в спину.

Длинные ноги Модести взметнулись вверх. Она скрестила лодыжки так, что ступни образовали букву V. Юбка упала, оголяя ляжки. Рука с ножом попала в вовремя подставленный блок. Пальцы ног Модести захватили запястье, и затем она одним ловким движением привстала, опираясь на голову, и изо всех сил повернула свое туловище.

Человек вскрикнул от боли в столь внезапно и необычным способом вывихнутой руке. Он грохнулся навзничь на камни, и нож зазвенел, отлетев в сторону.

Модести встала на колени, схватила запястье бандита двумя руками. Поднялась на ноги. Теперь в ее руке появилось конго, которое

давило на нерв на руке противника. Маленькое оружие выполняло еще одну полезную функцию. В умелых руках оно могло причинять такую боль, которая подавляла возможность сопротивляться у самого сильного мужчины.

Модести стояла на коленях, одной ногой надавливая на шею коротыша, другой прижимая конго к его покалеченной руке.

— Кто послал тебя? — зловещим шепотом спросила она. Человек извивался в конвульсиях, но молчал.

— Ну, кто? — Она усилила натиск, и он застонал, продолжая извиваться.

— Пако, Пако! — наконец вырвались откуда-то из глубины клокочущие звуки.

— Пако скоро последует за тобой, — сказала Модести, — так что не скучай.

Упершись ногой в живот убийцы, не отпуская его одеревеневшей руки, она вдруг резким, но в то же время грациозным движением упала на спину. Он же приподнятый вверх ее стройной ножкой, описал в воздухе дугу и исчез за каменной оградой моста. Он успел лишь вскрикнуть, перед тем как рухнул вниз, врезавшись головой в бульжники.

Совершив полный кульбит, Модести встала на ноги, затем снова склонилась над Николь. Та лежала с закрытыми глазами.

Даже в темноте ее лицо поражало мертвенной бледностью. Кровь перестала хлестать, но девушка еле дышала.

— Пако, — чуть слышно прошептала она. — Он ничего мне так и не сказал. Я пыталась, но...

— Помолчи, дорогая...

Жизнь быстро покидала тело Николь. Понимая, как ей сейчас страшно и одиноко, Модести прилегла рядом и, стараясь не беспокоить девушку, подложила под ее голову руку. Николь опустила голову на плечо Модести, немножко расслабилась. Она вздохнула с каким-то облегчением. Модести поняла, что боль уже оставила ее.

Прошло несколько секунд, и вдруг Николь заговорила ясно и спокойно:

— Пожалуйста, передай Вилли, что я очень сожалею... — Тут вдруг она осеклась, не договорив. Модести почувствовала, как по телу девушки пробежала судорога, и она обмякла.

Модести осторожно положила голову Николь на каменную плиту и встала. Ее юбка была в крови. Она подошла к ограде моста и глянула вниз. Коротыш лежал неподвижно. Казалось, у него нет головы. Модести знала: все дело в том, что его шея оказалась повернута очень неестественно, и голову закрывало плечо.

Модести подняла сумку, положила на место конго. Оставив нож убийцы валяться там, где он упал, она спустилась по ступенькам и пошла по темной улице. Каждые несколько секунд она останавливалась и тихо свистела. Пройдя пятьдесят шагов, она увидела небольшой переулок, который вел к площади, где днем устраивалась стирка белья и стояли каменные корыта. Тут наконец она услышала ответный свист и двинулась на него.

Впереди фонарь на стене отбрасывал гигантские тени двух мужчин на стене за каменными корытами. Тени двигались, сближались и расходились, словно в причудливом танце под аккомпанемент звякающего металла.

Вилли Гарвин двигался с поразительной легкостью, отбивая своим ножом выпады противника, что, как известно, является верхом искусства подобных единоборств. Его противник тоже действовал ножом, причем раза в два большим, нежели у Вилли. Он направил его чуть вверх для решающего выпада, прижав сверху лезвие большим пальцем. Но здоровяк совсем запыхался, и на лице его было написано отчаяние. Медленно шагнув вперед, он сделал ложный замах и затем совершил выпад.

Словно играючи Вилли отбил и этот удар, и Модести решила, что сейчас он вонзит свой нож в горло противнику. Но вместо этого небольшое лезвие в самый последний момент вильнуло и укололо здоровяка в ухо. Человек отпрянул, на лице его по-прежнему была гримаса страха. Он забился в угол. Вилли сделал два шага назад и застыл в ожидании.

Подошла Модести. Тихим, но строгим голосом она спросила:

— Что ты с ним канителишься, Вилли?

— Думал, ты захочешь потолковать с ним, Принцесса, — отвечал тот, не поворачивая головы. — Николь в порядке?

— Нет. — Она приблизилась вплотную к Вилли, не спуская глаз с его противника. — Николь умерла. Пако послал этих двоих убить ее.

— Так, — ровно произнес Вилли.

— Одного я уже успокоила, — сказала Модести. — Ас этим мне толковать не о чем.

Вилли мрачно кивнул, поднял руку с ножом на уровень груди, по-прежнему направляя острие на противника. Здоровяк чуть присел. Прищурившись, он следил за движениями Вилли, готовясь отразить его выпад. Собрав все свои силы, он сражался за жизнь, которая, как он прекрасно понимал, висела на волоске.

Но Вилли Гарвин не сдвинулся с места. Молниеносным движением он перехватил нож за кончик лезвия и метнул. Нож вонзился в грудь здоровяка — только рукоятка закачалась. Тот тупо посмотрел на грудь, и его рука с ножом безжизненно упала вниз. Он оперся на стену, потом медленно осел и упал на бок.

Вилли резко выдернул из трупа нож и вытер его о пиджак убитого. Затем выпрямился и подошел к Модести. Она тем временем сняла юбку и, оставшись в одних колготках, отмывала ее в корыте, где оказалась вода. Колготки были порваны над коленом.

— Значит, это Пако? — спросил Вилли.

— Да. — Она вытащила юбку и протянула ему один конец, чтобы выжать досуха. — Возможно, Николь перестаралась. Пако смекнул, что она хочет у него что-то выудить, и велел ее убить, чтобы отпугнуть тех, кто ее послал.

— Значит, он не знал, что послали ее мы, — заметил Вилли. Пальцы Вилли вцепились в ткань юбки, и он свирепо крутанул ее. — Бедняжка, — мягко добавил он. — Она была уверена, что у нее все пройдет без сучка без задоринки. Она хотела его перехитрить.

— Но не перехитрила, — машинально отозвалась Модести, думая о чем-то своем.

Глава 10

В половине третьего ночи Модести и Вилли поднялись по служебной лестнице отеля «Грей д'Альбион». Там было темно, тихо и пустынно.

— Что будем делать с Пако? — нарушил затянувшееся молчание Вилли.

— Хочешь устроить ему проводы, — отозвалась Модести. Это не было вопросом.

— Да, если это не повредит делу. Понимаешь, если бы он натравил своих псов на нас с тобой, это понятно. Но эта бедная малышка...

— Проводы ничему не повредят, — задумчиво протянула Модести. — И это может прояснить все до конца. Мы знаем, во-первых, что Пако играет против нас. Во-вторых, он вряд ли убил бы Николь по собственной прихоти. Значит, он сделал это по приказу. Похоже, по приказу Габриэля. Если удастся списать Пако в утиль, на какое-то время его организация на побережье окажется недееспособной. Мы сумеем отыскать кого-то, кто что-то знает, — и, глядишь, уговорим его поделиться с нами своими знаниями.

Когда они шли по широкому коридору, Модести искоса посмотрела на Вилли и сказала:

— Если действовать, то быстро. И мы не сможем, понятно, взять штурмом «Красную перчатку». Тут нужно разыграть хороший спектакль.

— Есть у меня один замысел, — отозвался Вилли. — Правда, тебя среди действующих лиц нет, зато одним из главных героев будет Поль Хаган. Но если ставить спектакль, то прямо сейчас. Ты согласна?

— О'кей. — Она положила руку ему на запястье. — Николь была твоей подругой. По крайней мере, одной из твоих подруг. Прими мои соболезнования, Вилли.

— У меня такое ощущение, словно я сам ее убил, — грустно отозвался Вилли. — Я же знал, что она не сможет одурачить Пако. — Он пожал плечами. — Впрочем, видать, от судьбы не убежишь.

Абу-Тахир и Таррант сидели на подушках и играли в триктрак, а с десяток арабов наблюдали за игрой. Хаган сидел в кресле, закинув

ногу на ручку, и что-то рисовал в альбоме. Когда Вилли и Модести появились в большой комнате, все встали.

— Что вы, что вы! — махнула рукой Модести, приглашая их снова занять свои места. Опустившись на подушку между Абу-Тахиром и Таррантом, она открыла сумочку и вытащила сигареты. Хаган приподнялся в кресле, следя за ее движениями. Вилли, сунув руки в карманы, расхаживал по комнате.

Таррант положил коробочку, из которой бросал кости, и достал зажигалку.

— Ну, что же рассказала вам подруга Вилли? — осведомился он.

— Ничего, — ответила Модести, закуривая.

— У тебя мокрая юбка и поцарапана нога, Модести. Нехорошо! Были неприятности? — спросил шейх.

— Да, Абу-Тахир. Девушка погибла. Пако выслал за ней двух убийц. Они сделали свое дело, но и сами отправились на тот свет.

Воцарилось молчание.

— Выходит, мы затронули тот самый нерв, — угрюмо сказал Таррант. — Если сомнения и были, то теперь они развеялись. В чем же заключается роль Пако, Модести?

— Думаю, что операция была задумана в этих краях. Возможно, на вилле Габриэля. А Пако должен был обеспечивать безопасность. Габриэль — большой человек и тратит большие деньги, чтобы его охраняли большие специалисты.

— Что теперь? — спросил Хаган, вскакивая с кресла.

— Вилли хочет, чтобы ты отправился с ним в «Красную перчатку». Надо убить Пако, — ровным тоном произнесла Модести. Хаган долго смотрел на нее, потом повернулся к Тарранту:

— Я могу отправиться с Вилли в «Красную перчатку» и убить Пако? — учтиво спросил он англичанина.

Таррант задумчиво провел пальцами по подбородку.

— Мне лучше пребывать в неведении насчет таких игр, — наконец сказал он. — Пако, нет слов, из тех, кого, как говорится, только могила исправит, но не будет ли это ненужным отклонением? Не пустая ли это трата сил?

— Нет. Если мы хотим чего-то добиться, то надо убрать Пако, пока Пако не убрал нас. Ну, а в сумятице, которая начнется после его смерти, мы сможем набрать лишние очки.

— Сэр Таррант, да будет так! — провозгласил Абу-Тахир. Таррант снова взял коробочку с костями.

— Я ничего об этом не знаю. Но если вы хотите немного отдохнуть, Хаган, то в ближайшие часы у меня нет для вас никаких поручений.

— Пако сейчас не спит, — сказала Модести. — Он ночная птица. И при нем люди.

— У меня тоже есть люди, — гордо сообщил Абу-Тахир. — Двадцать молодцов. И сам я стою десятка.

— Извините, ваше высочество, — улыбнулась Модести и взяла его за руку, — но, по-моему, здесь вам лучше не воевать. — А потом, обратившись к Хагану, спросила: — Ты нашел виллу, Поль?

— Да, к востоку от Био, — отвечал он. — С одной стороны она находится, так сказать, на отшибе, с другой — с нее всегда легко добраться, куда нам нужно. Въезжаем завтра утром — виноват, сегодня утром. Я забрал твои чемоданы и привез сюда.

— Мне надо взять кое-что оттуда, — сказал Вилли. — Проводи-ка меня, приятель.

Они вышли и, перейдя коридор, оказались в пустом номере.

— Ты можешь оказать мне услугу, Вилли? — спросил Хаган.

— Запросто, — ответил тот, открывая чемодан.

— Не зови меня приятелем.

— Ладно. Что вы берете с собой и где держите, мистер Хаган? Хаган сделал легкое движение, и в руке у него сверкнул револьвер. Он распахнул куртку. Под ней обнаружилась кобура «буххаймер». Револьвер оказался кольтом тридцать восьмого калибра, «кобра». Хаган положил его назад, в кобру. Вилли одобритительно кивнул.

— Неплохо. — Он порылся в чемодане, извлек оттуда что-то и сунул в карман, потом снова порылся и вытащил «смит-вессон», модель 39. Сморщился, буркнул: — Никогда не мог заставить себя полюбить эти штучки, — и швырнул оружие Хагану. — Возьмите, пожалуйста, мистер Хаган.

— Это еще зачем? — буркнул тот.

— Будьте так любезны, положите в правый карман пиджака, мистер Хаган. Ну, а сценарий мы обсудим по дороге к Пако. В большой гостиной между тем Таррант говорил:

— Я из тех ретроградов, кто поддерживает идею пользы возмездия. Я также согласен, что устранение Пако может дать нам некоторые преимущества. — Он замолчал, обдумывая свои слова.

В глазах Модести появилось отстраненное выражение. Он понял, что сейчас она переживает все то, что запретила себе переживать, когда склонилась над умирающей девушкой. Он также понял, что надо попытаться немного отвлечь ее от мрачных мыслей.

— И все-таки меня гложут сомнения, — заговорил он. — Вы отправили Хагана с этим вашим барменом на весьма рискованное предприятие.

Глаза Модести снова ожили. С холодной яростью она сказала:

— Чем предаваться сомнениям, вы лучше позвонили бы вашему другу, инспектору Дюрану. В Антибе сейчас валяются под открытым небом три трупа, вскоре в «Красной перчатке» к ним прибавятся новые покойники.

— Верно, — сказал Таррант. — Но я хотел бы получить все данные, а уж потом звонить. Предпочитаю быть точным.

— Как, по-вашему, Дюран воспримет это?

— Думаю, с облегчением. В последние годы в смысле криминальной активности эти места стали напоминать Чикаго двадцатых годов.

— Знаю.

— Так вот, полиция сейчас просто в отчаянии. Если все обернется, как мы предполагаем, Дюран будет просто счастлив. — Таррант подобрал небольшой черный предмет, который выпал из сумочки Модести. — А это еще что за прелесть?

— Конго. Или, иначе, явара. — В ее голосе послышались более живые нотки, и Таррант понял, что до нее дошла цель его словесной провокации. — Старинное восточное оружие. Удивительно просто устроено. Можно наносить удары вверх, вниз, под любым углом.

Таррант зажал конго в кулаке и сказал:

— Легкая штучка.

— Она должна поражать нервные центры. Тогда убивает не хуже пули.

— Ясно. И от кого же вы, милочка, переняли это древнее восточное искусство? — спросил Таррант, поднимая брови.

— Как от кого? — удивилась Модести. — От этого самого бармена, конечно.

Хаган прошел по широкому, устланному ковром коридору и оказался в квадратном холле, где сидел человек и читал газету. Вилли, шедший сбоку и чуть сзади Хагана, сказал:

— Привет, Морис.

Человек оторвался от газеты, посмотрел на Гарвина и, нехотя встав на ноги, процедил:

— Это ты! — без какого-либо удовольствия.

— Это я. А это вот Хаган, — пояснил Вилли, показывая на спутника. По-французски он говорил бегло и с куда меньшим акцентом, чем по-английски. Он чуть повернул Хагана так, чтобы человек с газетой мог видеть нож, который Вилли приставил к спине Поля.

— Этот парень задавал мне много разных вопросов насчет Пако, поэтому ради нашей старой дружбы я решил привезти его сюда. В конце концов, Пако и сам может ответить на его вопросы, если захочет. Верно?

Морис облизнул губы и натянуто улыбнулся.

— Верно, — сказал он и, дойдя до двери кабинета Пако, вошел туда, затворив за собой дверь. Секунд через десять он вышел и поманил Вилли рукой.

— Давай!

Хаган шел, лопатками ощущая холодок лезвия. За резным столом он увидел грузного мужчину с одутловатым лицом. На нем был легкий серый костюм. На правом рукаве виднелась черная траурная повязка. В комнате находились еще четверо. Хаган сразу понял, что это бандиты-телохранители. Они выглядели одинаково по всему свету. В комнате повисло напряжение. Казалось, его можно взять и потрогать руками.

— Пако, старина, — сказал Вилли, когда Морис вышел и закрыл за собой дверь. — Дарю тебе мсье Хагана, который проявляет к твоей персоне огромный интерес.

— Рад видеть тебя, — сказал Пако. Он продолжал сидеть, и в глазах его была настороженность.

— У него есть пушка, — сообщил Вилли, и один из подручных Пако шагнул вперед. — В правом кармане, — пояснил Вилли, и тот

извлек оттуда револьвер.

— Хорошо. Вот я и привел вас к человеку, который так вас интересует, мсье Хаган, — саркастически сказал Вилли и толкнул Поля к стулу напротив письменного стола. Поля чуть было не упал, но кое-как сохранил равновесие и сел на стул, сердито озираясь. Нож Вилли исчез.

— Так тебя интересует моя персона? — спросил Пако.

— Почему бы и нет? — воинственно отозвался Хаган. — Ты же проявил ко мне внимание. Тип, который меня навестил, не делал из этого секрета.

— Диди? — спросил Пако и выпрямился. — Вот, значит, почему он не объявился. Хотелось бы знать: что с ним стряслось, мсье Хаган? А также с человеком по имени Шадье.

— Пока ты еще не занялся им, Пако, — перебил Вилли, подойдя к столу, — я хотел попросить тебя об одной услуге. — Он присел на краешек стола и улыбнулся. — Ты, наверно, захочешь поподробнее потолковать с этим господином, и я тебе не буду мешать... Я ведь тут на отдыхе.

Пако потер гладко выбритую щеку.

— Вот как? Разве ты здесь не по делу?

— Какие еще дела! Просто дома у нас скверная погода, вот я и решил устроить себе небольшой отпуск. Я, собственно, так или иначе собирался к тебе — хотел спросить, как поживает Николь. Где она?

— Николь? — переспросил Пако, и вдруг лицо его словно съежилось, а по щеке покатились слезы. Он вытащил пахнущий лавандой платок и промокнул глаза. — Вилли, у меня плохие новости. Я знаю, тебе очень нравилась Николь, и я даже немножко ревновал. — Пако жалко улыбнулся. — Но теперь все кончено... — Он еле выдавил из себя последние слова.

— Все кончено? — удивленно переспросил Вилли и оглянулся. Двое бандитов стояли за спиной Хагана, двое у стены, за Пако. — Что с ней случилось? — спросил он, переводя недоуменный взгляд обратно на Пако.

— Она... она умерла, Вилли. — Щеки его задрожали, и он указал на свою черную повязку. — Бедняжка Николь. Милая малышка. Теперь уже без нее моя жизнь будет совсем не та...

— Умерла? — Вилли привстал. — Но как? Когда это случилось?

— Сегодня вечером. Пако показал рукой на телефон. — Я сам толком не знаю, как она умерла. Я жду звонка... — Он замолчал, шумно сопя.

Вилли медленно покачал головой, теребя пальцами галстук из красной замши, который посередине украшала заколка — большой фальшивый бриллиант в оправе.

— Ты знаешь, — заговорил Вилли, — я надел этот галстук специально для нее. Она подарила мне его, когда я как-то приехал сюда на недельку из Танжера.

Пако смотрел на Вилли, моргая влажными глазами. Галстук ему явно понравился.

— Этот галстук подарила тебе Николь? Вилли молча кивнул. Он приподнял воротник рубашки, отцепил галстук, снял его и, печально посмотрев, сказал:

— Я больше никогда не смогу надеть его. Николь была милая девочка и очень мне нравилась. Нет никаких сил видеть эту вещь и вспоминать ее... — Вилли вздохнул и заставил себя улыбнуться. — Ну, у тебя своя печаль, Пако, и свои дела. — Посмотрев на Хагана, он добавил: — Не буду мешать. Наверно, тебе есть о чем с ним потолковать. Может, это как-то отвлечет тебя от грустных мыслей.

— Нет, Вилли, я не так устроен. Я постоянно буду думать о ней. А если ты не собираешься носить этот галстук, то, может, подаришь мне? Это будет прекрасное напоминание о моей маленькой голубке...

Вилли задумался. Потом сказал:

— Вообще-то мне надо бы сохранить его. — Потом, еще подумав, он кивнул. — Ну, разве что для тебя, Пако. Прощальный сувенир. Попробуй, примерь его, и если окажется туговат, можно передвинуть заколку.

Пако сглотнул и кивнул в знак благодарности. Он взял красный галстук и пошел с ним туда, где комната поворачивала направо. Там на стене висело зеркало в золоченой раме. Вилли приблизился к Пако, который примерял новый галстук. Уставившись на свое отражение, он довольно кивнул.

— Я всегда буду надевать его в день ее рождения, — срывающимся голосом заявил он.

— Ой, я совсем забыл, — сказал Вилли. — Ты можешь отвинтить камень. Николь выгравировала свое имя на оправе, под ним.

— Серьезно? — Заинтригованный этим сообщением, Пако приподнял галстук и стал отвинчивать алмаз. Вилли без спешки отступил к столу Пако. Он стоял спиной к молодцам Пако у стены напротив Хагана, но не смотрел на него.

— Я по верхней дороге, ты по нижней, — сказал он вдруг Хагану по-английски.

— Что ты сказал, Вилли? — Пако вдруг оторвал взгляд от камня и покосился на него с подозрением.

— Я говорю, что ты зря велел ее убить, поганая сволочь, — холодно отозвался Вилли и усмехнулся.

Взрыв получился не очень громким. Он скорее напоминал хлопок. Одновременно раздался звон стекла — зеркало разлетелось на мелкие осколки. Хаган, не оборачиваясь, мысленно представил, как двуногое существо с изувеченной головой на мгновение застыло, а затем осело на пол. Затем он своими глазами увидел ужас на физиономиях бандитов, стоявших напротив него, за Вилли, и решил, что то же самое выражение появилось на рожах тех, кто топтался за его стулом. Все эти мысли пронеслись в голове Хагана молниеносно, отдав соответствующий приказ мускулам. Но Вилли уже начал действовать. Он нырнул вперед, уперевшись руками в крышку стола. Хаган увернулся вовремя. Вилли сделал стойку на руках, словно гимнаст на коне, повернулся и ударил ногами по головам тех, кто стоял за Хаганом.

Хаган, едва заслышав звуки ударов, двинулся по «нижней дороге». Он нырнул под стол, затем выпрямился, подняв его на плечах и ринулся вперед, врезавшись с этим снарядом в двух других бандитов у стены. Когда Хаган отпустил стол, он упал на пол, а с ним рухнули и бандиты. Из носа одного полилась кровь. Другой хоть и был оглушен, пытался вытащить из кобуры свою пушку. Но Хаган стремительно достал кольт и сначала ударил оглушенного типа рукояткой по голове, потом врезал и тому, у кого был разбит нос. Затем стремительно оглянулся.

То, что раньше именовалось Пако, валялось у загиба буквы Г. Две жертвы Вилли лежали по полу, а сам Вилли пробирался с ножом в руках к двери.

Дверь распахнулась. На пороге появился Морис с пистолетом. Он был бледен как смерть. Вилли резко извернулся и упал на пол, на

мгновение задержав руку с ножом, который собирался метнуть. Но в этом уже не было никакой необходимости. Во лбу Мориса появилась аккуратная дырочка, а на затылке зазияло отверстие побольше и менее правильной формы.

— Хорошо стреляете, мистер Хаган, — одобрительно крикнул Вилли. — Никак не хуже Модести.

Хаган коротко кивнул, сам не понимая, почему такое сравнение не вызвало у него обиды.

— Спасибо за комплимент, мистер Гарвин, — отозвался он.

— Всегда к вашим услугам, — ухмыльнулся Вилли и уже без тени улыбки, показав на изувеченный стол, сказал: — Погляди, может, что-то надо захватить, а я гляну туда. — Он осторожно приоткрыл дверь в другую комнату. Там стоял передатчик, но людей не было. Вилли запомнил установленную частоту, потом начал обыск.

Шестьдесят секунд спустя он появился с тонкой стопкой бумаг.

— Ну, как улов? — спросил он Хагана.

— Какая-то книжка с шифрами, — сказал Хаган, поднимая ее вверх. Потом он сунул ее в карман и, показав на окно, спросил: — Нам не пора?

Пять минут спустя они уже неспешно ехали в «рено» через Гольф-Жуан в сторону Канн.

Хаган расслабился и вынул пачку сигарет. Он чувствовал себя отлично. Напряжение последнего получаса и затем последовавшие события — стремительные и связанные с риском для жизни — произвели на него очистительное воздействие, уничтожив все то тлевшее недовольство собой, которое не давало ему покоя после унижительного фиаско в квартире утром. Он зажег две сигареты, передал одну Вилли и попросил:

— Не можешь оказать мне услугу, Вилли?

— Ну?

— Зови меня приятелем.

— О'кей, — весело отозвался Вилли. — Как поживает твой старый котелок?

Хаган коснулся шишки, которой наградил его пистолет Диди, и с улыбкой сказал:

— Он в отличном состоянии по сравнению с башкой Пако.

Затем он откинулся на сиденье и, затянувшись сигаретой, стал думать о Вилли Гарвине. Да, он показал себя молодцом. Он, Поль, никогда не видел, чтобы человек двигался так стремительно и совершенно без суеты. Кроме того, Вилли оказался хорош не только в качестве грубой силы. То, как он разыграл весь спектакль, как использовал слезливую сентиментальность Пако и всучил ему галстук, вызывало в Поле искреннее восхищение. Они свернули налево и выехали на шоссе

— Скажи-ка мне, Вилли, — подал голос Хаган. — В каких вы с Модести отношениях? Что-то я тут ничего не могу разобрать.

— А что тут разбирать? Я работаю на нее. Она сбивает их с ног, я вскакиваю на них...

— Это я знаю.

— Вот и все.

— Ты ведь работал бок о бок с ней довольно долго.

— Она давно этим занимается.

Хаган затянулся сигаретой и нахмурился.

— Слушай, но вы же должны что-то испытывать по отношению друг к другу, так?

Вилли почесал в затылке и растерянно сказал:

— Верно, конечно. Только как еще можно относиться к такой, как Модести? К той, что вытащила тебя из канавы и переделала так, что теперь ты ходишь, как король.

— Думаю, что можно быть без ума даже от такой, кто лишь наполовину Модести.

— Точно. Только я все равно отношусь к ней не так, как ты, приятель. Тут все по-другому. Иначе получается черт-те что!

— Вот это-то я как раз и не могу взять в толк. Почему не как я?

Вилли заерзал на сиденье, смущенно теребя пальцем сигарету. Вдруг Хаган понял, что его спутнику просто не по себе. Так делается не по себе глубоко верующему человеку, когда кто-то рядом невольно допускает святотатство.

— Извини, — сказал Хаган, потом, помолчав, добавил: — Ты вознес ее на высокий пьедестал, дружище Вилли.

— Она так и не упала с него. А мы знакомы уже давно. — Вилли несколько расслабился. — Ей было всего двадцать, когда она отыскала меня, но она уже делала большие дела. Я тогда сидел в сайгонской

тюряге, но она меня как-то сумела выкупить. Она прибыла из Северной Африки и перед тем, как меня посадили, видела, как я отличился в тайской борьбе. Тогда-то она и взяла меня на заметку.

— Тайская борьба? — повторил Хаган, выбросив сигарету в окно. — Это локти, колени, ноги, голова, все, что угодно, да?

— Да. Сочетание разных школ. Тайские ребята принимали спецов по карате из Японии и слопали их с потрохами, скорость тут решает все. Не то чтобы я был фанатиком какой-то одной системы... — Он замолчал, как человек, знающий за собой способность распространяться о предметах, которые могут быть не совсем интересны окружающим. — Короче, Модести вытащила меня из тюрьги и отвезла в отель. Я был оборванцем, а она принцессой.

Вилли сбросил скорость у перекрестка, где мигал желтый светофор.

— Вилли Гарвин, — сказала мне она. — Говорят, ты опасная крыса. Крысы мне ни к чему, но у меня есть ощущение, что где-то в глубине тебя сидит настоящий мужчина и хочет выбраться наружу. Попробуй-ка поработать на меня — дай ему шанс. — Вилли с восхищением помотал головой. — Здорово, да?

— Значит, ты не упустил шанс, Вилли? Ты заслужил удачу. Заработал.

— Сам я бы не заработал ее за всю свою жизнь.

— И все-таки как-то не верится, что это все Модести, а ты тут ни при чем.

— Нет, конечно. Я повидал виды, кое-чему научил ее. Но она прожила такие двадцать лет, в которые могла двадцать раз погибнуть. А она выжила. Причем без Вилли Гарвина. — Он пожал плечами. — В общем, пока я ее не встретил, я не жил. Вот как она меня перетряхнула.

— Она потрясающая женщина, — кивнул Хаган и вдруг испытал прилив неодолимого влечения к этой потрясающей женщине. — Остается только думать и гадать, как она сумела остаться такой потрясающей...

— Таких, как она, больше нет на земле, — просто сказал Вилли. — Так что тут нечему удивляться.

В машине воцарилось молчание, которое Хаган нарушил, лишь когда они оказались на территории отеля «Грей д'Альбион».

— Мне страшно, — сказал он. — Безумие какое-то. Она добилась всего, чего хотела. Зажила мирной жизнью. И вдруг возвращается назад, соглашается на эту чертову работу. Разве это жизнь?

Вилли остановил машину и выключил мотор.

— Это хороший способ проверить, что ты действительно жив, — сказал он.

Глава 11

Вилла стояла над дереvушкой Био, раскинуvшейся на холмах к югу от Грасса. С двух сторон ее окаймляли высокие сосны, а с двух других — живая изгородь и каменная стена. Там было четыре спальни, две гостинные, кухня, а также маленькая комната внизу. Лучи раннего солнца скользнули по стене, над которой возвышались бугенвиллии, и проникли в запущенный сад за домом.

Модести подвела «рено» к дому и дала задний ход, чтобы поставить его рядом с «пежо». Она вылезла из машины и прошла на кухню, где Вилли Гарвин возился с газовой колонкой.

— Думал наладить ее поскорее, Принцесса, — сообщил он. — Вдруг тебе захочется принять ванну.

— Спасибо, Вилли. Послушай, кому-то из нас есть смысл ночевать внизу, в маленькой комнате. Вдруг кто-то пожалует ночью.

— Я тоже так подумал. Потому и поставил там мои вещи и снес вниз раскладушку.

Она кивнула. Ванна и меры безопасности. Ее уже не удивляло, что Вилли заранее угадывал ее желания, но все это доставляло удовольствие.

— Где Поль? — спросила она.

— Устраивается наверху. Относит вещи.

— Как он тебе понравился в деле?

— Неплохо. — Вилли зажег горелку и задул спичку. — Очень даже неплохо. Он соображает.

— Как с реакцией?

— Чуть медленнее, чем у нас. Минус двадцать процентов, но это не беда. Он не опаздывает.

— Как с нервишками?

— Полный порядок.

— Оценка обстановки?

— Высокая скорость, широкий угол.

Они говорили своей жаргонной скороговоркой о предмете, теорией и практикой которого занимались самым тщательным образом не один

год. Вилли проверил, как работает основная горелка, потом выпрямился и сказал:

— Ты бы глянула на его «буххаймер», Принцесса. Он носит в ней «кобру». Она дает преимущество в десять процентов.

— А грудь?

— Не должна помешать. Так или иначе, есть смысл попробовать.

— Ладно. Как закончишь, притащи продукты из машины. — Она прошла по коридору и стала подниматься по лестнице. Поль был в большой спальне, которая выходила в сад. Он принес туда и свои чемоданы, и сумки Модести.

— Я займу соседнюю комнату, Поль, — сказала она.

— А чем плоха эта? — удивился он.

— Ничем, но спать мы будем порознь. — Подходя к окну, она тронула Поля за локоть и улыбнулась. — Тем приятнее будет потом, — добавила она.

Поль сел на кровать, закурил сигарету.

— Я все понимаю, — сказал он. — Нам надо работать. Пока банда в панике, нужно как следует покопать, вдруг что-то да отыщем. Но поскольку нам все равно нужно хотя бы изредка спать, почему бы не делать это вместе?

— Есть тут одно маленькое различие, — отозвалась Модести. — Но оно может слишком дорого нам обойтись.

Хаган почувствовал, как у него напряглись мускулы. Ее спокойный ответ вдруг вызвал в нем волну раздражения. Он затушил сигарету, подошел к Модести и резко развернул ее за плечи лицом к себе.

— О чем ты говоришь?! — возмущенно воскликнул он. — У нас есть задание, согласен. Но это не поиск Святого Грааля. Поститься и спать на гвоздях тут вовсе не обязательно. Я могу разложить тебя на этой кровати, трахнуть и после этого буду в такой же отличной форме. Во всяком случае, не хуже, чем все остальные.

— Сомневаюсь.

— И это мне говорит дама, — усмехнулся Поль. Он вдруг поймал себя на том, что разглядывает ее линию скул и контуры губ. — Ты мне лучше скажи другое: почему ты так чертовски уверена в себе?

— Хочешь всю правду-матку?

— Валяй.

— Ладно. Ты любитель. Я профессионал. Ты сообразителен, быстр, хорошо обращаешься с оружием и неплохо действуешь без оружия. Но этого мало. Ты полагаешься только на свои таланты, а этого недостаточно. — В ее глазах не было жестокости, но и снисхождения Поль тоже не увидел.

— Продолжай, — буркнул он.

— В отличие от тебя я плохо стреляла. Но тренировалась по два часа в день в течение двух лет, чтобы овладеть искусством стрельбы. Кому-то может показаться, что я потратила слишком много времени. Ну, скажи, как часто тебе приходится применять огнестрельное оружие? Раз в год, в два, в три, в пять? Ну а я извела полторы тысячи часов, чтобы быть готовой к этому событию. Потому что я профессионал. Я проводила тысячи часов в подготовке к тем редким моментам, когда оказаться к ним готовой означает жить дальше, а не умереть. Потому что я профессионал. Я вовсе не горжусь этим — и не стыжусь. Просто это реальность.

Она замолчала и, улыбнувшись, добавила:

— Лекция окончена. Извини.

Хаган поднял руку и чуть повернул ее голову так, чтобы солнечные лучи, обильно проникавшие в комнату, лучше освещали ее. Он провел пальцем от уха до уха, следуя линии шеи и плеч.

— Этот изгиб... — пробормотал он. — Я должен передать его на картине. Непременно...

— Ты собираешься переделывать портрет?

— Надо. Когда ты сможешь посидеть спокойно?

— Посидеть, постоять, полежать — с удовольствием, но потом. Сейчас нам не до этого, Поль.

Он кивнул и убрал руку. Взяв свои два чемодана, он вышел из комнаты и направился в другую спальню.

На третий день, с наступлением темноты, Вилли Гарвин отыскал Тарранта и привез его на виллу.

Хаган проснулся лишь за полчаса до этого. Он пропадавал где-то почти до рассвета и отсыпался за ночь. Он спустился вниз чисто выбритый и розовый после ванны.

Модести была на кухне и готовила еду. Поверх узкой юбки и свитера она надела клетчатый бело-голубой фартук.

Таррант поцеловал ей руку и сказал:

— Час назад я говорил по телефону с Фрейзером. У него нет для нас никаких полезных сведений. Яхта Габриэля по-прежнему в Хайфе, а сам Габриэль неизвестно где. У вас есть какие-нибудь собственные данные?

— Нет. — Модести перевернула на гриле четыре телячьи отбивные и встряхнула картофельное пюре в кастрюле. — Честно говоря, мы проверили все контакты, которыми располагаем, от Тулона до Ментона. Без толку.

— Хорошо еще, ввели в строй новое шоссе, — сказал Хаган, открывая ящик шкафа и вынимая вилки и ножи. — Помогу Вилли накрыть на стол. Вообще-то сегодня его очередь, но я не могу сидеть сложа руки. — Он вышел в маленькую столовую.

— Значит, пока ничего? — подытожил Таррант.

— Мы еще кое-где наведем справки, — сказала Модести, — но боюсь, особой надежды на успех нет.

— Через день-другой из Кейптауна отплывает «Тибория» с драгоценностями. Так что в любой момент может завариться каша.

— Да, но это ваши проблемы. Мне ведено действовать с другого конца, со стороны Габриэля.

— Если это он.

— Это он. Вы не попросили людей Рене Вобуа проштудировать шифроблокнот и прочие бумажки Пако, которые привез Вилли?

— Просил. Без толку. Поскольку никаких донесений не сохранилось, шифр так и остался неразгаданным. Мы знаем только, что Пако поддерживал радиокontakt на определенной частоте с неизвестными лицами.

— С Габриэлем. И Пако, конечно, не единственная ниточка, которая к нему тянется. Они не пытались прослушивать эфир?

— Безрезультатно. Похоже, они сменили частоту, как только Пако не вышел на связь в условленное время.

Модести стала выкладывать отбивные на блюдо, потом украсила каждую каперсами и анчоусами. В большой сковороде жарилась яичница. Разрезав ее на четыре куска, Модести увенчала ими отбивные.

— Теперь куда вы, Модести? — спросил Таррант.

— Дам о себе знать через пару дней, когда мы проверим все оставшиеся источники, — сказала она, снимая фартук. — Все готово.

И имейте в виду, сэр Джеральд, у нас есть правило: за едой никаких разговоров о делах.

— Очень цивилизованная привычка. И кроме того, повышает эффективность действий. Кстати, как вы решили проблему безопасности?

— Вилли установил целую систему. Если кто-то попробует возникнуть, мы сразу же будем знать. Будьте добры, захватите тарелку с салатом.

Ужин получился хоть и простой, но вкусный, и разговор за столом был ему в тон: Таррант заметил, что все трое общались друг с другом вполне непринужденно, и каждый поддерживал правильную атмосферу, слушая, когда кто-то начинал говорить.

Модести держалась несколько по-новому — во всяком случае, такой Таррант ее еще не видел. Он затруднился бы однозначно описать ее состояние. Она была почти весела, почти напряжена и почти возбуждена, но ни одно из этих слов не описывало ее исчерпывающим образом. Когда Таррант похвалил приготовленную ею еду, Модести заулыбалась, кивнула в знак признательности и сказала:

— Мои способности ограничены. Вот если бы вы посетили нас, когда всем заправляет Поль!

— Но только не появляйтесь, когда на кухне главный Вилли, — предупредил Поль.

— Сосиски с пюре, — вставила Модести. — И обычно все подгоревшее.

— Неблагодарные мерзавцы, — беззлобно отозвался Вилли. — Супергурманы! — Таррант все чаще и чаще слышал от него слова, не употреблявшиеся обитателями Ист-энда. — Ну, а насчет подгоревшего еще можно поспорить. Я бы сказал, «хрустящие».

— Это вопрос семантики, — кивнул Таррант. — Но я по-прежнему утверждаю: ужин великолепен. Есть ли нечто, милая Модести, в чем вы совершенно не разбираетесь?

— Есть, и очень многое. Минутку... Я не умею шить, и у меня жуткие отношения с миром растений. Что бы я ни посадила, все гибнет на корню. Я не умею петь. Даже в ванной боюсь открыть рот... Не играю на музыкальных инструментах. Не разбираюсь в винах. Предпочитаю столовое алжирское марочному кларету. Не умею

разгадывать кроссворды. Ничего не смысло в современной скульптуре.

— Не смыслишь в чем? — удивленно воскликнул Поль. — Господи, но для этого нужно иметь хотя бы один глаз и несколько извилин.

— Ну, начинается, — вставил Вилли.

Разговор тек непринужденно, и, к удивлению Тарранта, Вилли Гарвин без труда вносил нужную ноту. Более того, его взгляды вовсе не были повторением того, что говорила Модести. Порой он даже ей сильно противоречил. Он прекрасно разбирался в технике и был в курсе последних события в мире. В искусстве его познания были ограничены, зато в своих узких пределах он отлично ориентировался.

— Он меня удивляет, — шепнул Таррант Модести, когда Вилли и Поль увлеклись спором. Модести кивнула.

— Вилли читает запоем, и у него неплохие мозги. Если бы он вовремя начал, то добился бы очень многого.

— Что же он читает?

— Биографии, книги по военной истории, технике. Научную фантастику. Короче, все, кроме художественной литературы и путевых записок. И у него потрясающая память.

— Я ему завидую, — сказал Таррант. — Когда я думаю о документах, через которые мне нужно ежедневно продирается... Жаль только, что у него такой жуткий акцент.

— Вилли мог бы от него избавиться, но не хочет. Ему кажется, что простонародный выговор вполне соответствует той нише, которую он для себя отыскал, она его вполне устраивает. Но если надо, он может говорить без акцента. — Модести чуть повысила голос: — Вилли-солнышко! Мы бы хотели услышать твое мнение об этом кларете. Как это принято в Обществе любителей вина.

Хаган оборвал фразу на полуслове и, улыбнувшись, заметил Тарранту:

— Это у него получается потрясающе.

Вилли поднял свой бокал, поднес его к носу. С видом знатока принялся. Затем сделал крошечный глоток и стал перекачивать вино во рту, потом проглотил. Таррант отметил, что мимика и жесты были абсолютно точны.

— Неплохой урожай, — сказал Вилли голосом настоящего гурмана. — Отличная насыщенность, есть звучность в формах, хотя ноги и толстоваты.

Таррант рассмеялся не без легкой грусти. Он подумал, что, возможно, и его особа становилась объектом актерского искусства Вилли.

— Вы бы попросили их изобразить американскую парочку в Венеции, — сказал Хаган. — Это что-то особенное. Обхохочетесь!

— Это вы делаете исключительно для развлечения? — спросил Таррант Модести.

— Нет, скорее, ради практики. Нам вдвоем приходилось много раз играть разные роли.

— Лично мне это очень нравится, — сказал Хаган. — Ну, давайте, порадуйте нас венецианской миниатюрой.

— В другой раз. Я перебила вас с Вилли. О чем вы спорили?

— Об оружии. По-моему, я прав.

— Пистолет грохочет, нож действует бесшумно, — сказал Вилли. — Пистолет может заклинить, а нож — нет.

— Но пистолет действует быстрее. И можно воспользоваться глушителем. — Как заметил Таррант, Хаган говорил без тени снисходительности.

— Насчет быстрее, приятель, я бы не говорил так уверенно.

— Ну, если, конечно, нож у тебя в руке, Вилли, тогда, может, ты и прав. Но многие ли действуют ножом так стремительно, как ты?

— Мы говорим не о людях. Мы говорим о видах оружия. И пытаемся понять, которое действует надежнее.

— Ты не совсем прав, Вилли, — вставила Модести. — Если уж сравнивать оружие по эффективности, надо исходить из того, как оно действует в среднем.

— Хм-м, ну, тогда о ножах вообще лучше помалкивать. Нет, тут интересно другое: какое оружие больше подходит тому или иному человеку. Принцесса. А раз так, то не о чем и спорить.

— Когда у тебя в руках пистолет, ты можешь без проблем вывести из игры с полдюжины противников, — сказал Хаган.

— То же самое можно сделать, если у тебя в руках нож. Может, правда, для этого нужно сперва уложить одного, чтобы показать остальным, что ты знаешь дело, но именно потому я беру с собой

всегда два ножа. — Он отпил кларета. — Да и вряд ли ты любишь пользоваться глушителем.

— Они занимают много места, — согласился Хаган. — Но в отдельных случаях приносят пользу.

— Я не большой до них охотник. Лучше уменьшать шум особой обработкой патронов. Конечно, понижается скорость, но если стрелять точно — дело в шляпе. И вообще, раз ты имеешь дело с огнестрельным оружием, тут нужна точность.

— Конечно, как ни стреляй, шум будет, — согласился Хаган. — Но все равно, если, скажем, выстрелить в номере отеля, то никто не обратит внимания и не помчится выяснять, что стряслось. Люди всегда думают, что это что-то вполне мирное.

— Это точно, — согласился Вилли. — Но в Штатах ребята разработали безгильзовую штучку калибра ноль двадцать два. Вылетает из обычной духовушки со скоростью семьдесят пять футов в секунду совершенно бесшумно. Все никак не соберусь взглянуть.

Он посмотрел на часы и встал из-за стола.

— Извини меня, Принцесса. Если повезет, то сегодня встречу с Варроном, а до того надо сменить свечи в «пежо». Могу, кстати, подбросить сэра Джи.

— Хорошо, Вилли. Передай сэру Джеральду эти сигары. И не поворачивайся к Варрону спиной.

— Буду осторожен.

— Нельзя ли взглянуть на ваши ножи? — попросил Таррант.

— Конечно. Они вон там. — Вилли кивнул в сторону темной куртки на спинке стула и, ставя на стол коробку сигар, сказал: — Я буду готов через двадцать минут. Принцесса.

Таррант подошел к куртке, откинул полу. К подкладке были пришиты ножны. Таррант чуть потянул за одну из двух рукояток, и нож послушно выскользнул наружу. Таррант взял его и вернулся с ним к столу.

— Иногда он носит их в ножнах прямо на себе, под рубашкой, но вообще-то предпочитает держать в куртке, — сказал Модести.

Таррант кивнул, вертя в руках нож. Отточенное, как бритва, лезвие в пять с половиной дюймов. Загиб у острия показался ему чуть асимметричным, но он понял, что это для того, чтобы добиться правильного соотношения со второй кромкой, которая была заточена

лишь на три дюйма от кончика, а затем уже до самой рукоятки оставалась незаточенной. По этой незаточенной части толщиной в шестнадцатую долю дюйма бежала узкая медная полоска.

У ножа не было перекладки, только небольшой эллипс основы рукоятки выступал по лезвию на четверть дюйма. Таррант думал, что рукоятка будет из акульей кожи, но она оказалась черной, костяной и шероховатой, чтобы не скользить во влажной руке.

Посмотрев на верх рукоятки, Таррант заметил полоску металла. Это означало, что лезвие шло до самого конца рукоятки.

— А зачем медная накладка? — спросил он.

— Все очень просто, — сказала Модести. — Если ты парируешь нож противника стальной кромкой, то сталь скользит по стали. Медь же мягче, и сталь быстрее тормозится.

— Рукоятка, по-моему, коротковата, — заметил Таррант, сосредоточенно разглядывая нож.

— В самый раз, чтобы держать нож тремя пальцами и большим. Для Вилли это достаточно. — Она подлила вина в бокал Тарранта. — Вообще-то нож предназначен для метания, и к тому же, чем он короче, тем легче его носить с собой.

— Я всегда считал, что метать ножи — занятие для циркачей, — признался Таррант. — Пока не увидел, что случилось с Диди.

— Это самый трудный раздел в учебнике, которого, впрочем, на самом деле не существует, — сказала Модести. — В обычной ситуации нож, который ты бросаешь, держа его за кончик, совершает полный оборот на дистанции в двенадцать с половиной футов. Это значит, что он летит острием вперед где-то на седьмом футе и опять же на девятнадцатом. Если цель находится ближе или дальше, то нужно на ходу вносить поправки. — Тут она улыбнулась и закончила: — Но я в этом как раз не достигла больших высот.

— Зато у Вилли тут, кажется, все в большом порядке.

— Я видел, как он вчера тренировался, — вставил Хаган. — Он работает, как машина. Может, конечно, мне удалось бы опередить его с пистолетом, но я, черт возьми, не поставил бы на это слишком много денег.

Таррант вложил нож обратно в ножны, и они с Хаганом проследовали за Модести в гостиную. На столе лежала карта Африки и Средиземноморья. Модести закурила сигарету и сказала:

— Нам не удалось ничего выяснить про Габриэля через его агентов. Поэтому давайте подумаем о самом Габриэле. Что он мог бы предпринять в сложившихся условиях.

Она провела пальцем по карте с юга на север. Таррант заметил, что сейчас на ее ногтях не было лака.

— Корабль выходит из Кейптауна, — продолжала Модести, — огибает восточное побережье Африки, проходит в Красное море, потом попадает в Суэцкий канал, потом направляется в Бейрут. Три недели. Но как поступили бы мы, если бы желали добыть алмазы из сейфа корабля?

— Насколько безумны могут быть наши предложения? — с улыбкой спросил Хаган.

— До бесконечности.

— Отлично. Во-первых, Габриэль мог бы нанять военный корабль для пиратского нападения. Или же отправиться следом за «Тиборией» и где-нибудь по пути выслать планер с отрядом вооруженных людей, которые высадятся на палубу лайнера. Я, кстати, и сам мог бы на этом кое-что заработать: я летал на планерах в Соединенных Штатах. — Таррант нахмурился, а Хаган пожал плечами. — Ограничений насчет безумности гипотез, кажется, не было, — напомнил он.

— Верно, — подтвердила Модести, отводя рукой сигарно-сигаретный дым. — Вдруг что-то прояснится.

— Если бы я планировал эту операцию, — начал Таррант, — я бы постарался внедрить моих людей в состав команды или пассажиров. — Он вздохнул. — Но на борту «Тибории», насколько мне известно, нет ни одной живой души, которая не прошла бы самую тщательную проверку, да и охрана груза соответствует всем требованиям. Поэтому мне ничего не оставалось бы сделать, как отменить свою затею и отправиться восвояси.

— Когда за дело берется Габриэль, — сказала Модести, — то всегда следует ожидать чего-то из ряда вон выходящего. В нем сочетаются богатое воображение и практичность, и это позволяет осуществлять самые смелые проекты. Предположим, корабль будет атакован извне. Забудем пока, сэр Джеральд, каким образом. Лучше подумаем, где это может случиться.

— Скорее, в Индийском океане, чем в Средиземном море, — сказал Хаган, склоняясь над картой. — Океан дает больше возможностей в

смысле безопасного отхода. Могу сказать только, что налет не произойдет вот тут. — Он показал на район Суэцкого канала и Порт-Саида. — Тут слишком уж людно.

Модести посмотрела на Тарранта.

— Если они захватят груз где-то возле Суэца, скажем в Красном море, то, конечно, есть вероятность, что они постараются уйти по суше. Я только не могу пока понять, как им удастся произвести захват. Надеюсь, вы не теряете самообладания, сэр Джеральд?

— Хотелось бы, — отозвался Таррант, и голос его сделался мрачным. — Но мне было бы легче, если бы ситуация чуть больше прояснилась.

На мгновение в гостиной установилась тишина. Модести смотрела на карту, время от времени затягиваясь сигаретой. Лицо ее словно окаменело. Она прокручивала варианты, оставаясь недовольной результатами.

— Чего, черт побери, вы от нее ждете? — подозрительно спокойным тоном осведомился Хаган.

Таррант посмотрел на пепел на кончике своей сигары, помолчал, потом с какой-то печалью произнес:

— Если бы я мог ответить на этот вопрос, Хаган, то я вообще не попросил бы ее помощи.

— Как хорошо и как приятно жить братьям вместе! — раздался от двери голос Вилли. Он взглянул на Тарранта и закончил: — Псалом сто тридцать второй, стих первый. — Он подошел к столу, застегивая куртку. — Вы готовы, сэр Джи?

Напряжение как ветром сдуло. Хаган облегченно рассмеялся. Таррант виновато поднял брови, взял Модести за руку.

— Извините, если погорячился, — сказал он. — Просто я живу под постоянным напряжением. Общество шейха Абу-Тахира — дополнительное бремя. Скажите, если ваши последние источники не сообщат никаких сведений, что вы намерены предпринять? И вообще, способны ли вы что-то предпринять?

— Вполне, — рассеянно отозвалась Модести, все еще глядя на карту. Лицо ее сделалось спокойным, почти что умиротворенным. Таррант вдруг понял, в каком напряжении находилась до этого и она. Он только не мог взять в толк, что привело к перемене настроения. Он

молчал, надеясь, что она скажет что-то еще. Но она безмолвствовала, и тогда он взял ее руку и коснулся пальцев губами.

— Увидимся через два дня, — сказал он. — Спасибо за крайне полезный и приятный вечер, моя дорогая.

— Не за что, сэр Джеральд.

Глава 12

Хаган появился на вилле в полдень. Он приехал из Сент-Максима. Вилли Гарвин возился с мотором «рено» и спросил Поля, не поднимая головы:

— Удачно съездил, приятель?

— Нет. А как поработала Модести в Ницце? Он что-то рассказал?

— Да. Сообщил, что краем уха слышал про алмазы, которые кто-то куда-то должен везти. Только он в это не поверил. И еще, по его словам, полицейские укокошили Пако, а потом представили все это как результат гангстерской войны.

— Ну, а мой человек сказал, что теперь вместо Пако будет действовать команда Кабила. Он ничего не знал насчет алмазов и Габриэля, и главное, ничего не желал знать.

Хаган вошел в дом. Модести нигде не было. Он умылся в ванной, потом постучал к Модести. Ответа не последовало. Он открыл дверь.

Модести сидела на маленьком коврикe спиной к нему, босиком, в плотных черных трусиках, похожих на плавки, и черном лифчике. Волосы были распущены и скреплены у шеи. Солнце, проникая через незашторенное окно, создавало вокруг Модести золотистый ореол.

— Модести! — Хаган поймал себя на том, что говорит шепотом. В замешательстве он подошел ближе, чтобы увидеть ее лицо. Она сидела очень прямо, поджав ноги, скрестив лодыжки, широко расставив колени, почти касаясь ими пола. Руки лежали на ляжках ладонями вверх, пальцы были чуть согнуты. Хагану показалось, что она не сидит на полу, а, наоборот, подвешена к потолку — такой строгой и в то же время совершенно расслабленной была ее поза. Довольно долго Хаган не мог заметить никаких признаков дыхания. Наконец он обратил внимание, что ее грудь чуть поднимается и опускается, и то же самое происходит с животом. Вдох занимал у нее секунд пятнадцать и примерно столько же выдох, а между ними возникала пауза секунд в пять. Хагану вдруг подумалось о том, как животные впадают в спячку, приостанавливая все жизненные процессы, и по спине у него пробежал холодок.

Он посмотрел на ее лицо. Оно было отрешенно-безмятежным. Модести смотрела сквозь него так, словно он был невидимкой. Глаза были пустыми, отсутствующими. Впрочем, нет, он ошибся: просто спокойствие было столь полным, что создавало впечатление пустоты. Вид Модести, находящейся в состоянии полнейшей отчужденности от него, Поля Хагана, вызвал в нем прилив ярости.

— Модести! — крикнул он, но никакого отклика не последовало. В дверях послышались шаги. Появился Вилли Гарвин. Он положил руку на плечо Поля и коротко сказал:

— Потом.

Какое-то мгновение Польш стоял как столб, затем повернулся, стряхнул с плеча руку Вилли и вышел из комнаты. Уже спускаясь по лестнице, он услышал, как Вилли прикрыл дверь спальни Модести и тоже стал спускаться. В гостиной Польш подошел к буфету, сделал себе выпивку. Потом обернулся и удивленно посмотрел на вошедшего Вилли.

— Йога! — фыркнул он. — Этого еще не хватало!

— Почему бы нет? — спокойно отозвался Вилли, садясь на стул и закидывая ногу на ногу.

— Зачем?

— Помогает, вот зачем. — Впервые Польш почувствовал в голосе Вилли какую-то враждебность. — Господи, Польш, тебе ли не знать, что перед серьезной схваткой надо как следует настроиться, иначе быть тебе битым.

— Лично мне никогда не нужно было вдыхать прану, чтобы настроиться на нужный лад. А тебе?

— Нет, — сказал Вилли, немного смягчившись. — Просто мы устроены по-разному. Слушай, когда мы с тобой ехали к Пако, ты разве не думал о разных неприятных вещах, которые могут приключиться? Я не про то, что тебя могут убить, это как раз ерунда. Но ведь кто знает, все могло бы кончиться тем, что тебя изуродовали бы, попортили бы лицо или отчекрыжили отросток.

— О чем ты?

— Пойми, у женщин воображение работает не как у нас. — Вилли встал, чтобы налить себе вина. — Мы просто знаем: что-то может с нами случиться, и все, а женщины отчетливо представляют это воочию. Вот Модести и убивает свое воображение. Она знает, что если

пойдет на дело, не уничтожив страх, то пиши пропало. Она может в самый неподходящий момент дрогнуть, дернуться, не рассчитать. Она успела усвоить, что, если побороть страх загодя, шансы возрастают на пятьдесят процентов.

Хаган с интересом уставился на Вилли. Его ярость улетучилась. В уголке его сознания копошилось какое-то другое чувство, но он никак не мог точно понять, какое именно.

— Она изучала йогу? — спросил он.

— Да, немного. Но до этого она сама придумала нечто в этом роде. Ей это неплохо удалось. В общем, она всегда умела выбрасывать из головы все ненужное, но йога, конечно, сильно тут помогает. — Вилли опорожнил стакан и поставил его на стол. — Ты знаешь, что ее дважды насиловали?

— Нет.

— Первый раз, когда ей было лет двенадцать. Какой-то крестьянин из-под Баальбека. Когда она поняла, что у нее нет сил сопротивляться, она заставила себя потерять сознание. Самопроизвольный обморок. Второй раз ей было двадцать два. Тогда мы напоролись на неприятность в Бейруте.

— И... это на ней никак не отразилось. — Хаган произнес это не как вопрос, а как утверждение.

— Она была без сознания. Ничего не помнит. Но я про это и говорю, приятель. Женщины устроены не так, как мы. — Он подошел к окну и коротко взглянул в него. — Мы на такое не способны. Разве что ты старик Лоренс Аравийский...

— Ну а что случилось с тем... вторым?..

— Позже я выследил его — и успокоил. — Вилли горестно покачал головой. — Модести потом устроила мне нагоняй. Сказала, что незачем так рисковать, чтобы сводить счеты. Она вообще-то не большая охотница мстить, да и я тоже. Но я не мог позволить той сволочи хвастаться, что он ее поимел!

Хаган уставился в стакан, пытаясь разобраться в своих чувствах. Внезапно он замер. То, что копошилось в глубинах его сознания, наконец всплыло на поверхность.

— Ты дважды упоминал о крутом деле, о серьезной схватке, — сказал он, наклоняясь к Вилли. — Два раза! Но мы сейчас в тупике. Так почему ты считаешь, что нас ожидают лихие сражения?

— Это ты спроси Модести, — отозвался Вилли. — Она тут главная.

— Правда? — произнес Хаган и сам же уловил неприятные нотки в своем голосе. Он поставил стакан и вышел через кухню в сад, сел на скамеечку и, греясь на солнце, стал наводить порядок в своих мыслях.

Он думал о своих картинах и о Модести Блейз. Он вспоминал изгибы ее тела, ее кожу, ее теплую плоть, и то, как она лежала в его объятиях. Он вспоминал разные мелочи из прошлого: как она наклоняла голову, когда задумывалась, то, как она поправляла выбившуюся прядь волос, внезапные редкие улыбки, вазочки с полевыми цветами, которые стояли в ее комнате.

Хагану показалось просто невероятным, что все это грани одной и той же женщины, о которой говорил Вилли. Женщины, которая в течение нескольких лет руководила криминальной Сетью, которая на днях своими руками отправила на тот свет наемного убийцу на рыночной площади в Антибе. Та же самая женщина, которая послала его с Вилли убить Пако, которая нещадно гоняла их всех, чтобы найти хоть какие-то нити, ведущие к Габриэлю, женщина, которая была так уверена в себе, так прекрасно подготовлена и так беспощадна, что не желала играть вторую скрипку в оркестре под управлением другого, мужчины!

Это казалось не просто невероятным. Это казалось нереальным. Реальность содержалась в другом: в теплоте ее тела, в податливости на ложе любви. Она являла собой великую ценность. Неужели этой ценностью нужно рисковать ради двух ящичков каких-то камешков? Ради Тарранта или Абу-Тахира? Ради чего вообще стоило подвергать ее опасности?

Бессмысленность всего это обожгла Хагана, словно ледяной душ спящего человека. Теперь он понял, что говорил ему Вилли Гарвин — насчет воображения, насчет того, что может случиться, когда будут выхвачены ножи и польется свинцовый град. Случиться с Модести Блейз!

Хагана прошиб пот. Он внезапно испугался.

Над деревьями взошла полная луна. Пол Хаган закрыл ставни, выключил свет и снял халат.

Завтра придет Таррант. Он думал об этом, надевая пижамные брюки и подбирая из пепельницы недокуренную, еще дымившуюся

сигарету.

День выдался странный. Часам к четырем появилась Модести. Она выглядела по-новому. Напряжение, проявлявшееся в глазах, исчезло, и вообще она вся как-то сверкала, напоминая Хагану нож, который только что закалили, отточили и отполировали.

Она выехала на одной из их машин и отсутствовала часа два. На вопрос Хагана, где она пропадала, Модести ответила:

— По личным делам, Поль.

Остаток дня прошел тихо. Никаких существенных переговоров и событий не случилось. Вилли Гарвин большую часть времени сидел у себя в комнате. Хаган затушил сигарету. У него заныли скулы. Он больше не задавал никаких вопросов насчет Модести, потому что принял решение, как себя держать. В дверь постучали. Он накинул на себя пижаму. Дверь открылась, и вошла Модести. На ней были белые туфли и белый халат в зеленую полоску.

— Почему бы нам не выпить на сон грядущий? — сказала она и поставила на столик поднос с двумя стаканами. — Тебе Джин, мне красное вино. Устраивает?

Хаган обратил внимание, что она плотно затворила за собой дверь. Он бросил пижамную куртку на кровать и лукаво осведомился:

— По глотку и баиньки?

— И баиньки, если, пока я здесь, у тебя не возникнет других желаний, — отозвалась Модести. Глаза ее были вроде бы совершенно серьезными, но в самых глубинах их таилось озорство и что-то еще, отчего у Поля вдруг в низу живота стал разгораться пожар.

— Все, что я захочу? — поддразнивая, осведомился Поль.

— Да.

Он взял ее за плечи и спросил:

— Ты же сказала, что так ведут себя любители, а не профессионалы. Что заставило тебя изменить свою позицию?

Она молча пожала плечами, и он заметил в ее глазах сильную усталость.

— Не знаю, — ответила она, — может, сплошные неудачи. Понятия не имею, что я завтра скажу Тарранту.

— Вилли Гарвин предсказывает крутые дела.

— Он надеется. Вилли слишком верит в меня. Увы, его, похоже, тоже ожидает разочарование.

Хаган принялся расстегивать ее халат. Он начал сверху. На халате было шесть пуговиц. После третьей он понял, что под халатом у нее ничего нет. Он скинул его, потом, чуть отстранив от себя Модести, посмотрел на нее. Она не шелохнулась.

— Зато я знаю, что я скажу Тарранту, — сообщил он. — Я выхожу из игры. И ты тоже, Модести. — Его пальцы сильнее стиснули ее плечи. — Я внезапно протрезвел. — Его взгляд упал на ее грудь, бедра, потом снова Поль посмотрел ей в глаза. — Надо быть просто психом, чтобы рисковать такой красотой ради двух коробок со стекляшками, даже если бы они принадлежали мне.

— Ты действительно так ко мне относишься, Поль?

Его руки обняли ее талию, притянули к себе. Кончики ее сосков коснулись его груди.

— Только ты, — сказал он. — Только ты что-то для меня значишь. Теперь я это понял, и теперь я буду дирижировать этим концертом. Только концерта не будет. А будем ты да я. Мы уедем. — Он смотрел на нее, словно ястреб, готовый камнем спикировать на жертву. Глаза его сузились, превратились в два твердых бриллиантика. — Тарранту меня не остановить. И Вилли тоже. Да и тебе самой это не удастся.

Она, чуть откинув голову, посмотрела на него. Потом вдруг уткнулась лицом ему в плечо. Он почувствовал, как ее зубы легонько укусили его. Она тесно прижала его к себе.

— Хватит болтать, — сказала она, и голос ее сделался хриплым и прерывистым. — Хватит попусту болтать. Лучше сделай что-нибудь, и поскорее.

Он взял ее на руки и повернулся к кровати. На этот раз все было не так, как тогда, в его квартире, но все-таки не менее прекрасно. Теперь ему казалось, что Модести жаждала лишь одного: оказаться полностью покоренной им, что источник ее все нараставшего наслаждения заключался в умении предвидеть его желания и помочь им осуществиться.

Наконец Хаган затих, выбившись из сил. Через некоторое время она перекатилась на бок, потом встала на колени.

— Ну, вот теперь, — тихо сказала она, — можешь говорить. — Она встала, подошла к туалетному столику, вытащила да пачки две сигареты, зажгла их и вернулась в кровать. — Держи, милый, — сказала она.

Поль лениво привстал, взял одну сигарету. Он потратил много энергии, но в то же время чувствовал удивительный прилив сил и уверенности.

— О чем теперь говорить? — удивился он, проводя пальцами по ее шее и плечу. — Мы все уже сказали друг другу.

— Да. — В том, как она произнесла это короткое слово, слышалась явная грусть. Она казалась маленькой, юной, и, глядя на нее, Хаган почувствовал, как в нем возникает желание оградить ее от всех бед и неприятностей этого мира.

— Ты замерзнешь, — сказал Поль, накидывая ей на плечи одеяло.

— Мне отлично, — возразила Модести, встала и взяла поднос с двумя стаканами. — За нас с тобой. — Она снова села на кровать, и Хаган протянул руку к стакану с джином.

— Не беспокойся насчет Тарранта, — сказал Хаган. — Я ему объясню, в чем дело.

Вилли Гарвин лежал на кровати полностью одетый. Чемоданы и сумки были тщательно упакованы. Раздался скрип ступенек на лестнице, и вскоре в комнате появилась Модести.

— Ну, вот и все, Вилли. Порядок. Возьми мои чемоданы с одеждой. — На ней была юбка со свитером, туфли без каблуков, голова повязана платком. Через руку — переброшен плащ.

— Опоила беднягу, — сказал Вилли.

— Да. Теперь самое раннее он проснется на рассвете.

— Представляешь, что он тут устроит, когда выяснит, что нас и след простыл, Принцесса?

— Это единственный способ от него отделаться. А иначе у нас ничего не получилось бы. Мы ведь будем ловить на живца, а он слишком уж за меня переживает.

— Знаю. Бояться за другого еще хуже для операции, чем бояться за себя. Ну, а что ты скажешь Тарранту?

— Не знаю. Но не в этом дело. Я не могу работать, когда у меня кто-то стоит над душой. Таррант, Абу-Тахир, Хаган... — Она пожала плечами. — Они только мешают. Мы будем действовать самостоятельно, Вилли. Так, как сочтем нужным.

— Я так и знал, что этим все и кончится, — отозвался Вилли, и Модести улыбнулась, заметив облегчение в его голосе. — Я отнесу

твои чемоданы. Принцесса. — У дверей он задержался и спросил: — А куда мы едем?

— Поль сам указал место пальцем на карте, — сказала она. — К Суэцу. Но мы поедем длинной дорогой. Нам надо сделать так, чтобы нас заприметил Габриэль.

Глава 13

Фрейзер сидел за столом Тарранта и перечитывал отчет. Все крайне странно, думал он. В высшей степени загадочно. Стоявший у стола Фрейзера Бойд, недавно перешедший к ним в отдел, спросил:

— Читали последний абзац? Похоже, старик снова их потерял.

Фрейзер уже давно заметил, что, если напрячь мускулы груди и живота и задержать дыхание, можно добиться того, что лицо начнет медленно багроветь, а на лбу выступают жилы. Это производило неплохое впечатление гнева. Он попытался проделать этот трюк и сейчас, отведя на это несколько секунд, в течение которых стеклянным взглядом смотрел на Бойда.

— Вы имеете в виду сэра Джеральда? — наконец нарушил он молчание.

— Я... Прошу прощения, сэр. — Бойд залился краской и, к вящему удовольствию Фрейзера, засеменял ногами на месте. — Вы... вы просили меня напомнить... В общем скоро будет звонить из Тель-Авива сэр Джеральд. То есть через пять минут...

— Спасибо, Бойд. — Фрейзер позволил своему багровому колеру несколько поблекнуть. Потом лукаво улыбнулся смущенному подчиненному.

— Вы неплохо ориентируетесь в ситуации, — сказал он.

Когда Бойд удалился, Фрейзер закурил сигарету и снова погрузился в отчет.

Какая-то чертовщина! Одиннадцать дней назад эта девица, Блейз, и Гарвин исчезли с виллы под Био. Два дня спустя они появились в Риме и, если верить тамошнему агенту Тарранта, имели контакт с Сакки, который занимал высокое положение в иерархии итальянской мафии. Они покинули Рим за шесть часов до того, как туда прибыли Таррант и Хаган. Следующее донесение пришло из Афин, где их видели в «Хилтоне». Они обедали с Ипсиланти. Это был самый богатый скупщик краденого на Балканах. Из Афин они проследовали в Бейрут, а потом в Хайфу.

Старик, думал Фрейзер, явно опаздывал. Модести Блейз и Гарвин покинули Хайфу тридцать шесть часов назад. Фрейзер с нетерпением

ждал телефонного звонка из британского посольства в Тель-Авиве. Они не могли воспользоваться скремблером, поэтому разговор должен был вестись отчасти на принятом у них коде, отчасти на иносказаниях.

Зазвонил телефон у его локтя. Фрейзер снял трубку и услышал голос Тарранта:

— Это ты, Джек?

Фрейзер чуть помедлил и ответил высоким голосом:

— Да, папочка. Как поездка?

В трубке возникла небольшая пауза, потом Таррант вполне добродушно отозвался:

— Неплохо, сынок, неплохо. Немного устал. Меня беспокоит только, как там поживают тетя Пру и юный Вилли.

— Они не давали о себе знать, папочка. Но сегодня пришло письмо от дяди Берта, и он сказал, что они благополучно добрались до Блэкпула. — Фрейзер покосился на карточку с условными обозначениями. Да, все верно. Блэкпул был Каиром.

— Блэкпул — это просто отлично, — бодро сказал Таррант. — Кстати, Джек, я хотел присмотреть тебе ту самую лодку, но ее не оказалось.

— Лодка старика Габи?

— Да.

— Может, тетя Пру не устояла перед его шармом, — хихикнул Фрейзер, — и у них состоится свидание в Блэкпуле, а?

— Сомневаюсь. Он не ее идеал.

— Кто знает, кто знает. У него обширные планы. Ну, а скажи, папочка, сколько ты еще собираешься странствовать?

— Это одному Богу известно. Как дела дома? Никаких там осложнений?

— Господи, нет, конечно! Мы прекрасно справляемся.

— Отлично. Ну, что ж, я скоро снова дам о себе знать. Если возникнет что-то срочное, посылай к нам в Блэкпул, там разберутся.

— О'кей! Пока, папочка.

Фрейзер положил трубку, откинулся в кресле, немного подумал, потом тихо чертыхнулся. Нет, ему решительно не нравилось, какой оборот принимало дело. Решительно не нравилось! Впрочем, их человек в Каире Альберт Александру (дядя Берт) был хорошим

агентом. Это обнадеживало. Потому как Тарранту явно требовалась помощь.

Окно «понтиака» было открыто. Модести Блейз отняла от глаз бинокль и передала его Вилли. Он стал оглядывать гавань Порт-Саида, где на рейде стояло с десятков разных судов. Среди них была белая яхта, переделанная из германского военного патрульного судна, длиной в сто пятьдесят футов и снабженная дизелями мощностью девятьсот пятьдесят лошадиных сил.

Мощный бинокль позволял Вилли прочитать на носу название «Мандрагора». Он перевел бинокль на палубу, где находилось около полудюжины человек. Двое сидели в шезлонгах, один стоял у перил, еще двое упражнялись с тяжелым медицинболом, который как раз угодил одному из игравших в живот. Вилли разглядел, что это была светловолосая женщина в майке и легких брюках. На носу стоял еще один человек и смотрел вдаль.

— Вот они, голубчики, — сказал Вилли, опуская бинокль. — Именно там, где налет совершить нельзя.

— У Габриэля свои идеи на этот счет, — сказала Модести. — Интересно, где же «Мандрагора» подобрала его? После выхода из Хайфы?

Вилли только пожал плечами и снова прижал к глазам цейсовский бинокль.

— Блондинка упражняется. Похоже, это та самая знаменитая миссис Фозергилл. Спуталась с ним пару лет назад, верно? — осведомился он, на что Модести ответила:

— Что-то в этом роде.

— Думаешь, Габриэль уже знает, что мы с тобой вышли на тропу войны. Принцесса?

— Скорее всего, знает. Уж больно мы постарались. Но пока его это совершенно не волнует. Давай вернемся в Каир и попробуем немного изменить ход событий.

Вилли завел мотор, и «понтиак» стал плавно набирать скорость. Когда город остался позади, машина стремительно рванулась по шоссе через пустыню.

Два часа спустя они уже были в каирском квартале Копт. «Понтиак» въехал во двор дома, выстроенного в подчеркнуто арабском

стиле. В центре двора бил фонтан. Окна были с витражами.

Слуга, молодой человек в белом костюме, отвел их в большой зал, вымощенный мрамором. Мебель была антикварная, европейская, и, кроме того, там было множество старинных арабских украшений.

— Старина Хаким, видать, в большом порядке, — изрек Вилли, разглядывая золотые часы в виде шара, висевшие на цепях в углу зала. Тут отворилась дверь, и появился сам Хаким. Это был стройный элегантный египтянин в темном костюме с белой рубашкой и бордовым галстуком-бабочкой. Модести знала, что ему семьдесят лет, но по виду было трудно дать ему больше пятидесяти пяти.

— Мисс Блейз, — произнес он мягким тягучим голосом, — я был счастлив получить ваше письмо. — По-английски Хаким говорил почти без акцента. Он подошел к ней, улыбаясь, и пожал руку. — Рад приветствовать и мистера Гарвина. У нас было немало приятных и полезных контактов, не так ли?

Он подставил стул для Модести, учтивым жестом пригласил садиться Вилли, а сам расположился на узком диване у стены.

— Мы опять вернулись к прежним делам, — сказала Модести. — Но сейчас все куда серьезнее. Алмазы. На сумму в десять миллионов фунтов.

Улыбка на лице Хакима сделалась чуть более напряженной, но в остальном он сохранил на лице выражение незаинтересованной приветливости.

— Сколько? — коротко спросил он.

— Для вас полмиллиона.

Хаким укоризненно развел своими изящными руками с длинными пальцами.

— Право, мисс Блейз. Сбыть такое огромное количество алмазов — тяжкий и долгий труд. Вы это сами прекрасно понимаете. Если уж браться за это, то никак не меньше чем за двадцать процентов.

— Я не могу согласиться на двадцать процентов, — возразила Модести. — У меня есть собственные расходы.

— Ну, тогда пятнадцать. Сомневаюсь, чтобы мои конкуренты в Европе взяли меньше. И уж во всяком случае на Ближнем Востоке никто не согласится на меньшее.

— За «железным занавесом» тоже хотят алмазы, — отозвалась Модести. — Я получила твердое предложение от их представителя —

они готовы купить все сразу за девять миллионов. — Она дружески улыбнулась. — То есть десять процентов. Если вас это не устраивает, тогда мы напрасно тратим время.

— Позвольте узнать, где находятся алмазы в настоящий момент, мисс Блейз? И если они не у вас, как вы, если не секрет, надеетесь завладеть ими.

— Хаким, не прикидывайтесь простачком.

— Прошу меня простить, — Хаким развел руками, выражая сожаление. — И за наивные вопросы, и за то, что, конечно, я не смогу сотрудничать на таких условиях. Мои нынешние расходы не позволяют мне вступать в соревнование с джентльменами из высших политических сфер.

— Ну, хорошо, а если я предложу вам семьсот пятьдесят? — сказала Модести, в упор глядя на него.

— Увы, и это исключено. Не оправдывает хлопот. Не желаете ли чего-нибудь освежающего?

— Спасибо, но у нас много дел. Жаль, конечно, что нам не удалось договориться, Хаким, но, надеюсь, вы будете помалкивать о нашем разговоре.

Он встал и с улыбкой сказал:

— Проявлять несдержанность было бы неразумно. Коль скоро вы вернулись к прежним делам, я не сомневаюсь, что еще возникнут ситуации, когда мы сможем быть полезны друг другу.

— Вне всякого сомнения, Хаким. Всего наилучшего. Когда «понтак» Модести и Вилли выехал со двора, Хаким позвал своего слугу.

— Мне нужно решить важное дело, Назир, — медленно сказал он, — но сперва мне необходимо немного расслабиться. Передай Фионе, что она мне понадобится сегодня днем.

В девять часов вечера Вилли и Модести оказались в маленьком кафе с баром в районе Муски. Модести распустила волосы, затем собрала их в большой пучок на затылке. На ней почти не было грима и ногти были без лака. Поверх свитера и черных джинсов она накинула легкий плащ.

Вилли был в темной куртке. На них обоих были высокие ботинки из крепкой кожи на шнуровке и с непромокаемой резиновой обшивкой, закрывавшей подошвы и рант.

Они пили пиво и тихо переговаривались по-немецки. Официант был уверен, что эта парочка — из группы немецких техников-специалистов, которых было здесь немало.

— Ну что, когда сделает свой ход Габриэль? — спросила Модести своего спутника, на что тот ответил:

— Возможно, сегодня, но скорее всего, завтра. Все зависит от того, как быстро примет решение Хаким.

— Ты ведь имел дело с Хакимом больше, чем я, и знаешь его лучше. Думаешь, он доложит о нашем визите Габриэлю? — спросила Модести, делая глоток.

— В этом я не сомневаюсь. Но Хаким не любит торопиться. Сегодня он переспит с девицей, потом вкусно поест, выпьет, послушает музыку, подумает и примет решение рассказать все Габриэлю.

— Почему?

— Потому что так ему спокойнее. Габриэль убивает тех, кто его раздражает, ты — нет. В конце концов к этому выводу и придет Хаким.

— Вот и прекрасно.

Вилли выпил пива, оглянулся.

— У нас есть еще неделя, прежде чем корабль пойдет по каналу. Поэтому нам еще придется погулять, пока не выступит Габриэль.

— Да. Но он вскоре нанесет удар.

— Надеюсь, что он не ударит слишком сильно.

— Этого не произойдет, Вилли. То, что я наплела Хакиму, не позволит Габриэлю сразу от нас избавиться. Он захочет использовать нас. — Модести отставила пустой стакан. — Давай двигаться. Надо дать им шанс.

Вилли расплатился, и они вышли на узкую улочку, где стоял у обочины их «пontiак». У стены на корточках сидел нищий, что-то бормоча. Вилли бросил одну монету ему, а вторую — мальчишке, который сторожил машину. Он сел за руль, а Модести устроилась рядом.

Не успели они проехать и пятидесяти ярдов, как с заднего сиденья поднялась фигура, и в спину Вилли уперлось дуло револьвера. Голос с акцентом сказал:

— На площадь Атабе. Потом скажу, куда дальше. Модести почувствовала, как ее отпускает напряжение. Чуть повернувшись, она

спросила:

— А если мы не захотим туда ехать?

— Оружие с глушителем, — послышался голос из темноты. — Буду стрелять. Причем сначала вам в ногу.

Модести кивнула:

— Поезжай, Вилли.

От площади Атабе они повернули на юг, к площади Абдин. Пять минут спустя, когда они оказались в переулке среди маленьких домиков, неизвестный велел остановить машину.

— Пока вы выходите, мисс Блейз, мой револьвер нацелен на Гарвина, — сообщил голос. — Когда выйдете, станьте спиной ко мне, не отходите далеко. Вы будете у меня на прицеле, пока станет выходить Гарвин.

Все было задумано вполне профессионально. Выбираясь из машины, Модести краем глаза увидела человека. Он был невысокого роста, смуглый, жилистый, в синем в полоску костюме и в темной шляпе. Он провел их по короткой аллее к дому, потом они оказались в его задней части. За кухней начинался коридор с двумя дверьми по правой стороне.

— Во вторую дверь, — распорядился человек с револьвером. Вилли открыл ее, пропустил вперед Модести, потом вошел сам. Человек последовал за ними и закрыл за собой дверь.

— Боже! — недовольно воскликнул Вилли. — Давно не виделись!

Из потертого кожаного кресла им навстречу поднимался Таррант. Он держался невозмутимо, но в глазах его была усталость. У закрытого ставнями окна, спиной к нему, стоял Хаган, сунув руки в карманы и чуть ссутулившись. Глаза его были как лед, на скулах играли желваки.

— Спасибо за коктейль, — сказал он металлическим голосом, глядя на Модести.

— Минуточку, Хаган, — поднял руку Таррант. — Присаживайтесь, Модести.

Она продолжала стоять. Кивнув на человека за спиной Вилли, она спросила:

— А это кто?

— Альберт Александру, наш агент в Каире, — ответил Таррант. — Он не отступал от вас ни на шаг с момента вашего появления в этом

городе.

— Ясно, — резко сказала она и добавила: — Вы понимаете, что, быть может, уничтожили единственный наш шанс?

— Шанс на что? — столь же резко отозвался Таррант. — До меня дошли слухи из достоверных источников, что Модести Блейз взялась за старое, что она решила восстановить Сеть. Установлено, что она встречалась со старыми контактами в Риме, Афинах, Бейруте, а также кое-где еще. Кроме того, мне сообщили, что сегодня она посетила крупнейшего скупщика краденого на Ближнем Востоке. Позвольте узнать, с какой целью?

Модести отвернулась, вытащила из кармана джинсов пачку сигарет и присела на ручку кресла.

— Расскажи, Вилли, — попросила она.

— С превеликим удовольствием, — отозвался тот. Не проявляя излишней поспешности, Вилли обернулся и ребром ладони ударил Альберта Александру по руке, в которой тот держал револьвер. Затем схватил его за запястье и прижал руку к двери. Костяшками кулака он ткнул по тыльной части кисти и подхватил оружие, когда то выпало из онемевших пальцев. На всю операцию у него ушло не больше секунды.

Вилли положил револьвер на стол и как ни в чем не бывало примостился на его уголке.

— Знаете, что решила сделать Принцесса, чтобы вы не запороли эту вашу чертову операцию? — коротко спросил он. — Она выразила желание сыграть роль наживки. Чтобы заинтересовать одну зубастую щуку.

Таррант посмотрел на сохранявшего неподвижность Хагана, затем опять на Вилли.

— Нельзя ли растолковать поподробнее? — попросил он.

— Запросто, сэр Джи. Все проще простого. Единственный способ понять, как Габриэль намерен захватить ящики с камешками, — это оказаться рядом с ним. Поэтому мы сделали все, чтобы люди Габриэля могли выйти на нас. Потому-то этот ваш человек не остался без руки, когда наставил на нас в машине свою пушку. Мы-то думали, что он из шайки Габриэля.

Повисло тяжелое молчание. Таррант и Хаган уставились на Модести. Хаган смущенно пожал плечами и сказал:

— Вы сошли с ума. Вам прямая дорога в дурдом.

Модести посмотрела на него и, выпустив клуб дыма, сказала:

— Мы делали это и раньше.

— Что же случилось бы, если бы Габриэль вас поймал? — спросил Таррант. — Вы надеетесь, он посвятил бы вас в свои планы?

Вместо Модести ответил Вилли.

— Почему бы и нет, — сказал он. — Но если и не посвятил бы, мы были бы с ним рядом, когда он начал бы свою операцию.

— Вы бы лежали на дне гавани Порт-Саида в бетонных сапогах, — презрительно фыркнул Хаган. — Неужели вам не понятно, что это глупость?!

Модести покачала головой.

— Габриэль не причинил бы нам никакого вреда. Мы об этом неплохо позаботились.

— И сколько бы он позволил вам оставаться в живых? — ехидно спросил Хаган. — Да и если бы вы даже узнали, что хотели, как вам удалось бы от него уйти?

— Мы бы оставались в живых довольно долго, — ответила Модести, — а насчет второго вопроса скажу так: это непросто, но именно для этого, наверно, вы нас и пригласили, правильно? Мы бы играли с листа.

— Сильно сомневаюсь, что я бы позволил вам такое, — сказал Таррант и, посмотрев на Хагана, спросил: — По-вашему, это может сработать?

— Так поступают самоубийцы, — отрезал Хаган.

— Мне тоже так кажется, — кивнул Таррант. — Вы уж нас извините, Модести.

— Вы не можете нам это запретить, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Мы с Вилли намерены довести дело до конца, и вам лучше не совать нам палки в колеса. Мы сейчас в Египте, сэр Джеральд, а тут ваше влияние не так велико, как в других странах. Зато я тут кое-что могу. У меня есть много хороших верных друзей, которые занимают высокие посты и которые будут счастливы помочь.

Таррант почесал подбородок.

— Мы тоже кое на что способны, — сказал он. — Шейх Абу-Тахир — желанный гость в Египте, ему нравится, что с ним так носятся. Думаю, здесь сделают все, чтобы оставить его довольным.

Вилли Гарвин рассмеялся, а Модести сказала:

— Если вы пойдете к Абу-Тахиру и скажете, что хотите меня остановить, у вас возникнут неприятности.

— Вы уверены? Он очень серьезно относится к своим алмазам и потому...

— Он очень серьезно относится ко мне. Он сочтет, что вы нанесли мне оскорбление.

Снова упало тяжкое молчание. Затем Таррант сказал:

— Хаган, может, вы поговорите с нею наедине?

Хаган молча подошел к двери, открыл ее и, пропустив Модести, вышел следом. Когда они ушли, Таррант с облегчением вздохнул и, потерев подбородок, сказал:

— Может, она хоть его послушает?

Вилли вытащил сигарету и дружелюбно протянул пачку бедняге Александру.

— Яд у них, как яд змеи, как глухого аспида, который затыкает уши свои. И не слышит голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях. Псалом пятьдесят седьмой, стих пятый и шестой.

Оказавшись в глазу на глаз с Хаганом в маленькой спальне, Модести сказала:

— Я была вынуждена удрать от тебя. Извини, Поль. Я виновата. Извини за коктейль, но это был единственный выход. Ты бы поднял скандал.

— Сейчас я не скандалю, — коротко буркнул он. — И даже не пытаюсь остановить тебя, в отличие от Тарранта. Я просто хочу понять: зачем?

— Поменьше ненависти, — улыбнулась Модести.

— Никакой ненависти тут нет. — Он чуть расслабился, провел рукой по лбу. — Но я не Вилли. Я не могу идти за тобой, как хорошо выдрессированная собачка. А ты не видишь для мужчины другого места.

— Мне кажется, ты как раз нашел другие места. И они тебе понравились.

— Для этого всегда кого-то можно нанять.

Ее улыбку как ветром сдуло, и он понял, что сказал гнусность. Он почувствовал к себе еще большее отвращение, когда она тихо сказала:

— Я никогда не требовала от тебя, чтобы ты ходил за мной по пятам, Поль.

— Это точно! На этой работе ты оставила меня на расстоянии в несколько сотен миль.

После долгого молчания она произнесла:

— Я не хочу извиняться за то, какая я есть, Поль. Мне кажется, я дала тебе все, что только могла. Больше я дать неспособна.

Он подошел к ней вплотную, но не дотронулся.

— Я знаю, — сказал он. — Я прекрасно знаю, что ты ничего не в состоянии с собой поделать. Это нелегко принять, но я, похоже, принял. Но мне хотелось бы все-таки понять другое: зачем ты это делаешь?

— Может, я и сама толком не знаю. Да и вообще, дело не в резонах. Может, я так поступаю, потому что думаю: иначе поступить не могу. Но если ты готов немного потерпеть, Поль, то потом мы сможем неплохо провести время вдвоем.

— Сейчас не время думать о том, что будет потом. Это все далекое будущее. Что мне сообщить Тарранту сейчас? — спросил Хаган, сдерживая эмоции.

— Что я продолжаю работать. А поскольку ему меня не остановить, то лучшее, что он может сделать, это постараться мне помочь. Например, существует проблема связи. Тут как раз у нас немало сложностей.

— Проблема связи?

— Да. У нас есть кое-что, но этого, конечно, недостаточно. Тут необходимо многое обдумать.

— Ладно. Я не знаю, как ты собираешься добиться своего, но пойдем и скажем Тарранту, как обстоят дела.

Вилли сидел и молча курил в большой комнате. Модести хорошо успела его изучить и потому по одному выражению его лица поняла: что-то явно не так.

— Что стряслось, Вилли?

— Этот чертов министр! Сэр Джи только что мне рассказал.

— Что именно?

— Пока вы были в Афинах, я получил бумагу, — сказал Таррант. — Торнтон решил, что, если «Тибория» с грузом алмазов отправится в

плавание раньше запланированной даты, это, по его словам, собьет с толку оппозицию — если таковая имеется.

— Господи! — тихо воскликнула она. — Разве он не понимает, что у Габриэля в Кейптауне человек, который будет знать о том, когда уйдет пароход. Он совсем спятил?

— Мне не хотелось бы сейчас анализировать его мыслительные процессы, — сказал Таррант. — Суть в том, что «Тибория» вышла на шесть дней раньше. Пока никаких попыток атаковать ее не было.

— Где она сейчас?

— Должна вот-вот войти в Суэцкий канал и через тридцать шесть часов оказаться в Порт-Саиде.

— То есть послезавтра на рассвете?

— Да. Это создает сложности. Я полагаю, что Хагану не удалось охладить ваш пыл?

— Мы-то думали, у нас в запасе неделя, — подал голос Вилли. — Да, Принцесса, пора пошевеливаться. Надо поскорее угодить к ним в лапы.

Модести стояла, чуть наклонив голову, и размышляла.

— Да, — наконец сказала она. — Это плохо. Впрочем, нет худа без добра.

— Боже! — Таррант молитвенно прикрыл глаза и сложил руки. — Только не говорите, пожалуйста, что Перси снова совершил правильный поступок.

Глава 14

Макуиртер поднялся по сходням с катера на яхту и вытер мокрый лоб. Окинув гавань взглядом, он одобрительно хмыкнул, увидев серое торговое судно водоизмещением 7000 тонн под либерийским флагом. Оно стояло на рейде на четверть мили западнее «Мандрагоры».

Макуиртер двинулся по палубе яхты. Миссис Фозергилл стояла, опершись на перила. На ней были нескладные шорты и большой лифчик. Тело напоминало полированное ореховое дерево.

— Дорогая дама, — сказал Макуиртер, кладя свою руку ей на плечо. — Я хотел принести вам фиалки. Я обыскал все базары, но...

— Как вы мне осточертели, Макуиртер! — буркнула она, сердито сбрасывая его руку. — Одна надежда, что ваша болтовня когда-нибудь надоест и Габриэлю и он попросит меня привести вас в чувство. Это доставило бы мне большое удовольствие.

— Я вас недостоин, — отозвался шотландец, весело щелкнув пальцами. — Какие-нибудь новости есть?

Миссис Фозергилл на мгновение поколебалась, потом отрицательно покачала головой.

— А что творится на берегу? — спросила она. — У Рашида есть какие-нибудь сведения об этой Блейз и Гарвине?

— Так, отдельные фрагменты. Ясно одно, они решили взяться за старое.

— Что предпримет Габриэль?

— Ничего. Если она только не попробует перейти ему дорогу. О, у меня отличная мысль, миссис Фозергилл! Как насчет поединка с Модести Блейз? Она, между прочим, большой талант. Это говорят многие.

— Ну и пусть говорят! Эта костлявая стерва не продержится против меня и десяти секунд. — Ее бычье лицо вдруг сделалось задумчивым. — А вот Гарвин... Это может быть интересно.

На палубе появился Борг. Подойдя к ним, он спросил:

— Вы ему ничего не говорили, миссис Фозергилл? Та пожалала плечами. Макуиртер пристально посмотрел на нее и спросил:

— О чем речь?

— Базилио сломал себе ногу, — мрачно сказал Борг. — Грохнулся с трапа.

— Боже праведный! — вздохнул Макуиртер. — Час от часу не легче!

— Я-то надеялась, вы ввалитесь к нему с вашими дурацкими шуточками, — мрачно заметила миссис Фозергилл. — Тогда Габриэль показал бы вам, где раки зимуют.

Макуиртер злобно посмотрел на нее, кивнул Боргу. Они вдвоем пошли по палубе и, дойдя до двери каюты, вошли внутрь. Каюта была изящно обставлена. Габриэль стоял у иллюминатора, сложив руки за спиной.

— Борг только что мне все рассказал, — начал Макуиртер. — Серьезное повреждение?

— Достаточно серьезное, — холодно и ровно отозвался Габриэль. — Перелом бедра. Двойной перелом. Его отвезли на берег час тому назад.

Макуиртер сел на длинный диван у переборки.

— А второй механик загремел в Хайфе с аппендицитом, — пустым голосом произнес он. — Кто-нибудь из членов экипажа может выполнять работу Базилио? Вряд ли это что-то такое особенное. Может, кто-то из механиков?

— Я никому из них не доверяю.

— А может, кто-то из команды Калонидеса?

— Уже выяснял. Нет.

Макуиртер нервно потербил себя за загривок.

— На это потрачено три четверти миллиона. Нам непременно нужно найти человека.

Габриэль повернулся к нему от иллюминатора. Его глазки налились кровью.

— Кого? — злобно прошипел он. — В нашем распоряжении осталось всего восемнадцать часов. Работа требует особых навыков, хорошей нервной системы. Выдержки. Нам нужен человек, который настолько глуп, что заберет груз алмазов на десять миллионов и будет думать, что после этого мы позволим ему жить-поживать и трепать языком о своих подвигах. Кто этот идиот?

Макуиртер сидел, не шевелясь. Открылась дверь, и вошла миссис Фозергилл, а с ней молодой египтянин в белом костюме.

— Он от Хакима, — сказала она Габриэлю. — С сообщением. Лично для вас.

Молодой египтянин вынул из кармана фотографию, посмотрел на нее, потом на Габриэля. Потом кивнул, убрал фотографию и вынул из внутреннего кармана белого пиджака запечатанный конверт.

Габриэль взял конверт и, надорвав, извлек из него листок бумаги, долго он смотрел на листок без какого-либо выражения, потом сказал:

— Хорошо.

Миссис Фозергилл открыла дверь, выпустила египтянина. Габриэль снова подошел к иллюминатору каюты, стал перечитывать послание.

Макуиртер прокашлялся и начал:

— Насчет того, кто обладает навыками и выдержкой... — но, увидев взгляд Борга, осекся.

Снова Габриэль повернулся от иллюминатора. Снова лицо его было непроницаемым, но на серо-зеленых щеках вдруг появилось какое-то подобие румянца.

— Мы нашли специалиста, — провозгласил он. — Модести Блейз сама напрашивается к нам в руки. И главное, она командует тем самым человеком... На ловца и зверь бежит.

Вилли Гарвин стоял у закрытого шторой окна на втором этаже. Через щелочку он видел западную часть Эзбекийя, где было по-вечернему оживленно. «Шевроле» по-прежнему торчал там.

В нескольких шагах от Вилли была кровать, на которой лежала Модести Блейз и листала французский журнал мод. Она была в белом халате, накинутом поверх черных колготок и черного же лифчика. Дверь, которая вела в номер Вилли, оставалась открытой.

— Стоит уже два часа, — заметил Вилли, глядя на часы. — Бедняги, наверно, сильно вспотели. Как ты полагаешь, они не попробуют сделать острый ход и захватить нас здесь?

— Здесь? — удивленно переспросила Модести, переворачивая страницу. — Сильно сомневаюсь, чтобы они решили сделать это в отеле, где полно народу. Нет, им придется что-то придумать, чтобы выманить нас, Вилли-солнышко. А нам придется ждать, пока они не придумают, как это сделать. Причем ждать так, чтобы они не заподозрили неладного. Сколько их там в машине?

— Четверо. Один из них Борг. Остальных не знаю. Телефон у кровати вдруг начал трезвонить. Модести сняла трубку.

— Да? — спросила она, потом замолчала. — Ах, вот как. Но я решила, что комиссионные слишком незначительны для вас, Хаким. Нет, пока я еще окончательно ни с кем не договорилась. — Снова пауза. — Сегодня вечером? Да, конечно. Договорились. Мы выезжаем через двадцать минут.

Она положила трубку, села.

— Хаким решил все-таки принять мое предложение. Он хочет, чтобы мы встретились сегодня же в Исмаилии.

— Очень миленький фокус, — отозвался Вилли. Он взял большой чемодан, положил на кровать, открыл. — Раз уж нас позвали в свет, надо нарядиться во все наилучшее, — сказал он и начал снимать рубашку.

Модести встала с кровати и, скинув халат, принялась расстегивать лифчик. Она вдруг подумала, что, если бы Тарранту удалось их сейчас увидеть, он был бы шокирован. Эта мысль заставила ее внутренне усмехнуться.

Она-то знала, что если Вилли и посмотрит на нее, то исключительно потому, что просто так случилось, а не потому что ему хотелось бросить похотливый взгляд на ее голую грудь. Операция началась, и для Вилли уже не имело значения, женщина она или нет. Если он и окинул бы взглядом ее фигуру, то лишь для того, чтобы проверить, как она движется, как работает ее мускулатура, — так специалист оглядывает скаковую лошадь перед розыгрышем большого приза. Так бывало всегда во время операции и какое-то время после нее, когда наступала пора залечивать раны. Ей приходилось выхаживать Вилли, причем однажды он оказался просто на волосок от смерти. Пару раз Вилли оказывал такую же услугу Модести, действуя умело и заботливо.

Между ними не существовало тайн и недоговоренностей. Поль назвал Вилли дрессированной собачкой Модести, которая ходит за ней по пятам. Может, так оно и было. Может, Вилли и сам согласился бы с таким определением, случись ему услышать его. Впрочем, она-то знала, хотя ей и трудно было в это поверить, что для Вилли возможность ходить за ней по пятам служила свидетельством того, что

Модести Блейз ставит его гораздо выше большинства представителей мужского пола, включая тех, с кем она оказывалась в постели.

Когда-то такое отношение тревожило ее, но теперь все встало на свои места. Она понимала, что это доставляет Вилли чувство удовлетворенности собой.

Она бросила лифчик на кровать и взяла другой, который Вилли извлек для нее из чемодана.

Двадцать минут спустя они уже спускались по лестнице. Они были одеты точно так же, как в тот вечер, когда Альберт Александру устроил им засаду в «понтиаке». Открытый «понтиак» стоял во дворе отеля среди других машин. Вилли сел за руль, Модести устроилась рядом. Она вообще-то любила водить машину, но Вилли явно превосходил ее в этом, а сегодня все должно было быть только высшего сорта.

— Извини, что мы так задержались, Поль, — тихо сказала она.

Поль Хаган лежал, скорчившись на заднем сиденье, почти невидимый под темным ковриком.

— Все в порядке, — пробормотал он. — Ну что, едем?

— Да, в Исмаилию. Никто не шнырял вокруг машины?

— Нет. А что, на исмаильском шоссе есть укромные места?

— Недалеко от Бильбейса кое-что имеется, — сказал Вилли и двинул «понтиак» вперед. Когда они ехали по площади, к ним прицепился черный «шевроле».

— Как Тарранту удалось договориться с военными? — спросила Модести.

— Этим занимался Абу-Тахир, — подал голос сзади Хаган. — Он добился всего, о чем мы просили, а также получил заверения и в дальнейшем содействии.

— Где будете вы с Таррантом?

— В доме, который выходит на порт-саидскую гавань.

— А как с пеленгаторами?

— Установлены. Один в штабе ВВС здесь, другой на нашей базе на Кипре, третий в горах за Бейрутом.

— Нужно охватить весь район предполагаемых действий. Когда предместья Каира остались позади, Вилли нажал на акселератор. «Шевроле» сразу отстал ярдов на двести. Других машин на шоссе не было.

— Минут через двадцать, — обронил Вилли и включил фары. В машине царило молчание. Минут через десять, когда о Каире только напоминало зарево в небе, «шевроле» вдруг стал их нагонять. Вилли подождал, пока расстояние между ними не сократится до пятидесяти ярдов, потом резко дал газ. «Понтиак» рванулся вперед.

Хаган отбросил коврик, но продолжал лежать на сиденье, невидимый снаружи.

— Вы можете держать их на дистанции и дальше? — спросил он.

Модести оглянулась и, посмотрев на него, улыбнулась уголками губ:

— Можем.

«Шевроле» опять стал сокращать расстояние.

— Они не стреляют, — заметил Хаган. — Похоже, ваш план сработал. Вы нужны им целыми и невредимыми.

«Шевроле» попытался обогнать их, но Вилли уверенно оттеснил его. «Шевроле» стал отставать. Модести посмотрела на часы.

— Скоро, — сказала она.

Впереди, там, куда с трудом долетал свет дальних фар, до сих пор прямая дорога сужалась и начинала извиваться, проходя через гористый участок. Ведя машину по самому центру шоссе, Вилли вдруг резко затормозил, отчего «шевроле» чуть не врезался в них, и, лишь бешено нажав на тормоз, водитель сумел избежать столкновения. Пока «шевроле» шел юзом, Вилли снова прибавил газу, и «понтиак» опять стал отрываться.

Начался холмистый отрезок. Вилли сбросил скорость. Пятьдесят, сорок, тридцать миль в час...

— А ну-ка, держитесь крепче, — сказал он. Хаган и Модести послушно схватились руками за все, за что можно было держаться. «Понтиак» задел скалистый уступ, отчего раздался противный скрежет. Машину занесло, другим боком она задела о выступ на противоположной стороне шоссе. Скала там образовывала своеобразный каменный бордюр. Вилли направил машину на него так, что машина накренилась, но продолжала ехать вперед.

— Пошли! — скомандовал Вилли, останавливая машину. Модести перепрыгнула через борт, за ней высадился Хаган. Машина накренилась еще сильнее. Вилли выскочил из нее, и вместе с Хаганом стал наклонять ее еще больше. Наконец она с грохотом перевернулась.

Вилли быстро подошел к Модести, которая стояла посреди шоссе, и взял ее за руку.

— Ну, Принцесса, — сказал он. — До скорого.

С этими словами он коротко ударил ее локтем так, что удар пришелся ниже уха. Ее голова дернулась, она осела на асфальт. Вилли позволил ей упасть, не попытавшись смягчить падение. Когда она переворачивалась, лицо ее соприкоснулось с асфальтом.

У Хагана неприятно екнуло внутри. Он вдруг понял, что она имела в виду, когда говорила о том, что она профессионал. Приятного в этом было мало, зато ему многое стало ясно.

Внезапно небо осветилось светом фар «шевроле», который начал преодолевать подъем в двухстах ярдах от места крушения. Рев двигателя нарастал.

Вилли отошел на три шага от Модести, и, оказавшись рядом с Хаганом, сказал:

— Ну, приятель!

Он стоял лицом к Полю, чуть откинув голову, выставив челюсть.

Хаган махнул правой рукой. Удар получился отменным. Вилли стал оседать и упал на шоссе. Хаган повернулся и побежал к машине. Обогнув ее, он стал карабкаться по склону, потом распластался в камнях. Тотчас же из-за поворота ударил свет фар «шевроле».

Завизжали тормоза, машина резко остановилась. С заднего сиденья вылезли двое — мужчина и женщина. Мужчина держал в руке пистолет. Он прикрывал женщину, которая подошла сначала к перевернутой машине, потом к распростертым фигурам. Склонившись над Модести, она приподняла большим пальцем ее веко, потом коротко и злобно ударила другой рукой по щеке, проверяя реакцию.

Хаган испытал неодолимое желание пристрелить мерзавку на месте, но все же сдержался.

— Обморок, — крикнула женщина и подошла к Вилли. Приподняв его голову за волосы, она отвела и ему веко. — Этот тоже без сознания, — крикнула она.

Женщина стояла и ухмылялась. Хаган видел ее тяжелое лицо и светлую крашеную шевелюру.

— Прямо на блюдечке с голубой каемочкой, — хмыкнула она. Потом крикнула: — Эй, Гаспаро. — Когда вылез человек, сидевший рядом с водителем, она сказала ему: — Помоги Боргу погрузить

этого, — и показала на Вилли. Сама же просунула одну руку под колени Модести, а другую под плечи, без видимого усилия выпрямилась с ней и двинулась к «шевроле». Вилли и Модести были погружены назад, к Боргу, а женщина втиснулась на переднее сиденье, между водителем и Гаспаро. Хлопнули дверцы. Быстро набирая скорость, машина удалилась.

Хаган уронил голову на руки и долго и монотонно чертыхался. Затем он встал и побрел к железнодорожной ветке, что вела на восток к Бильбейсу.

Ставки в игре возросли.

Глава 15

В каюте находилось шесть человек. Каюта была достаточно просторной, но, если бы в ней собралось чуть больше народу, она показалась бы переполненной.

Габриэль сидел за простым дубовым столом спиной к выкрашенной в белый цвет переборке. Борг и миссис Фозергилл расположились на диване под иллюминатором. Борг держал на коленях пистолет. Миссис Фозергилл курила тонкую черную сигару.

У дверей, покачиваясь, стоял Макуиртер, напевая себе под нос нечто вроде траурного гимна. Он с нескрываемым любопытством смотрел на Модести Блейз и Вилли. Они стояли перед столом Габриэля в наручниках. Оба были грязные и взъерошенные. На щеке Модести виднелась ссадина.

Им повезло, что их выбросило из машины, подумал Макуиртер. Потом поправил себя: нет, им сильно не повезло.

На столе перед Габриэлем высилась горка разных предметов. Два тонких метательных ножа, кольт тридцать второго калибра в кобуре на узком кожаном ремне, сигареты, коробка спичек, зажигалка, губная помада, расческа в кожаном футлярчике, деньги, один маленький носовой платок, другой белый, побольше.

Габриэль тщательно исследовал всю горку, осматривая каждый предмет по отдельности. Он вытащил из пачки одну сигарету, переломил ее, потом бросил пачку Вилли Гарвину.

— Спасибо, — сказал Вилли, ловя ее руками в наручниках. — А как насчет огонька?

Габриэль исследовал зажигалку, толкнул ее по столу в сторону Вилли со словами.

— Курить позже. Не здесь.

Потом Габриэль взял помаду, снял крышку, выдвинул алый кончик, убрал его, надел колпачок, бросил Модести. Также поступил он с расческой и платками.

Откинувшись на спинку кресла, Габриэль внимательно уставился на пленников. Зрачки его глаз сделались крошечными. Это означало, что Габриэль возбужден, а это с ним случалось крайне редко.

— Проверьте-ка их еще раз, — распорядился он. — Как-никак эта парочка — народ сообразительный.

Борг передал пистолет миссис Фозергилл, а сам встал и подошел к Вилли Гарвину. Он провел руками по его груди, исследовал пустые ножны, затем ощупал его спину и руки. Потом, присев на корточки, тщательно проверил обе ноги, заставил Вилли приподнять ступни и осмотрел подошвы ботинок.

Выпрямившись, Борг проделал те же самые манипуляции с Модести, которая смотрела мимо него безо всякого выражения, пока его руки касались ее тела.

— Порядок, — возвестил Борг, после чего вернулся на место. Габриэль смотрел на них некоторое время, потом сказал:

— У миссис Фозергилл руки чешутся вас убить.

Модести пожалала плечами и ответила:

— Насколько я понимаю, она вообще обожает убивать. Только почему именно мы вызываем в ней такое нетерпение?

— Потому что вы здесь. Я хочу, чтобы вы мне все рассказали. Иначе я позволю миссис Фозергилл с вами позабавиться. Прямо здесь.

Модести подняла руки и потерла ссадину на щеке.

— Вы же меня хорошо знаете, Габриэль, — сказала она. — Вы знаете, что я занимаюсь всем этим не для того, чтобы меня убивали. В этом нет прибыли. Скажите, что именно вас интересует, и я постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

— Меня интересуют алмазы. Партия алмазов на сумму десять миллионов фунтов. Вы их предлагали покупателю. — Габриэль подался вперед. — Где они?

— На корабле, который утром выйдет из Суэцкого канала. Пункт назначения — Бейрут.

— Верно, — сказал Габриэль. — И что же вы хотели сделать с этими алмазами?

— Забрать их из сейфа Англо-левантийского банка в Бейруте где-нибудь на той неделе.

Макуиртер внезапно издал смешок. Губы Габриэля стали растягиваться, пока вообще не сделались почти невидимыми. Он медленно покачал головой.

— Не советую надо мной издеваться, Блейз. Я проверил вероятность такой операции. Она стопроцентно обречена.

— Для вас, наверно. Но есть фактор, который вы не принимаете во внимание. Я старый проверенный друг шейха Абу-Тахира. Я имею доступ в его личное хранилище для оценки драгоценностей.

Габриэль на мгновение задумался. Потом сказал:

— Это другое дело. Но вынужден вас разочаровать. Вы опоздали. Я намерен присвоить эти штучки еще до того, как они попадут в Бейрут.

Она посмотрела на Вилли Гарвина. Габриэль обратил внимание, что она явно обескуражена таким сообщением.

— Пиратский налет? — удивленно спросила она. — Но это же все равно что пустить себе пулю в лоб. Судно оснащено артиллерийским орудием в пять и две десятых дюйма и учетверенной малокалиберной установкой.

— Знаю. Но тут есть фактор, который уже не принимаете во внимание вы. Но о нем позже. Скажите, как вы планировали организовать сбыт добычи?

— У меня есть покупатель. Оптовый. С той стороны «железного занавеса».

— Сколько он предлагает?

— Девять миллионов. Золотом, твердой валютой и отчасти мягкими валютами.

— Хорошо. Пока вы живы и здоровы. Советую и дальше вести себя соответственно.

— Похоже, Хаким запел, — сказала Модести. Пропустив эту реплику мимо ушей, Габриэль обратился к Макуиртеру.

— Это вдвое дешевле, чем получается у нас?

— Так точно. Если пойти по ее пути, мы сэкономим миллион. А миллион фунтов на дороге не валяется. Габриэль перевел взгляд на Модести.

— Как вы выходите на клиента?

— Я никак не выхожу. Он сам должен найти меня в Стамбуле. Как именно, он не уточнял. Просто мне надо быть там через десять дней.

— С алмазами?

Модести нетерпеливо передернула плечами.

— На этой стадии нет. Послушайте, это же очень сложная операция. Мне нужно заменить то, что будет храниться в банке, стекляшками. Это дало бы мне время...

— Оставим пока в покое детали. Насколько реально полученное вами предложение?

— Я бы могла, конечно, сказать, что оно реально на все сто процентов. Но в нашем мире нет ничего стопроцентного. Поэтому я бы оценила сделку как реальную на девяносто пять процентов. Им очень нужны алмазы.

— Ладно. Вы будете в Стамбуле через десять дней. Но под нашим присмотром. — Габриэль откинулся в кресле. — Хороший план, выгодная сделка. Считайте, что мы у вас перекупили клиента.

— Я этого и ожидала, — сказала Модести, пожимая плечами. — Что же я буду с этого иметь?

— Жизнь. Вашу и Гарвина. Ну, а для миссис Фозергилл мы подыщем другую жертву.

Наступила тяжелая пауза. Потом Модести глухо сказала:

— О'кей. Но я вернулась только потому, что наклюнулось самое крупное дело за всю мою жизнь. Лучше бы я оставалась дома. Меньше неприятных эмоций.

Вилли Гарвин усмехнулся, давая понять, что лично он вполне согласен и даже в каком-то смысле доволен, что все так легко и просто обернулось. Окинув взглядом каменные лица собравшихся, он сказал:

— Вот, значит, как? Ну, что ж, уговор дороже денег. Так снимайте наручники и маленько выпьем по этому поводу, а?

Габриэль встал, вышел из-за стола, подошел к Вилли и вдруг резко ударил его по лицу наотмашь.

— Мы еще ни о чем не договорились, — прошипел он. — Вы теперь работаете на меня, Гарвин. Пока дело не будет сделано. И попрошу отставить шуточки. Вы умеете обращаться с газовым резаком?

— Нужно залезть в сейф?

— В большой сейф. Вы умеете действовать быстро и в сложных условиях?

— Разве я похож на маменькиного сынка?

— Сколько раз повторять? — сказал Габриэль. — Отставить шуточки. — Он повернулся к Модести и ударил ее по лицу. — Ну?

Вилли испустил вздох и сказал:

— Я умею обращаться с газовым резаком и могу действовать быстро и в сложных условиях. — Он надеялся, что его послушание не

вызовет подозрений. Пощечина, полученная Модести, была воспринята им с тем же спокойствием, что и оплеуха, нанесенная Габриэлем ему. Просто нужно было выказать определенную независимость и лишь потом капитулировать. Вилли решил, что все сыграно достаточно правдоподобно.

— Так-то лучше, — сказал Габриэль, и, повернувшись к Боргу, добавил: — Проинструктировать его. Пусть проверит оборудование. Он должен знать маршрут, расстояния, время операции, план корабля. Сколько на это понадобится времени?

— Если он парень сообразительный, то часа два, — сказал Борг, вставая. — А он вроде не дурак.

— Значит, время есть. Займитесь делом. — Габриэль посмотрел на Макуиртера. — За полчаса до работы бензедрин.

— Есть. У него будет трудная ночка. А как насчет мадам? — Он кивнул в сторону Модести.

— Четвертая каюта. Наручники не снимать. И приставить к дверям человека.

Модести проснулась через три часа. Она сразу поняла, где находится. Вторая койка в маленькой каюте по-прежнему пустовала. На ней лежала куртка Вилли. Рядом стояли его сапоги. Значит, инструктаж продолжался.

Модести встала, подошла к умывальнику в углу, сполоснула лицо. Наручники позвякивали на запястьях. Глянув в пятнистое зеркало, она поправила несколько прядей и удостоверилась, что шиньон на затылке надежно закреплен. Затем закурила и присела на койку. Сигареты и зажигалку она извлекла из кармана куртки Вилли.

Яхта мерно покачивалась на волнах. Она по-прежнему стояла на якоре. Иллюминатор был задраен. Модести знала, что Поль и Таррант сейчас ведут наблюдение из одного из зданий в порту. Они, конечно, держат под надзором яхту Габриэля «Мандрагора», но Габриэль находился на грузовом судне, в четверти мили от яхты. Ее и Вилли привезли сюда в темноте, но ей удалось прочесть на борту корабля название «Андроник».

На какое-то мгновение Модести подумала о Вилли и о том, что он сейчас делает. Она не беспокоилась за его судьбу. Это было бы проявлением слабости, а она выкинула из головы подобные настроения давно, когда звонок от Хакима возвестил начало их

операции. Ее сознание за долгие годы тренировки превратилось в особым образом отлаженный инструмент, где все, не имеющее прямого отношения к делу, тотчас же блокировалось, зато все существенное точно и надежно фиксировалось.

Открылась дверь, вошла миссис Фозергилл. Ее туповатый жадный взгляд напомнил Модести мастифа, почуявшего хорошую кость.

— Габриэль хочет, чтобы ты посмотрела, как работает аппаратура, — сказала она и хихикнула. — Он ею сильно гордится, и я его понимаю.

— Можно снять эти наручники хотя бы на пару минут?

— Что? — постепенно с лица миссис Фозергилл исчезло подозрительное выражение, и оно осветилось пониманием.

— Хочешь в сортир? Ладно, милочка, но наручники будешь носить, пока не скажет Габриэль. Ты на вид проворная, так что справишься. Давай-ка сюда.

Десять минут спустя Модести стояла рядом с миссис Фозергилл на узком мостике и смотрела в трюм. Мостик окружал трюм с трех сторон, и его пол был одновременно днищем судна. Вокруг было человек десять: одни на мостике, другие в трюме.

Внизу, на деревянных колодках, стоял причудливый предмет. Часть сооружения Модести показалась знакомой — большой приплюснутый стальной пончик с фибerglassовой оболочкой и с двумя фибerglassовыми же иллюминаторами. Из кормы выступали две короткие трубы, через которые прокачивалась вода для движения и маневрирования. Причудливость заключалась в наличии большого, поставленного вверх тормашками колокола, который венчал это «ныряющее блюдо». Колокол был прикреплен с помощью стального ошейника, поверх которого шла резиновая полоса. Сверху Модести видела внутренности колокола и круглый открытый люк в его основании. Из люка тянулись три нейлоновых каната, прикрепленных к стальным скобам в металлическом корпусе «блюда». Шестеро механиков копошились, проверяя кабели питания, которые были расположены между внешней фибerglassовой и внутренней стальной оболочками. Вилли Гарвин стоял и следил за их работой. На нем был легкий комбинезон и туфли на резиновой подошве. Наручники с него сняли. Маленький смуглый человечек в таком же комбинезоне

карабкался по веревочной лестнице к колоколу. Он забрался на «блюдце» и исчез в люке.

Вилли Гарвин поднял голову и увидел Модести на мостике. Она подняла скованные руки вверх в знак приветствия. Вилли улыбнулся, показал головой на аппарат и покачал головой в знак невольного восхищения.

Габриэль, Борг и Макуиртер стояли на другом мостике у приборной доски и телефона. Увидев Модести и миссис Фозергилл, Макуиртер бросился к ним, весело потирая руки.

— Ну, как нравится, юная гостья! — спросил он.

— Пока не могу сказать, — медленно отозвалась Модести. — Это аппарат Кусто? «Ныряющее блюдце»?

— Аппарат Джолитти. Они похожи.

— Как же Габриэль его раздобыл?

— О! Это человек, у которого много всяких полезных начинаний. Среди прочего он владеет киностудией документальных фильмов. Очень кстати.

— И они ведут подводные съемки?

Макуиртер ткнул ее костлявым локтем в бок и подмигнул:

— У вас отлично работает дедуктивное мышление, юная прелесть. Да, одна съемочная группа как раз ведет подводные съемки в районе греческих островов. Вот они и арендовали это блюдечко за большие, между прочим, деньги.

— А вы кое-что к нему добавили, — заметила Модести, показывая на колокол.

— Добавили. В интересах дела.

— Это выделит его из ему подобных.

— Мы уберем ненужное, когда дело будет сделано, — уверил ее шотландец.

— Так, что не останется следов?

— Сушая правда. Но в последний день съемок блюдечко потерпит аварию, которая приведет к тому, что верхняя часть корпуса окажется поврежденной.

— Причем блюдце должным образом застраховано?

— Господи, когда же вы наконец заткнетесь? — с какой-то тоской протянула миссис Фозергилл. Облокотившись на перила мостика, она смотрела вниз с бессмысленным вниманием. — Слова, слова,

сплошные слова. Нет, если мне позволят поработать с вами, Макуиртер, я начну с вашей глотки.

Шотландец весело расхохотался и сказал:

— Милое создание...

Тем временем Вилли Гарвин забрался в колокол, исчезнув за двойным люком, предварительно закрыв за собой крышку внешнего люка. Габриэль смотрел на блюдце и говорил по телефону. Судя по всему, шла проверка.

— Габриэль поддерживает с ними контакт? — спросила Модести.

Макуиртер покачал головой.

— Только косвенный. Через радиорубку. Оттуда радист и ведет переговоры на длинных волнах. Потом мы туда заглянем.

Габриэль положил трубку и что-то сказал Боргу, который крикнул:

— Готовность номер один!

Те, кто был возле аппарата, отошли подальше. Нависло тяжелое молчание. Все словно окаменели.

— Пускайте! — сказал Габриэль.

Заработал двигатель, и нейлоновые канаты приподняли аппарат с колодок. Тут же подбежали матросы и вытащили колодки. Габриэль подал знак кому-то внизу, кого Модести не видела. Вскоре послышались грохочущие звуки, и стальные пластины днища разошлись в стороны, отчего отвалилась полоса конопатки.

Темная маслянистая вода гавани тихо заплескалась на дне трюма, но она почти не поднималась, потому что герметический трюм сам по себе служил водолазным колоколом. Еще один сигнал, и сложный механизм погрузился в воду. Матросы отцепили нейлоновые канаты.

Габриэль снова снял телефонную трубку и что-то сказал в нее. Прошло пять секунд, и Модести увидела, как колокол стал заполняться водой.

— Они закачивают туда воду, — сказал Макуиртер. — Иначе она хлынула бы туда потоком и блюдечко перевернулось бы.

По мере того как вода в колоколе поднималась, сам аппарат опускался. Вскоре на поверхности остался только кончик колокола, а затем и он исчез. Снова загрохотали стальные пластины, и матросы побрели по залитому водой днищу, чтобы законопатить место соединения.

— Пойдемте в радиорубку, Макуиртер, — сказал Габриэль. — И захватите с собой Блейз.

К переборке рубки был прикреплен план — длинная бумажная полоса со схематическим изображением парохода, подводного аппарата, а также шкалой расстояний и времени на каждую операцию.

В открытый иллюминатор на противоположной стороне каюты Модести видела белый корабль у самого входа в канал. Она решила, что это «Тибория». Судя по всему, Хаган и Таррант сейчас наблюдают в бинокли за «Тиборией», а также следят, не двинется ли к ней яхта «Мандрагора», на которой, по их предположениям, томятся в плену она и Вилли. Но они совершенно не подозревают, что источник опасности — серое грузовое судно «Андроник».

Итак, «Тибория» и «Андроник» поплывут дальше, а «Мандрагора» останется на рейде. Интересно, когда же Таррант и Поль поймут, что их провели. Поскольку Модести не знала, как точно ответить на этот вопрос, она выкинула его из головы.

— Я объяснил Гарвину, что случится с вами, если он завалит работу или попытается выкинуть какой-нибудь фокус. Рассказал в деталях, — произнес Габриэль.

— Он не забудет, — сказала Модести и подняла руки. — Итак, вы купили мое участие ценой моей жизни и хотите, чтобы алмазы были проданы моему клиенту. Неужели я должна и Дальше ходить вот так?

— В браслетах? — спросил Габриэль, улыбаясь так, что зубов видно не было. — Они для вашей же собственной безопасности, в случае, если у миссис Фозергилл возникнет неодолимое искушение. Пока на вас браслеты, вы ее не интересуете. Это все равно, как если бы на вас были очки.

Миссис Фозергилл хихикнула. Габриэль повернулся и посмотрел в иллюминатор.

— А вопросы задавать я могу? — спросила Модести.

— В этом нет необходимости. У Макуиртера не часто бывает благодарная аудитория. Вы для него просто дар небес.

— Прошу сюда, юное создание, — весело проговорил Макуиртер, подводя Модести к плану на переборке. — Наш подводный аппарат должен проплыть примерно полмили, пока не окажется возле «Тибории». Без надстройки он делает полтора узла, с ней меньше узла.

— А почему же дополнительный вес не переворачивает ваше блюдо?

— Почему? — переспросил Макуиртер, потом после паузы ответил: — Потому что срабатывает ртутный балласт.

Модести поняла, что он просто строит догадки. Впрочем, кое-кто знал это наверняка. Это было детище Габриэля, а потому все, разумеется, было самым тщательным образом проверено.

— Вы должны быть уверены, что ваша машинка доедет до «Тибории» вовремя, — продолжала Модести. — Ей для этого нужно полчаса.

— Да, но мы пустили ее двадцать минут назад, когда пароход еще шел по Разэль-Эшу.

— И все-таки ваши расчеты не гарантируют успеха. Вы знаете, сколько собирается дрейфовать «Тибория»?

Макуиртер глянул в иллюминатор на белый пароход и сказал:

— Нет. Если не будет ни пассажиров, ни почты, остаются еще разные формальности, а также лоцманский катер. Минимум полчаса. Но мы все уже отрепетировали. — Он помолчал и, задумчиво почесав подбородок, добавил: — Правда, без Гарвина.

— Что он должен сделать?

— Ничего, пока не произойдет контакта. А это не его забота.

— Но это филигранная работа. Как же блюдо отыщет свою цель?

— С помощью специальных приборов. Оно окажется как раз под хранилищем. Там, кстати, находятся не только алмазы, но и контейнер с ценным фарфором...

— Ну, конечно, — кивнула Модести. — Доставляется для одной из компаний Габриэля, а в контейнере с фарфором также есть кое-что для наводки...

— Так точно. Как только Гарвин подаст радиосигнал на определенной частоте, наводящее устройство будет приведено в действие.

— Но все равно существует вероятность ошибки. Откуда вам, например, известно, что ваш контейнер находится именно в той части хранилища, где вам нужно?

Не отходя от иллюминатора и не поворачиваясь, заговорил сам Габриэль:

— Мы знаем все, что находится в хранилище. И где находится. Этот план нам обошелся недешево, но мы надеемся окупить расходы с лихвой. — Он взглянул на часы на переборке над столом радиста. — Скоро они выйдут на связь.

Миссис Фозергилл зажгла окурочек сигары. Она вяло оглянулась по сторонам, потом наклонилась, взяла стул одной рукой за ножку, а затем, вытянув руку, держала его так, что у нее проступили жилы и сухожилия. Она смотрела на часы.

— Что случится, когда они прибудут на место? — спросила Модести.

— Наша киска окажется вот тут. — Макуиртер ткнул длинным пальцем в план и хихикнул. — Признаться, я всегда думал, что у кораблей днища заостряются книзу, но у «Тибории» все плоское. Значит, они подходят снизу, колокол вступает в соприкосновение. — Он говорил и водил рукой по схеме. — Магнитный контакт. Вполне достаточно, чтобы держаться на месте. Они сбросят двести пятьдесят фунтов балласта, и опять же не надо забывать давление снизу вверх. Ну и к тому же из колокола откачают воду.

— Итак, блюдце с колоколом в определенный момент прилипнет к дну «Тибории»?

— Да. Это как раз должно случиться сейчас. И пока пароход не тронется, контакт сохранится.

— Пароход может тронуться в течение ближайших двадцати минут. Значит, Вилли сейчас придется поработать?

— Да уж, причем как следует, моя дорогая, — сказал Макуиртер и посмотрел на Модести. Она увидела в его голубых глазах искорки жестокости. — Как следует...

Модести выдержала его взгляд, хотя это потребовало от нее определенных усилий.

Глава 16

Вилли Гарвин скрючился в колоколе, прислонившись спиной к его стенке. Ноги его находились по обе стороны двойного люка. Сейчас отверстие люка было накрыто резиновым диском, через который проходили провода, тянувшиеся к газосварочному аппарату, который был у него в руках. Еще один провод подсоединялся к маске акваланга. На Вилли были темные очки, на лбу — маленькая, но мощная лампа.

Вилли включил аппарат, отрегулировал пламя, затем вытащил из кармана комбинезона длинный брус металла, который стал расплавлять, соединяя с его помощью кромку колокола и днище корабля. Вскоре внутренности колокола наполнились дымом. Стараясь дышать ровно, Вилли сделал восьмидюймовый сварочный шов по окружности колокола. Когда шов был готов, он неуклюже развернулся и сделал такой же шов на противоположной стороне.

Шесть минут спустя он все закончил. Несмотря на прохладную водную среду, в колоколе сделалось невыносимо жарко.

Он переменял положение и стал проделывать то же самое в третьей точке колокола. Мускулы на руках и ногах неистово протестовали против такого дикого напряжения. Когда он начал четвертый и последний шов, колокол вдруг зашатался, задрожал, затем началась устойчивая, ровная вибрация. Пароход двинулся в путь.

Вилли посмотрел на пламя сварочного аппарата, уменьшил приток ацетилена и снова взялся за дело, работая почти вслепую: он практически ничего не видел за густым дымом. На этот раз операция заняла гораздо больше времени, чем прежде. Когда все было закончено, Вилли окунул свой инструмент в воду и обессилено осел вниз, судорожно вдыхая воздух из трубки.

Затем он наклонился и трижды постучал по краю люка. Тут же раздалось шипение, и зловонные пары стали редеть. Их начали откачивать, наполняя колокол свежим воздухом, поскольку пароход двигался, пузыри воздуха уже не могли привлечь постороннего внимания: они смешивались с пеной, оставляемой «Тиборией».

Вилли пихнул ногой резиновый диск, отчего тот провалился вниз, и передал инструмент пилоту. Вытащив трубку акваланга, он присел на

корточки, разрешив своим мускулам маленькую передышку.

Между ногами Вилли возникла голова пилота.

— Продолжай, — крикнул он и жестами показал, что надо поторапливаться.

— Сейчас, — сказал Вилли и, сдвинув очки, позволил себе немного расслабиться. Чуть закинув голову, он стал разглядывать в свете лампы сделанные им швы. Сварка удалась. Когда корабль только начал двигаться, возникла опасность, что швы не сумеют выдержать инерцию колокола, но этого не произошло. Теперь все было в порядке.

Минут пять спустя Вилли просигналил пилоту, и ему передали длинную целлофановую трубку. В ней была смесь пеньки и пластичного металла. Вилли приоткрыл один ее конец и стал засовывать прокладку в отверстия между четырьмя швами, подправляя ее шпателем. Полчаса спустя смесь должна была превратиться в надежную, намертво схватывающуюся массу.

Выполнив все необходимые манипуляции, Вилли вернул пилоту и шпатель, и целлофановую оболочку. Самая сложная часть операции была выполнена. Оставалось, разумеется, сделать немало, но тут, по крайней мере, можно было не торопиться.

— Не торопиться, — пробормотал Вилли, вытирая пот со лба. Он поднес палец к кнопке на черной ленте вокруг шеи и нажал.

— Огурец, — отчетливо сказал он. Чувствительный микрофон должен был подхватить звуки его голоса и передать прямехонько в радиорубку на «Андронике». «Огурец» было кодовым словом, означавшим, что первая и самая сложная стадия операции была успешно завершена. Интересно, подумал Вилли, взяли ли они с собой в радиорубку Модести. Хорошо бы, если бы взяли. Операция разворачивалась лихая.

Пилот передал ему большой фиксированный циркуль, и Вилли провел им на стали меловую окружность диаметром тридцать дюймов. Внизу пилот подводил к инструменту Вилли кислород, чтобы превратить последний в резак.

Вилли взял свой прибор, отрегулировал пламя. После чего начал проделывать круглое отверстие в днище «Тибории».

— Лотос, — проскрежетал голос в громкоговорителе, и в радиорубке это вызвало оживление.

— Он проник! — воскликнул Макуиртер, тыча пальцем в план. — Причем в правильном месте! Сейчас он в проходе между цистернами для воды. Ему остается измерить расстояние, а потом прорезать отверстие в полу хранилища.

Модести посмотрела в иллюминатор. «Тибория» двигалась параллельным курсом, примерно в миле от их правого борта. Порт-Саид уже исчез за горизонтом. Она представила себе, как Вилли пробирается по внутренностям «Тибории» ниже ватерлинии.

— Они явно заметили, что мы движемся тем же курсом и с той же скоростью, что и они, — сказала она. — Что будет, если они вдруг пожелают проверить, как дела в хранилище?

— Вы бы так поступили? — осведомился Габриэль, и в его голосе послышалось презрение. — Они следят за нами. Ищут, нет ли замаскированных орудий, смотрят, не делаем ли мы попытку приблизиться и взять их на abordаж. Что удивительного в том, что два парохода некоторое время идут параллельным курсом? Неужели вы сразу подумаете, что кто-то проник на пароход снизу, прорезав днище, и теперь вламывается в хранилище?

— В Бейруте! — весело воскликнул Макуиртер. — Вот где обнаружится пропажа! «Тибория» придет в порт ночью, они выставят полк охранников, чтобы доставить сокровища в банк. Тогда-то они откроют хранилище, а алмазов и след простыл. — Он прикрыл на мгновение глаза, потом широко открыл их, раскинул по сторонам руки и с деланным ужасом уставился в пол. — Мыши! — взвизгнул он.

Миссис Фозергилл тупо выпучилась на него, постепенно до нее дошел смысл им сказанного.

— Мыши! — повторила она и усмехнулась. — Неплохо, мистер Макуиртер. Неплохо.

Двадцать минут спустя в динамике послышался шум.

— Подсолнух! — произнес голос Вилли Гарвина.

Он стоял в хранилище, держа в руке кусачки. За ним, в футах от большого деревянного контейнера, в полу зияло большое рваное отверстие, вырезанные куски стали лежали теперь в проходе четырьмя футами ниже. На лбу Вилли была все та же лампа, от которой тянулся длинный, закрепленный у него на поясе провод, уходивший сначала в дыру, а потом по проходу в колокол и в блюдце к батареям питания.

Два металлических контейнера находились именно там, где указал ему на фотографии Борг — у стены. На каждом из них были замки с печатями. Вилли срезал оба замка. По очереди открыв каждый из ящичков, он приподнял лежавшие сверху прокладки, проверил содержимое. Алмазы напоминали гальку. Зачерпнув по пригоршне из каждого ящичка, он внимательно осмотрел камни, удовлетворенно положил драгоценности обратно и закрыл ящички; из кармана комбинезона извлек новые замки и закрепил их на скобах.

Пилот Луиджи оттащил кислородно-ацетиленовый аппарат по проходу. Затем его голова снова появилась в отверстии. Вилли подтащил к дыре поочередно оба ящичка и стал протискивать их в дыру. Луиджи помогал снизу.

Им понадобилось десять минут на то, чтобы извлечь ящички из хранилища, протащить их по проходу и затащить сначала в колокол, а потом через двойной люк в блюдце.

Вилли нажал на кнопку микрофона и сказал:

— Мимоза.

Пилот улегся на поролоновый матрас, держа руки на рычагах управления и глядя в один из иллюминаторов. Вилли задраил внешний люк, затем внутренний.

Пилот же переправил ртутный балласт вперед, чтобы в нужный момент блюдце могло начать погружение. Когда Луиджи дал команду, Вилли положил руку на рукоятку, соединявшую четыре маленьких рычажка. Затем он потянул ее вниз. Раздался металлический щелчок сверху: замки, прикреплявшие колокол к блюдцу, открылись. Колокол и блюдце разъединились. Аппарат начал плавно погружаться, оставив колокол под днищем корабля. Вскоре они услышали сверху гул винта «Тибории». Луиджи выровнял блюдце, и оно повисло в воде, словно морское чудовище.

Вилли нажал кнопку микрофона и сказал:

— Рандеву.

Услышав Вилли в динамике радиорубки «Андроника», Модести обратила внимание на усталость в его голосе. Да, ему нынче крепко досталось, но Модести знала его выносливость. Еда и несколько часов сна снова вернут его в строй.

Макуиртер в восторге затопал ногами и захлопал в ладоши. Миссис Фозергилл захихикала, почесывая свои светлые кудри. Даже

Габриэль выказал признаки чувств: его губы чуть дернулись, и серые щеки слегка зарумянились.

Сняв трубку телефона и глядя на Модести, он приказал:

— Остановить машины.

— Теперь, значит, мне остается лишь продать товар, — сказала Модести.

Габриэль кивнул, кладя трубку обратно.

— Продать для меня, — поправил он Модести. — И под моим присмотром. О деталях договоримся позже.

— Об этом и речь, — сказала она, пожимая плечами. — Я же занимаюсь этим делом, чтобы получить прибыль, а не синяки.

— Продолжайте в том же духе.

— Непременно. Степень моего усердия обратно пропорциональна количеству синяков. Если меня покормят, наши сотрудничество, смею вас уверить, не пострадает.

Габриэль внимательно посмотрел на нее, потом сказал:

— Это можно. — И добавил: — Займитесь этим, Макуиртер.

В большом кабинете, окна которого выходили на гавань Порт-Саида, Таррант схватил два донесения и стал их читать.

— По-прежнему какая-то ерунда, — буркнул Хаган. Он стоял у окна и смотрел на «Мандрагору». От яхты к пирсу шел катер.

В кабинете был и третий человек в форме майора египетской армии. Он сидел за столом с тремя телефонами.

— Все сплошная чушь, — отозвался Таррант. — Донесения были от капитана «Тиберии». В первом сообщалось, что примерно в течение часа грузовое судно «Андроник» шло параллельным с ними курсом. Ничего подозрительного на борту «Андроника» замечено не было, но он на всякий случай велел орудийным расчетам занять свои боевые посты.

Во втором донесении, посланном полтора часа спустя, говорилось, что «Андроник» лег в дрейф и остался позади. Капитан извинялся за причиненное беспокойство.

— Нет, тут что-то есть, — сказал Таррант. — Не может быть, чтобы это второе судно появилось случайно.

— Но что тогда все это значит? — спросил от окна Хаган. — Что, черт побери, происходит?

Таррант промолчал. Он велел проверить, есть ли на борту «Мандрагоры» Габриэль, и теперь ждал результатов. Пять минут спустя в кабинет вошел работник порта и учтиво отдал честь майору.

— Этого Габриэля там нет, — сказал он по-английски. — Я им сказал, что он нужен для некоторых таможенных формальностей. Но его там нет. Капитан сообщил, что он ночью куда-то отбыл с другими пассажирами, только ему неизвестно, куда именно.

— Они на «Андронике», — сказал Хаган и выругался. — Равно как и Модести с Вилли.

— Возможно, но зачем? — Таррант стал устало тереть глаза. — Зачем они преследовали «Тиборию»? Что они сделали или что хотят сделать? Может, они попробовали какой-то трюк и ничего у них не вышло?

— Черт бы побрал эти алмазы! — сказал Хаган, махнув рукой. — Габриэль исчез где-то в Средиземном море. И к тому же забрал с собой Модести. Если им не удалось заполучить алмазы, она ему больше не нужна. Ну, что мы будем делать?

— Без тщательного поиска с воздуха до наступления сумерек ни на что надеяться не приходится, — сказал Таррант. — Мы не сможем установить местонахождение «Андроника».

— И что же?

— А то, что нам придется сидеть и ждать. И уповать на то, что Модести и Вилли сумеют за себя постоять.

Вилли Гарвин открыл глаза. Он лежал на спине на узкой койке в каюте. Руки в наручниках были сложены на животе.

Шесть часов назад он появился в герметично закупоренном трюме «Андроника», доложил Габриэлю, плотно поел и заснул. Он знал, что проспал шесть часов, потому что поставил свой внутренний будильник именно на этот срок.

— Не вставай, Вилли-солнышко, — услышал он. Модести пододвинула к кровати табуретку. У нее в руках были плошка с горячей водой, мыло и открытая бритва.

— Господи, где это ты раздобыла такое. Принцесса? — удивленно воскликнул Вилли.

— Попросила у Макуиртера. Он очень развеселился, но попридержал язык. И выполнил мою просьбу. В конце концов, зачем

нам тут бритва? Или побриться, или перерезать себе горло. — Она стала водить мокрым куском мыла по подбородку Вилли.

— Я сам, Принцесса. Я уже большой мальчик!

— Если большой, так не спорь. Лежи и не дергайся.

— И ты справишься, несмотря на наручники?

— Не волнуйся. Когда я закончу, ты еще будешь в сознании.

Модести умело обращалась с бритвой. Еще когда она работала в Танжере на Луша, какую-то часть дня она помогала в парикмахерской при публичном доме высшего разряда. Там собирались мужчины и обменивались репликами, из которых можно было почерпнуть много ценного.

Вилли Гарвин прикрыл глаза и расслабился. Ему было приятно прикосновение прохладной бритвы, уничтожавшей щетину на его щеках. Ему было приятно лежать тут после хорошо выполненного и невероятно трудного дела.

— Надо отдать должное Габриэлю, Принцесса, — пробормотал он уголками губ. — Крутая получилась операция.

— Круче не бывает! — Она тихонько подергала его за мочку уха. Этим она хотела напомнить, что каюта, возможно, прослушивается. Не исключено, что именно поэтому ее приглашали и в радиорубку, и в трюм — чтобы без помех установить тут микрофоны.

Вилли открыл один глаз и тут же его закрыл, давая понять, что сигнал услышан.

— Но что произойдет, когда «Тибория» прибудет в Бейрут и выяснится, что стекляшки сплыли? — спросил он. — Тут сделается жарко, очень жарко. В первом же порту сюда заявится целая армия. Найдут и блюдце, и трюм, и алмазы, и все остальное.

— Нет, я спрашивала об этом. — Модести туго натянула кожу его щеки и ловко провела бритвой. — Сегодня ночью мы покидаем судно — в компании Габриэля и других. Не знаю, правда, куда мы потом направимся. Но судно пойдет дальше, и блюдце сбросят у греческих островов — там, где должна работать съёмочная группа.

— Это неплохо придумано. Но у судна все равно будут проблемы. Его видели. Два часа мы шли параллельным курсом с «Тиборией».

— Первый порт, в который оно зайдет, это Брест. К тому времени трюм примет самый обычный вид. Никто не сможет ни к чему прицепиться.

— А их не остановят в открытом море?

— Кто? — Модести положила бритву и стала насухо вытирать лицо Вилли полотенцем. — Заинтересованные стороны — шейх Абу-Тахир и британское правительство. У шейха нет военного корабля, а британцы ни за что не станут останавливать иностранное торговое судно на основании лишь очень туманных подозрений.

Вилли провел рукой по щеке и сказал:

— Спасибо, Принцесса. Просто высший класс. Я не рассказывал тебе о девице из Сантьяго?

— Кажется, нет. По крайней мере, про Сантьяго не рассказывал. — Она промыла бритву под краном и стала протирать ее.

— Девица была очень даже ничего, — мечтательно протянул Вилли. — Очень страстная. Но любила щетину. Не бороду, не выбритое лицо, а именно щетину.

— Маленькое, но безвредное извращение. — Модести закрыла бритву, положила ее на полочку и улеглась на вторую койку. — Так что же случилось, Вилли?

— Ничего такого. Я вообще пробыл там недолго. Признаться, очень непросто все время поддерживать щетину. А она, по слухам, вышла за парикмахера. Он обрабатывал подбородок и щеки машинкой. И поэтому мог отлично соответствовать ей двадцать четыре часа в сутки.

Модести улыбнулась, достала мятую пачку сигарет, вынула две, зажгла и передала одну Вилли.

— Жаль, Габриэль нас опередил, — сказала она. — Неплохой улов ты притащил с «Тибории».

— Ну, нельзя же все время выигрывать. Если бы мы вовремя узнали, что Габриэль взялся за дело, мы, по крайней мере, могли бы заработать на сбыте.

— Теперь уже поздно об этом. — Она затянулась сигаретой. — Мы останемся с пустыми руками. И это еще если нам повезет.

Вилли понял намек и изобразил легкое смятение.

— Думаешь, он может нас убрать?

— Не исключено, что он рассматривает такой вариант. Только ума не приложу, как он тогда надеется вступить в контакт с моим клиентом в Стамбуле без меня? Он, наверно, решил держать тебя в заложниках, пока все не будет доведено до конца.

— А потом?

— Ну, вряд ли Габриэль отпустит меня, а тебя уберет. Ведь я могу и запеть.

— Верно. Значит, у нас есть шанс.

— Но только если мы ведем себя тише воды, ниже травы. Запомни это хорошенько. От этого зависит все!

— Ясно. — Вилли потянулся и откинулся на подушку. Минуту спустя он спросил:

— А как там эта твоя кобыла в Бенилдоне? Она вроде собиралась ожеребиться.

Глава 17

В одиннадцать часов Макуиртер вошел в каюту Габриэля. Тот, вооружившись вилкой, сидел и угощался салатом с фруктами и орехами. Рядом стоял стакан молока. У переборки сидела миссис Фозергилл и, нахмурия лоб, решала кроссворд в журнале.

Ее неровным детским почерком пока что было вписано только три слова.

— Они беседуют, — доложил Макуиртер. — Все записывается на магнитофон. Большая ценность.

Габриэль вопросительно поднял брови, и Макуиртер пояснил:

— Переливают из пустого в порожнее.

— А конкретнее? Макуиртер прикрыл глаза.

— Беседуют о лошадях. О девице из Сантьяго, о стихах К. С. Льюиса, о том, что Блейз хочет поставить на свою машину кварцевую фару, о Новом Орлеане, о джазе Ала Херта, о том, что на аукционе «Кристи» она купила какое-то серебро. О Гарольде Пинтере — Блейз считает, что он гений, а Гарвин говорит, что он просто театральный мошенник. Еще какая-то электронная чушь насчет генератора, который он где-то там хочет установить. Об Отто Клемеере, который дирижировал оркестром — Девятая симфония Бетховена, о девице из Сингапура.

— Хорошо, достаточно. — Габриэль положил вилку. — Значит, они не говорили о том, что с ними может случиться?

— Буквально несколько слов. Они уверены на девяносто процентов, что выкрутятся — если будут вести себя хорошо.

— Ладно, — Габриэль отпил молока. Миссис Фозергилл почесала бок и, удивленно посмотрев на мужчин, сказала:

— А зачем же их отпускать?

— Вот и я про то же, миссис Фозергилл, — сказал Габриэль, чуть растягивая губы в улыбке. — Не беспокойтесь. Никуда они от вас не денутся. Но всему свое время.

Он допил молоко, оттолкнул тарелку. Вдруг глаза его зажглись предвкушением удовольствия.

— Распорядитесь насчет проектора и экрана, — велел он Макуиртеру. — Времени у нас вагон, и мы успеем еще посмотреть новый мультик.

Деревянный пирс на деревянных сваях находился на самом конце островного мыса. «Андроник» остановился в двухстах ярдах от берега, чтобы не сесть на мель. На воду был спущен моторный катер.

Ночь выдалась теплой, но для Вилли и Модести, запертых в душевной кабине, она показалась прохладной, освежающей. Пока два ящика с алмазами спускали в катер по трапу, они стояли и с наслаждением вдыхали морской воздух. Они не разговаривали, но внимательно вглядывались в очертания острова, видневшиеся в свете полной луны. В монастыре на вершине холма в нескольких окнах мерцали огоньки.

По-прежнему Модести и Вилли были в наручниках. Когда они спустились в катер, там уже сидело четверо. За ними спустились Борг и миссис Фозергилл, и наконец Макуиртер и Габриэль. Катер медленно двинулся к пирсу. Когда они вылезли, то заметили, что «Андроник» уже отходит.

Полчаса ходьбы, и они оказались у подножья холма, откуда начинались ступеньки, которые вели вверх к монастырю. Борг с пистолетом в руке шел за пленниками. За ним следовали Габриэль и Макуиртер. Впереди миссис Фозергилл и четверо мужчин тащили ящики, сменяя друг друга.

Пока они шли, Модести внимательно разглядывала монастырь, пытаясь не только запечатлеть в сознании его внешние очертания, но и вычислить то, что находится внутри. Она знала, что Вилли делает то же самое.

Отворились тяжелые дубовые двери, и Вилли с Модести оказались в огромной кухне. С одной стороны были две большие печи, каждая длиной в шесть футов. В углу находился колодец с низким каменным ограждением, оборудованный воротом. На большом деревянном столе два монаха сосредоточенно месили тесто. Человек с плоским монгольским лицом сидел на стуле, держа на коленях автомат. Из кухни вела широкая лестница с каменными ступенями. Второй пролет, располагавшийся под прямым углом к первому, выводил на длинную галерею, шедшую вдоль стены, за которой, судя по всему, находилась

церковь. Там велись реставрационные работы и царила привычная в таких случаях неразбериха.

Часть деревянного ограждения галереи была снята. У стены стояли лестницы, лопаты, ломики, кирки. У самого края отвесной стены высотой в тридцать футов, на деревянных колодках, виднелся огромный металлический чан в половину человеческого роста, на три четверти наполненный булыжниками. Через три отверстия по кромке были продеты цепи, сходящиеся на крюке. Крюк крепился к массивному тросу, протянутому вверх к лебедке, размещенной под стропилами. Всю церковную мебель убрали, пол был завален мешками с цементом, бревнами, кучами песка, а также разнообразными инструментами. Судя по простоте приспособлений, монахи сами проводили все реставрационные работы.

Модести и Вилли пробирались через заставленную стройматериалами галерею. Борг шел за ними следом. Они внимательно смотрели по сторонам, стараясь не упустить ничего из того, что попадалось им на глаза. Из галереи вела открытая дверь. Пройдя через нее, они оказались в одном коридоре, потом в другом и наконец добрались до большой комнаты, в которой раньше располагалась резиденция настоятеля монастыря.

Два ящика с алмазами уже стояли на столе, и те, кто их сюда доставил, тяжело дышали, еще не успев прийти в себя от проделанной работы. Только миссис Фозергилл не выказывала никаких признаков утомления. Она с надеждой посмотрела на бутылки на столике, затем на Габриэля, который начал открывать ящики.

— Ладно, — сказал Габриэль, — можно и промочить горло. Помогите ей, Макуиртер.

— Я бы тоже выпил... — начал было Вилли, но тут же осекся.

— Правильно, — отозвался Габриэль. — Процесс обучения идет своим ходом. — Потом, уже обратившись к Модести, он спросил: — Как вам наша база?

— На уровне. Как и вся операция, — признала она. — А что станет потом с монахами? Они, конечно, молчальники, но не до такой же степени! Например, они смогут опознать вашу фотографию.

— У них не будет возможности, — сказал Габриэль. — Все исчезнут. «Мария Селеста»^[8]. Большая тайна. Но пока от них немало пользы.

— Но ведь может появиться пароход с продуктами, с оборудованием. Наверно, он приходит по расписанию.

— Каждые три месяца. А мы заняли монастырь через четыре недели после последнего прихода. Когда появится следующий, нас уже не будет.

— Значит, у вас нет проблем, — усмехнулась Модести. — Если не считать сбыта. Когда мы это обсудим?

— Когда я буду готов, — сказал Габриэль и приказал Боргу: — Увести. В отдельные кельи. Каждому по матрасу и по два одеяла, а также ведро и умывальник. Двухчасовая прогулка. Трехразовое кормление. Охранник в коридоре двадцать четыре часа в сутки.

Модести уставилась на него, изобразив на лице сочетание смутения и гнева.

— Что, по-вашему, мы можем предпринять? — сердито осведомилась она.

Габриэль открыл крышки обоих ящиков, удалил прокладки и уставился на алмазы.

— Ничего, — сказал он. — Я как раз об этом и позаботился.

Кельи были в разных концах узкого коридора на верхнем этаже, куда вела узкая винтовая лестница. Пленники поднялись по ней в сопровождении Борга и худого испанца с покрытым шрамами лицом. В двери одной из келий торчал большой ключ. Дверь, сделанная из прочного дерева, с небольшой металлической решеткой, была распахнута. Дверь выглядела старой, но не столь древней, как сам монастырь. Модести сделала вывод, что это место в свое время служило военной крепостью.

Борг вошел в келью, бросил на пол матрас и два одеяла. В углу стояло ведро и металлический таз. С потолка свешивалась на проводе тусклая лампочка. В верхнем углу дальней стены имелось маленькое окошко.

Вилли посмотрел на Модести и спросил:

— Как ты думаешь, когда мы будем есть?

— Наверно, через полчаса.

— Отлично.

— Вы будете есть завтра, — проворчал Борг и толкнул Вилли в камеру, потом запер за ним дверь.

В тридцати шагах от камеры Вилли находилась камера, предназначенная для Модести. Она была почти такая же, только у внутренней стены имелся выступ от дымохода, отчего келья казалась меньше.

— Разве Габриэль не велел вам снять с меня наручники? — спросила Модести.

— Никаких указаний не было, — равнодушно пожал плечами Борг.

Модести вошла в келью и услышала, как за ней закрылась дверь и щелкнул замок. Она обернулась и увидела за решеткой лицо испанца. Судя по звуку шагов, Борг уже спускался по винтовой лестнице. Опустившись на колени, Модести стала расправлять матрас и одеяла.

Вилли Гарвин пролежал с закрытыми глазами ровно тридцать минут — он прекрасно понял инструкции Модести.

Затем он бесшумно поднялся и подошел к двери. Осторожно глянув в зарешеченное окошечко, он увидел, что испанец сидит на стуле в середине коридора и при свете единственной лампочки читает книжку в бумажной обложке.

Вилли поднял правую ногу, осторожно потянул за край резиновой оболочки, покрывавшей низ ботинка. Вскоре резина легко отделилась. Затем большим пальцем он отодрал всю оболочку. Не спуская глаз с охранника, вставил ноготь в паз винта, спрятанного в подошве, и повернул. Винт легко поддался. Несколько секунд спустя Вилли извлек металлический стержень с причудливо изогнутым кончиком.

На другом конце коридора Модести тихо звякнула наручниками о решетку. Испанец встал со стула и подошел к двери, уставясь в нее сквозь прутья решетки.

— Можно чего-нибудь попить? — попросила Модести. — Например, воды?

— Завтра, — сказал испанец, отворачиваясь.

— Погодите. Я прямо-таки вся горю.

Двусмысленность фразы заставила испанца снова повернуться к решетке. В его красных глазках загорелся огонек вожделения. Его звали Каналехос, и его фотография имелась в досье Модести. Она прекрасно знала, что это за человек. До Габриэля он работал на ОАС и слыл большим специалистом по допросам с пристрастием. Особенно он любил работать с женщинами. Модести встречалась с двумя женщинами, которым удалось выжить именно потому, что они быстро

сломались. Впрочем, если бы те, кто скончался в застенке у Каналехоса, могли обмениваться впечатлениями с теми, кто уцелел, они, возможно, решили бы, что судьба оказалась к ним более благосклонна.

— Ну, в чем дело? — спросил он.

— Труба от кухни проходит через камеру. Она пышет, как печка. А я даже не могу снять свитер.

Жестом он велел ей отойти от двери, и Модести тотчас же подчинилась. В замке повернулся ключ, и Каналехос вошел в камеру, сжимая тяжелый охотничий нож.

— Подними свитер спереди, — приказал он.

Модести неловко стала стаскивать липнувший к телу свитер.

— Повернись.

Она подчинилась. Он задрал свитер сзади, забросив его ей на голову. Пальцы ее правой руки нащупали конго, зажатое под левой подмышкой. Несколько минут назад она извлекла это оружие из своего шиньона.

— Повернись.

Теперь Модести оказалась лицом к лицу с испанцем. Он протянул свободную руку, чтобы совсем стащить свитер. Она почувствовала, как палец зацепил за край ее лифчика, чтобы заодно сдернуть и его. На его лице блуждала мерзкая ухмылка. Рука с ножом была совсем рядом.

Она ударила Каналехоса конго так, что край оружия вонзился в кисть испанца, парализовав пальцы. Нож описал дугу в воздухе и упал на матрас.

Не теряя времени даром, она ударила испанца коленом в пах. Глухо вскрикнув, Каналехос стал медленно сгибаться, словно лук под руками стрелка. Затем, схватив конго двумя руками, Модести опустила его что было сил, метя в роковую точку на виске.

Между тем Вилли Гарвин открыл второй наручник и убрал стержень. Он содрал вторую «галошу» с ботинка, встал с матраса, подошел к двери. Выглянув в коридор, увидел, что охранника нет на месте.

Вилли нахмурился и присел у скважины. Да, для такого старинного замка следовало бы выбрать другую отмычку, но и то, что было у него, годилось. Он стал тихо ворочать инструментом в замке, отыскивая выемки. Тут что-то коснулось его отмычки, и он замер. Оказалось, что кто-то пытается вставить в скважину ключ.

Он быстро извлек отмычку и отскочил в сторону, встав спиной к двери. Дверь приоткрылась на два дюйма.

— Никаких лишних движений, Вилли, — тихо сказала Модести. — Это я.

Он отошел от стены. Она вошла в камеру. Свитер на ней по-прежнему был перекручен. Модести вытянула руки, и Вилли стал орудовать стержнем.

— Что Каналехос? — спросил Вилли.

— Я уложила его спать. Вечным сном.

— Давно пора, — кивнул Вилли. — Он и так уже прожил лишнее. — Щелкнула пружина первого наручника, и Вилли занялся вторым. — Ну, а как насчет остальных, Принцесса? — спросил он. — Когда начнем действовать? Как будем их успокаивать? На время или навсегда?

— Навсегда, Вилли. Будем играть по их правилам.

Щелкнула пружина второго наручника. Модести стащила с себя свитер, бросила на пол. Вилли снял куртку, швырнул ее на матрас. Потом снял и темную рубашку. Он повернулся спиной к Модести. Застыл в ожидании. В тусклом свете его кожа выглядела странно безжизненной. Модести нащупала кромку тонкого слоя пленки, потом резко рванула вниз. Послышался такой звук, словно с тела сдирают пластырь.

Вилли поморщился, потом повернулся к Модести. В руках у нее оказалась оболочка из пенорезины, внешний слой которой был телесного цвета. Очень тонкая по краям, в центре оболочка достигала в толщину до дюйма. Она прикреплялась к коже с помощью клейкого пластыря, создавая впечатление нормальной человеческой спины.

Модести выложила «ложную спину» на матрас. Вилли схватил рубашку и начал тереть ею свою настоящую спину, как полотенцем. Затем он с облегчением повел плечами.

— Тяжело пришлось в колоколе? — спросила Модести.

— Работать было трудновато. Там стояла такая адская жарница, я так потел, что боялся, вдруг эта штукovina отклеится.

Вилли присел на корточки рядом с Модести. Они разорвали «спину». Во внутреннем слое обнаружили углубления, в которых находились разнообразные предметы. Вилли начал их поочередно извлекать.

Модести между тем сняла лифчик, положила его на матрас. Он был из двойной эластичной ткани. Отодрав подкладку, Модести извлекла из одной чашечки тонкий моток черного провода, а также маленький пластмассовый цилиндр, в котором находились затычки для носа, с помощью которых она усыпила часового у тюрьмы, где содержался Вилли. В другой чашечке был большой сдутый черный шар и цилиндр побольше, с удлиненным носиком. Выпотрошив лифчик, Модести снова надела его, а затем и свитер.

Тем временем Вилли выложил уже все содержимое своей «ложной спины». Там было два лезвия с длинными тонкими наконечниками, навинчивающимися на костяные рукоятки. Кроме того, он вынул два черных пластмассовых брусочка размерами пять дюймов в длину на три в ширину и на четверть дюйма в толщину, миниатюрный вольтметр величиной с дамские часики, две ручки-фонарика, моток двойного провода с вилками на обоих концах, маленькую плоскую отверточку, батарейку, а также две трубки из нержавеющей стали длиной в восемь дюймов — одну тонкую, другую толщиной с большой палец.

Вилли надел рубашку и куртку и насадил на лезвия ножей рукоятки, после чего отправил их в пустовавшие ножны в левом кармане куртки. Затем он соединил брусочки. Получился миниатюрный передатчик. Он передал трубки Модести, та спрятала их в карманы брюк. Затем Модести надела сдутый шар на носик цилиндра. Окликнув Вилли, она подошла к зарешеченному окну. Вилли положил передатчик на подоконник, затем, обхватив ее за бедра, приподнял так, что она оказалась у решетки. Просунув через решетку шар с цилиндром, она нажала ногтем на кнопочку.

Тотчас же раздалось шипение, и шар стал надуваться. Модести сняла цилиндр, прикрепила черный провод и отпустила шар. Он стал медленно подниматься вверх, а Модести потихоньку разматывала провод. Когда в руках у нее остался конец в три фута длиной, она крепко привязала его к решетке. Теперь шар уже исчез из виду. Он реял на высоте тридцати футов от их окна и в двухстах метрах над уровнем моря. Затем Модести присоединила конец провода к входу для антенны на передатчике и сказала:

— Все в порядке. Вилли опустил ее на пол со словами:

— Обойдемся без батарейки. Здесь есть электричество. — Он кивнул на лампочку, свисавшую с потолка.

Они вернулись к матрасу. Вилли извлек отвертку и вольтметр, а Модести — моток двойного провода. Затем она остановилась под лампой, широко расставив ноги. Вилли поднырнул под нее, потом выпрямился, приподняв ее на своих плечах. Она разделала провода лампочки и провела подсоединение.

— Готово, — сказала она.

Вилли подсоединил второй конец к вольтметру.

— Сто двадцать, — доложил он, глядя на стрелку. — Годится. — Затем он убрал вольтметр, опустил Модести на пол, подошел к передатчику и подсоединил его к сети. Внутри загорелась крошечная контрольная лампочка.

— Работает, — сказал Вилли и, посмотрев в окно, добавил: — С такой антенной они запросто нас обнаружат.

Глава 18

Майор Язерли пробудился от дремы и взял трубку.

— Да, — сказал он по-английски.

Таррант стоял у стола, уставившись на расстеленную карту с чувством полной беспомощности, охватывавшим его за последний час раз десять.

Рядом с картой лежали блокнот и карандаш. Вокруг пестрели вырванные листочки. На них были рисунки — женская рука с сигаретой, женская нога в туфле, потом обнаженное плечо и рука. Таррант догадался, что все это — наброски Модести Блейз. Были там и Другие зарисовки — вариации на одну тему — часть лица, щека и линия плеча — от уха до плеча. Казалось, художник пытается уловить какую-то непослушную линию, которая решительно ему не дается.

Хаган оседлал стул, уронив подбородок на сложенные на спинке руки. Он смотрел куда-то в стену.

Майор Язерли сказал:

— Это из вашего посольства. Из Бейрута передают координаты. — Он стал записывать какие-то цифры на листке.

Внезапно с лица Хагана исчезло отсутствующее выражение, и он бесшумно встал. Таррант подумал, что сейчас он напоминает бомбу с часовым механизмом, которая вот-вот должна взорваться.

— Боже милостивый, — воскликнул Хаган, — неужели они сумели наладить передатчик?!

— Вот, — равнодушно сказал майор.

Хаган схватил листок и подошел к карте. Бормоча себе под нос цифры, он взял линейку и провел черту от Бейрута на запад. Снова зазвонил телефон. На сей раз майор отозвался по-арабски. Хаган подошел к нему, глядя, как он опять записывает цифры.

— Из штаба египетских ВВС, — пояснил майор, передавая листок Хагану. Второй пеленг указывал направление на северо-северо-запад от Порт-Саида и пересекался с первой линией в восьмидесяти милях юго-западнее Кипра.

— Как это они ухитрились подать сигнал с моря? — удивленно спросил Таррант.

— Это не море. Там есть маленький островок. Называется Калитос. Вам про него что-нибудь известно?

— Первый раз слышу. Надо навести справки в посольстве. — Тут снова зазвонил телефон.

— Это опять из вашего посольства, — сказал майор. — Теперь передали координаты с Кипра.

— Спасибо. — Таррант взял листок, передал Хагану. — Я могу с ними поговорить?

Хаган проверил новые данные. Все совпадало. Тем временем Таррант говорил в трубку:

— Да. Остров Калитос. Я хочу знать, кому он принадлежит. Ну так пойдите и проверьте. — Возникла долгая пауза на несколько минут. Затем: — Ах, вот как? Значит, вот где наши друзья? Нет, пока нет смысла информировать Лондон, потому как я точно не знаю, что там происходит. А теперь слушайте внимательно: вам придется пойти разбудить посла.

Хаган обратился к карте и начал измерять расстояния. Итак, Габриэль находится на Калитосе со своими пленниками. До Калитоса можно добраться с британской базы на Кипре за четыре-пять часов. Но сколько уйдет времени на то, чтобы организовать операцию? Он вспомнил, каков порядок продвижения по государственным инстанциям, и почувствовал отчаяние.

Таррант тем временем положил трубку и сказал:

— Калитос принадлежит Турции. На острове нет ничего, только монастырь, которому триста пятьдесят лет, и несколько десятков монахов. И конечно же там нет аэродрома. Чтобы отправить туда военный катер, нужно получить разрешение от турецкого правительства. Не исключено, что, когда они узнают расклад, то сами сделают все, что нужно, от нашего имени. Сейчас разбудят нашего посла, и он займется этим. Если повезет, в течение суток что-то может сдвинуться с места.

— Плохо, черт возьми, — буркнул Хаган. Его лицо потемнело от ярости. — Модести и Вилли дали о себе знать, значит, они приступили к действиям. Они не могут сидеть и ждать у моря погоды. А в одиночку им не справиться. Господи, сутки! Это же слишком долго!

— Может быть, мы уже опоздали, — мрачно произнес Таррант. — Но будем оптимистами. Предположим, они в состоянии продержаться

еще несколько часов. Как мы сможем им помочь?

— А вдруг Абу-Тахиру удастся уговорить египетского президента оказать содействие? Послать, скажем, военный корабль? Пока он ни в чем ему не отказывал.

Таррант посмотрел на огни порта и сказал:

— Ни одно правительство не захочет начать военной операции, не используя вначале дипломатические каналы... — начал он, но потом вдруг осекся, посмотрел на Хагана и сказал: — Я не прав. Есть все же одно правительство, которое плевать хотело на всю эту волокиту.

Хаган недоуменно посмотрел на него, затем вдруг просиял.

— А как насчет транспорта?

— Можно нанять. В зависимости от того, что есть в наличии. Но я кое-что заметил, когда договаривался о радиослежении. — Он замолчал, выжидательно посмотрел на Хагана, чувствуя, как его охватывает возбуждение. — Затем обратился к майору Язерли: — Не могли бы вы соединить меня с отелем «Хилтон-Нил»? — вежливо осведомился он.

Макуиртер оттолкнул карты и стал пододвигать к себе деньги.

— Я уже замечал, — сказал он без тени улыбки, — что женский ум, дорогая миссис Фозергилл, пренебрегает правилами статистики. Вероятность прикупить одну карту, чтобы получить цвет, — четыре к одному. В то время как шансы становятся равны пяти к двум, если вы хотите поменять три карты и, имея пару, улучшить комбинацию.

— Если вы знаете это и все же играете, — мрачно возразила миссис Фозергилл, — то получается, что вы пользуетесь своим мужским преимуществом. А это нечестно.

Макуиртер, подсчитывая выигрыш, лучезарно улыбнулся ей и сказал:

— В жизни не позволил бы себе воспользоваться моим мужским преимуществом, имея дело с такой соблазнительной особой.

Борг хмыкнул. Он прикреплял конец фортепьянной струны к деревянной рукоятке.

— Не надо подкалывать меня, мистер Макуиртер, — сказала миссис Фозергилл, на щеках ее появился тусклый румянец.

— Подкалывать? Вас? — Макуиртер изобразил крайнюю степень замешательства.

— Да, да. Вы говорили иронически.

Четвертый игрок — англичанин по фамилии Рудсон — закурил сигарету. У него было лицо развратника, а акцент — выпускника английской частной школы с легкой примесью американской гнусавости. Он провел два года на западном побережье, работая у босса сицилийской мафии. Как и Борг, он был хладнокровным убийцей.

— Никакого насилия, — заметил он. — Наш Габриэль — ангел и не потерпит ничего подобного. Не обращайтесь внимания на Макуиртера. Просто он не может не подкалывать людей.

— Верно, — сказал Макуиртер и встал. — Я на боковую. Кто охраняет наши драгоценные алмазы?

— Солтер, Джузеппе и Бабур, — сказал Борг. — Фозергилл, Крокер и Рудсон заступают в три.

Миссис Фозергилл мрачно покосилась на Борга, который дернул за деревянные колодки так, что струна завибрировала.

— Никаких фокусов с этой самой Блейз и Гарвином! Они мои. Так сказал Габриэль, — предупредила она. Борг равнодушно пожал плечами.

— А знаете, что я думаю, — начал Макуиртер. — Ради разнообразия неплохо было бы кого-нибудь повесить. Конечно, смотреть, как вы работаете, миссис Фозергилл, — одно удовольствие, да и Борг со своей сырорезкой тоже молодчина. — Он потянулся и зевнул. — Но все же я, например, никогда не присутствовал при повешении. А в этом есть свой смак, своя неповторимая атмосфера, прелесть ритуала. Вы со мной не согласны?

Миссис Фозергилл нахмурилась.

— Не знаю, — сказала она после раздумий. — В этом нет... — она запнулась, подыскивая подходящее слово, — нет, на мой вкус, никакой интимности. А она возникает, когда делаешь это своими собственными руками.

Модести вытащила ремень из брюк, перевернула, и снова надела его. Теперь на нем появилась петля, которая могла держать пистолет.

Вилли сел на корточки, потянул Модести за брючину. Она положила ему ноги поочередно на колени, и он снял с ее ботинок «галоши».

Затем он выпрямился и вопросительно посмотрел на Модести.

— Мы постараемся особо не шуметь, — сказала она, — возьмем алмазы и отнесем их в катер, что у пирса. И в путь. Я точно не знаю, где мы, но вряд ли очень далеко от Кипра.

Вилли кивнул, не ставя под сомнение справедливость ее предположения. У нее в голове был встроен компас. Модести можно было посадить в машину с завязанными глазами, провезти двести миль по самому немыслимому маршруту, но и тогда она не только могла установить, где север и откуда они выехали, но еще попытаться определить расстояние между пунктом отправки и пунктом остановки.

— Получается, нам придется сделать две ходки, — сказал Вилли, — до пирса далеко, а груз тяжелый.

— Да, но до смены караула целый час, и пока вряд ли кто-то нас хватится. — Взгляд у Модести сделался отстраненный, она занималась подсчетами. — К тому времени мы уже будем у пирса со вторым ящиком. Нет, Вилли, все должно получиться, если, конечно, первая ходка будет удачной.

— Верно.

Молча они вышли в коридорчик и стали бесшумно спускаться по лестнице. Теперь перед ними был широкий коридор, тонувший в темноте. Вокруг стояла мертвая тишина. На этих этажах никого не было. И монахи, и люди Габриэля занимали два нижних этажа, там же дежурили часовые.

— Дойдем до западной стороны по этому этажу, — прошептала Модести. — Все лучше, чем идти там, где их много.

Она включила один из крошечных фонариков и продвигалась, прикрывая его свет ладонью. Вилли шел чуть сбоку и сзади. В руке у него был нож, он держал лезвие тремя пальцами.

Но в западном конце лестницы не оказалось, и им пришлось повернуть назад и дойти до середины этажа.

Три минуты спустя они стояли у входа в длинную трапезную. Она была хорошо освещена, и в дальнем конце на деревянном стуле сидел человек с винтовкой на коленях. Винтовка была марки «кольт-АК-15», с пятизарядным магазином. Человек протирал ствол ветошью и тихо разговаривал с винтовкой по-французски. Он что-то бормотал, напевал, а потом вдруг вскинул ее и куда-то прицелился.

Модести оттащила Вилли назад и прошептала, приблизив губы к его уху:

— Нам надо пройти через трапезную. Некогда искать обход. Ну что, для ножа далеко?

Вилли вытянул руку ладонью вниз и с сомнением ею покрутил. До человека было шагов тридцать. Модести кивнула и вытащила из правого кармана на бедре стальную трубку. Вилли взял ее и отвинтил колпачок на конце. Внутри оказалось четыре стальных стержня, каждый толщиной в четверть дюйма. Один из стержней сужался до булавочного острия, и все они были снабжены резьбой. Вилли начал соединять их в единое целое.

В руках у Модести оказалась и вторая трубка, потолще. Она состояла из раздвижных секций, а когда Модести вытащила все звенья, достигла длины в четыре фута. В середине она была довольно толстой, а к концам сужалась.

У Модести в руках был короткий стальной лук, который Таррант видел в оружейной Вилли Гарвина.

Эксперты утверждали, что такой лук изготовить нельзя. Они говорили о массе и энергии, о запаздывании, о пределе прочности при растяжении, но Вилли продолжал работать. Восьмая модель оказалась боеспособной.

Затем из шва свитера Модести извлекла длинную жилу с петлями на конце, каковую приладила к луку в качестве тетивы. Вилли к тому времени подготовил стрелу. Затем из кожаного пояса Модести вынула пластмассовые элементы оперения. Вилли быстро приладил их и проверил на симметричность. Весь процесс сборки лука и стрелы занял не больше тридцати секунд.

На другом конце трапезной часовой по-прежнему ворковал над своей винтовкой, словно это была его любимая женщина. Модести заняла позицию в шести футах от открытой двери. Она натянула лук. Прицелилась. Затем тренькнула струна, и стрела, просвистев в воздухе, вонзилась в сидевшего на стуле. Он легко качнулся и застыл в прежней позиции, держа в руках винтовку, только голова чуть упала на грудь, а на темном фоне рубашки забелело оперение стрелы. Модести опустила лук, потом разобрала его и попрятила детали.

Вилли и Модести молча проследовали через трапезную. Стрела вонзилась часовому чуть ниже грудины, прошла насквозь и

пригвоздила свою жертву к деревянной спинке стула. Вилли взял винтовку из рук убитого, посмотрел на Модести, но та покачала головой.

— Слишком громоздко. Проверь, нет ли у него пистолета. Но другого оружия при часовом не оказалось. Тогда Вилли взялся двумя руками за торчавший конец стрелы и, упершись ногой в труп, извлек ее, вытер о рубашку часового, развинтил и передал Модести.

За трапезной были три небольших смежных зала. Из третьего на длинную крытую галерею выходило высокое окно. Они прошли по галерее шагов пятьдесят и оказались у полукруглой террасы, с низкой каменной оградой. Над террасой был балкон, откуда через плохо задернутые шторы виднелась полоска света.

— Это, наверно, комната, где они хранят алмазы, — сказала Модести. — Я беру окно, ты дверь. Сколько тебе нужно времени?

Вилли погрузился в расчеты, прикидывая количество ступенек и коридоров, потом сказал:

— Четыре минуты.

— Ладно. Там, наверно, двое, а может, и больше. Я появляюсь первой и отвлекаю их внимание. Когда услышишь шум, входи. Причем быстро.

Он коснулся ее плеча в знак согласия, и тут же исчез за дверью. Модести бегом помчалась по галерее. Ее резиновые подметки практически не издавали никаких звуков.

Впереди, в двадцати шагах от Модести, из арки вышел человек. Она увидела его в профиль. С сигаретой в зубах, сунув руки в карманы, он шел к парапету. На бедре у него висела кобура, а в ней был «люгер». Услышав легкий шорох, человек обернулся. Быстрота реакции выдавала в нем профессионала. Никакого удивления, только мгновенно сузились зрачки. Рука его молниеносно скользнула к кобуре.

Когда пистолет оказался извлечен, Модести была от него в пяти шагах. Тогда она прыгнула ногами вперед. Только он понял, в чем дело, и попытался увернуться, ее скрещенные ступни сомкнулись вокруг его шеи. Раскинув руки по сторонам, Модести изогнулась в воздухе всем телом, чтобы как следует крутануть шею жертвы.

Человек закружился над парапетом, плохо понимая, что с ним происходит. Модести выставила руки, чтобы смягчить падение, и

почувствовала, как его тело вдруг обмякло и он перевалился через ограждение. Вскоре снизу послышался тихий шмякающий звук, а затем еле слышно звякнул о камень пистолет.

Какое-то время Модести лежала у балюстрады, ухватившись за нее руками, заглядывая вниз. Обрыв был почти совсем отвесный, футов через двадцать он переходил в довольно пологий выступ и затем снова начиналась крутизна. Она увидела, как тело медленно перекатывается по пологой части обрыва, а затем исчезло за его краем. Больше никаких звуков не послышалось.

Часы в мозгу сообщили Модести, что она потеряла десять секунд. Она быстро встала на ноги и, подойдя к стене, стала карабкаться по ней к балкону. Камни были большие, грубо отесанные, в некоторых местах между ними образовались щели, и потому подъем не составил больших трудностей.

Она добралась до боковой перегородки балкона, ухватилась за нее. В тот момент, когда она повисла на руках, собираясь закинуть ноги, шторы отдернулись, дверь отворилась и на балкон вышел человек. У него было смуглое лицо и тонкие усы, полукругом изгибавшиеся вокруг рта. Он зевнул и вяло посмотрел на море.

Модести отняла от перил одну руку, сунула ее в карман брюк. Тут человек повернул голову в ее сторону. Из взгляды встретились — через чугунную решетку балкона, на расстоянии пяти футов. Она увидела, как его лицо исказила гримаса изумления. Она вскинула руку с тюбиком губной помады, снимая большим пальцем крышку. Затем раздалось шипение газа.

Человек глухо вскрикнул и, шатаясь, попятился назад. Руками он закрыл глаза. На плече у него болтался пистолет на ремне. Модести одним прыжком оказалась на балконе. В тот момент его рука стала нашаривать оружие. Но Модести сделала шаг, и ее нога вонзилась ему в солнечное сплетение. Он осел на пол, словно большая тряпичная кукла, а она, перескочив через него, ринулась к окну.

За несколько секунд до этого в комнате кто-то отодвинул стул и удивленно крикнул. Этого оказалось достаточно, чтобы Вилли начал действовать.

Модести ворвалась в комнату, сжимая в руке конго. Она мгновенно оценила обстановку и резко рванулась в сторону. На нее смотрел мужчина с небольшой бородкой и автоматом в руках. Чуть сзади,

левее, на полу лежал человек в коричневом берете. Из шеи у него торчал нож. На пороге в дверях стоял Вилли Гарвин, чуть подавшись вперед плечом и наклонившись по инерции, после того как бросил нож. В руках у него сейчас больше ничего не было.

Человек с автоматом смотрел мимо Модести невидящим взглядом. Автомат качнулся, и сам он тоже подался вперед, словно надрубленное дерево, которое вот-вот упадет. Модести быстро шагнула к нему и выхватила автомат, а его недавний владелец рухнул на пол ничком. Под его лопаткой, где уже расплывалось алое пятно, торчал второй нож Вилли.

Какое-то время в комнате царило безмолвие. Модести стояла, прислушиваясь. У дверей застыл Вилли в той же позе. Он тоже наострил уши. Затем он выпрямился и расслабился. Модести положила автомат на пол и тоже перевела дух.

— У меня по дороге возникла проблема, — сказала она, кивая в сторону окна. — Появился один тип, но твоя помада действует отлично.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Вилли, выдергивая нож из шеи одного из охранников. — Когда я вошел, они оба кинулись к окну. Болваны... — Он наклонился, вытащил второй нож, вытер его о куртку бородатого, потом положил оба ножа в ножны и вышел на балкон.

Модести подняла револьвер, лежавший рядом с трупом. Это был «кольт-питон» тридцать восьмого калибра с четырехдюймовым стволом. Она поставила револьвер на предохранитель, удостоверилась, что во всех цилиндрах есть патроны, и засунула его в петлю у себя на поясе.

Тут в проеме балкона появился Вилли. Он втащил за плечи тело смуглолицего и бросил его рядом с остальными.

— Этот дышит, — сказал он, вопросительно поглядев на нее.

— Ладно, пусть благодарит судьбу, — сказала она. — Затычки сделают свое дело. — Она вытащила цилиндрик, извлекла из него затычки и запихала их в ноздри смуглолицего. На столе Габриэля стояли два длинных металлических ящика с алмазами. Вилли взял один за рукоятку, приподнял, проверяя вес.

— Да тут килограммов пятьдесят, — сказал он. — Но я могу оттащить его сам.

— К сожалению, я не берусь повторить твой подвиг со вторым ящиком, — усмехнулась Модести. — По крайней мере, мне не протащить его две мили. Все равно двух ходок не избежать. Мы оттащим первый ящик так далеко, как это получится за двадцать минут, потом придем за вторым. На это уйдет, скажем, пятьдесят минут. Если повезет, они окажутся поближе к воде, когда появится смена и начнется карнавал.

— О'кей, Модести, я оттащу этот за монастырь, а ты будешь меня прикрывать.

— Хорошо. — Она вытащила кольт, а Вилли взгромоздил ящик на плечо и шагнул к двери. Они прошли сначала по широкому коридору, затем оказались в лабиринте узких коридорчиков, где уже побывали в качестве пленных.

Длинная галерея, где велись реставрационно-строительные работы, освещалась одной-единственной лампой. Пустая церковь внизу казалась огромным черным колодцем. Они осторожно пробирались через весь этот хаос строительных материалов и инструментов. Модести остановилась у массивного чана, там, где часть ограды была снята.

— В кухне охранник, — сказала она Вилли. — Когда приблизимся, убери его, как ты умеешь. Пока есть хоть малейшая возможность не шуметь, я не хочу пускать в ход огнестрельное оружие.

— Ладно.

Вдруг Модести застыла, уставясь куда-то мимо Вилли.

— Ну и что? — спросила миссис Фозергилл. Свет лампы падал на ее светлую короткую шевелюру. Она стояла в шести шагах от них, просунув большие пальцы в петли для ремня своих мятых брюк. Маленькие глазки возбужденно горели, нижняя губа отвисла. У нее не было оружия.

Вилли медленно повернулся к ней, по-прежнему держа на плече ящик. Он проклинал себя за то, что положил его не на то плечо. Сейчас у него, как назло, была свободна левая рука, а ножи хранились с левой стороны. Поэтому никак нельзя было быстро вытащить один из них и пустить в ход.

Миссис Фозергилл смотрела на Модести.

— Один выстрел, и вы сгорели, цыплятки! — спокойно напомнила она. — Мы уже будем не одни. И не шевелиться! А то я умею кричать,

как пароходная сирена.

Модести опустила револьвер.

— Но ты не кричишь, — заметила она. — Чего же ты тогда хочешь?

Миссис Фозергилл медленно облизала языком свои мокрые губы. Глаза ее горели.

— Тебя, — сказала она с усмешкой, — тогда у тебя появится шанс. И мне не попадет от Габриэля.

Не спуская глаз с миссис Фозергилл, Модести тронула Вилли за рукав.

— Давай на кухню, — сказала она.

— Вот именно, — кивнула головой миссис Фозергилл. — А когда ты вернешься, я как следует разогреюсь. Скажем, минут через пять, чтобы я особо не торопилась. — Она кивнула на дверь, до которой было шагов пятьдесят. — Но если ты сунешь нос сюда до того, как я закончу, я подниму такой крик, что эти камни полетят вниз.

Вилли стоял как вкопанный.

— Иди, — сказала Модести, и в ее голосе послышались резкие нотки. — Наведи порядок на кухне, Вилли.

Он двинулся по галерее в сторону кухни и скрылся за дверью. Модести чуть пригнулась и, не сводя глаз с миссис Фозергилл, швырнула револьвер в грудку булыжников.

— Умница, — одобрительно отозвалась миссис Фозергилл и двинулась на Модести, легко переступая ногами в парусиновых туфлях.

Модести крепко стиснула в руке конго. Она стояла, широко расставив ноги, чуть согнув их в коленях, держа руки на уровне груди. Она не поддавалась на несколько предварительных финтов, но выжидала ошибки противника. Учитывая вес и силу миссис Фозергилл, разумнее было строить тактику на контрвыпадах.

Миссис Фозергилл приблизилась к Модести, семеня, как боксер, потом внезапно ударила ногой, стремительно и безжалостно. Модести едва успела увернуться, после чего сделала выпад и махнула рукой с конго, метя противнице в шею. Но ее запястье врезалось в край мозолистой ладони, которую резко выбросила миссис Фозергилл, отчего у Модести по руке и плечу словно пробежал электрический разряд.

Она успела убрать руку, но конго выпало из ее онемевших вдруг пальцев, и Модести стала отступать, одновременно маскируя пальцами левой руки получившую страшный удар правую. Миссис Фозергилл попыталась закрепить успех, сделала выпад и махнула своей лопатообразной ручищей. Модести увернулась, поймала руку противницы, резко дернув ее на себя, пользуясь инерцией движущегося тела. Затем она откинулась назад, попытавшись упереться ногой в живот миссис Фозергилл, чтобы перебросить ее через себя, но та мгновенно сориентировалась и вместо того, чтобы оказать сопротивление, сама бросилась вперед, уйдя от приема. Модести не могла не отметить поразительную реакцию соперницы и ее акробатическое мастерство.

Миссис Фозергилл между тем упала, быстро встала и развернулась лицом к противнице. Модести откатилась в сторону и тоже вскочила на ноги. Миссис Фозергилл скалилась и тяжело дышала, но Модести понимала, что не от усталости. Грубое лицо соперницы светилось вожделением.

Снова женщина-монстр пошла в атаку, на сей раз пытаясь угодить Модести в горло прямыми пальцами. Модести увернулась, перехватила руку, повернулась, чтобы провести бросок, но тут же поняла, что момент выбран не самый удачный. Тогда она оттолкнулась ногой о колено миссис Фозергилл и отскочила в тот самый момент, когда ручища женщины-монстра схватила было ее за горло.

Поединок очень напоминал бой фехтовальщиков. Контакты были непродолжительны — в основном противницы кружили вокруг друг друга, потом следовал моментальный выпад и стремительный отход.

Прошло три минуты, прежде чем Модести решила провести удар с полукруга. Это был рискованный ход, и успех мог прийти, только если бы исполнение отличалось безукоризненностью. Но Модести знала, что развить скорость она сможет. Кроме того, это позволило бы быстро решить исход поединка в свою пользу. Правда, сейчас миссис Фозергилл находилась спиной к бреши и к металлическому чану с булыжниками в балюстраде, то есть не в самой лучшей позиции для такого броска. Но делать было нечего. Начать маневрировать — значит выдать свои намерения.

Впервые за это время Модести пошла в атаку. Два быстрых, коротких шага и прыжок. Но при втором шаге ей под ногу попало

ранее выпавшее конго, и, когда Модести прыгнула, лодыжка подвернулась. Все расчеты пошли насмарку, и она упала на спину, ударившись о каменный пол головой. Только шиньон помог смягчить удар. Она услышала хихиканье миссис Фозергилл. Инстинкт успел послать сознанию предупреждение об опасности, от которой у нее возникли спазмы в животе за мгновение до того, как соперница обрушилась на нее коленями.

Модести судорожно выдохнула, чувствуя, как силы покидают ее, словно вода ванну, из которой вытащили пробку. Миссис Фозергилл не торопясь оседлала Модести, приговаривая:

— Не повезло, лапочка. А ведь прием мог сработать. — Она легонько коснулась своими ручищами горла Модести, примеряясь, как бы поудобнее сдавить его.

В глазах у Модести потемнело, заплескали искры. Где-то в глубине ее «я», за семью замками, там, где живут все наши самые жуткие страхи, начала бушевать паника, но запоры оказались прочными. Гигантским усилием воли она опустила подбородок, мешая железным пальцам пробраться к горлу.

Модести стала шарить правой рукой по полу, пытаясь отыскать что-нибудь, чем можно ударить — конго, бульжник. Рука ее нащупала пеньку. Веревка. Моток грубой веревки. Модести представила себе, как эта веревка уходит вверх, туда, где под крышей находится шкив лебедки, потом опускается к чану. Ее подошвы как раз упирались в этот чан.

— А ну-ка подними подбородочек, — проурчала миссис Фозергилл, охваченная пароксизмом вожделения.

Модести ухватилась за веревку, проверяя, как она уложена. Но силы совсем иссякали. Отчаянным движением она набросила веревку на шею миссис Фозергилл, потянула.

Миссис Фозергилл отозвалась на это горловым смешком. Она повела плечами, и сухожилия на ее шее напряглись, как у борца, делающего мостик, потом мельком глянула на галерею. Вилли Гарвина не было видно, а веревка не причиняла ей никакого беспокойства. Испытывая неизъяснимое наслаждение, она просунула большие пальцы глубже под подбородок Модести, коснулась ими хрящей гортани. Дыхание ее еще больше участилось.

Модести почувствовала, как ее горло медленно, но неумолимо сдавливают пальцы миссис Фозергилл. Ее подошвы были прижаты к чану за спиной миссис Фозергилл, колени полусогнуты. Модести расслабилась, позволив противнице ухватить ее за горло. Она сосредоточилась только на том, чтобы направить все остатки сил и энергии мускулам бедер. Затем неистово ударила ногами. Чан вдруг поехал на валиках и все, что произошло затем, очень напомнило Модести замедленную съемку.

Веревка выскользнула из ослабевшей руки Модести, и она увидела, как голова миссис Фозергилл дернулась так, словно по ней ударили молотком. Руки оставили ее горло в покое, с тела свалилась жуткая тяжесть. Высоко над головой зашелестел шкив лебедки.

Миссис Фозергилл поднималась вверх, нависая над бездной. Ее руки и ноги дергались, словно у марионетки. Модести увидела ее в странном ракурсе: подошвы парусиновых туфель и между ними голова в петле, которая под внушительным весом миссис Фозергилл затянулась до предела. Потом голова ударилась о шкив, и наступила тишина. Женщина болталась в петле, не издавая никаких звуков.

Что-то копошилось в самом уголке сознания Модести, не давая ей покоя. Чан? Не было грохота от его падения? Держась за свое сильно пострадавшее горло, Модести подползла к краю галереи и посмотрела вниз. Чан лежал внизу, до половины утонув в куче песка.

Опершись на руку, Модести приоткрыла рот и стала судорожно вдыхать свежий воздух. Потом она почувствовала, как чьи-то руки мягко ее приподнимают.

Вилли Гарвин.

Она села, кивнула ему. Она пока что не могла говорить, да и дышать-то было трудно, саднило горло. Его умелые руки ощупали ее шею. Он, чуть откинув ее корпус назад, начал массировать солнечное сплетение. Затем опустился рядом с ней на колени, положил ладони на грудную клетку, помогая Модести восстановить дыхание.

Модести почувствовала, что боль постепенно отпускает ее. Дышать стало легче. Она ощутила прилив сил, и в голове стало проясняться.

Минуты три спустя она смогла хрипло проговорить:

— Все в порядке, Вилли-солнышко! Помоги мне подняться.

Она, пошатываясь, встала. Модести было хорошо оттого, что Вилли поддерживает ее, обняв за плечи. Она увидела на его лице

тревогу и удивление. Его лоб был покрыт испариной.

— Что ты с ней сделала? — спросил Вилли. Модести глазами указала на нелепую фигуру, качавшуюся на веревке под потолком, и он обернулся, следуя ее взгляду. После этого Вилли ошарашено уставился на Модести, в глазах его блеснуло нескрываемое восхищение.

— Вот это да, — прошептал он недоверчиво. — Ну, ты даешь. Принцесса.

Глава 19

Вилли забрал второй ящик сам. Он понес его на левом плече, держа в правой нож. Когда он оказался в той самой галерее, то увидел, что Модести сидит на бревне, прислонившись спиной к стене. У нее в одной руке было конго, а в другой кольт. Когда Вилли поравнялся с ней, она встала.

— Ну как, полегчало? — шепотом спросил он.

— Да. — Весь организм ее был настроен на быструю реабилитацию. — А ты очистил кухню?

— Нет, Принцесса, извини. Я только начал спускаться, как у меня стало колоть в ушах. Я решил, что дело плохо, и бросился назад.

— Уши тебя не обманули, — кивнула она. — Ладно, давай займемся делом.

Она пошла впереди. Вскоре они стали спускаться по лестнице, что вела на кухню. Первый ящик стоял неподалеку от двери. Вилли поставил рядом с ним и второй.

В открытую дверь они увидели монаха, который выгребал золу из большой плиты. Дальше на стуле спиной к стене сидел человек с закрытыми глазами, на коленях у него был пистолет. Вилли тихо прокрался в кухню с ножом в руке. Монах увидел его. Переводя глаза с него на спящего охранника, он замахал рукой, словно воспрещая Вилли совершить задуманное. Вилли подмигнул ему. Монах сложил руки, словно возносил молитву. Вилли нехотя кивнул и двинулся дальше. Подойдя к стулу, он ударил часового рукояткой ножа чуть ниже уха. Тот сразу обмяк. Вилли опустил его на пол и обернулся к монаху.

— Только на этот раз, — прошептал он. — В виде исключения. Но это плохой человек. Как и все его дружки, понял? Вот мы и хотим избавить вас от них.

Монах кивнул, потом показал на охранника, подал несколько очень сложных знаков, потом опять сложил руки в молитве, давая понять, что он благодарит небеса за действия Вилли. Тут на кухне появилась Модести, и монах с тревогой посмотрел на нее.

— Вода есть? — спросила Модести. Монах ринулся к колодцу, принес стоявшее там ведро. Оно было наполнено до краев. Модести присела на корточки и сунула в него голову, обливая пригоршнями шею.

Вилли вышел и притащил поочередно оба ящика, поставив их на большой стол. Модести склонилась над оглушенным охранником, запихивая ему в нос затычки. Пряди мокрых волос прилипли ко лбу, разметались по шее.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Принцесса?

— Словно только родилась. Горло немного побаливает. — Она посмотрела на массивную дубовую дверь, которая вела на улицу. — Ну, давай двигаться. Понесем первый ящик.

Вилли подошел к двери, отодвинул большой засов. Длинный прямоугольник света из кухни разрезал темноту, указывая на дорожку, что вела к ступенчатому спуску.

Внезапно тишину разорвала автоматная очередь. Каменная крошка брызнула во все стороны, злобно провизжала отрикошетившая пуля. Вилли бросился плашмя на пол, успев ногой затворить дверь. Модести уперлась в нее плечом и задвинула засов. Канонада стихла, но снаружи кто-то начал кричать.

— Плохо, — покачал головой Вилли. — Как бы все наши старания не пошли насмарку.

— Да, придется пока забыть про алмазы, — кивнула Модести, поглядывая на закрытое ставнями окно — вдруг откуда появится неприятель. Но охранник снаружи держался на расстоянии и продолжал истошно вопить.

— Жаль, — сказал Вилли. — Может, мы даже и уцелеем, а Габриэля через несколько часов здесь не будет. И стекляшек тоже.

Модести кивнула, быстро уловив его ход мыслей. Конечно, их передатчик уже обнаружили, и Габриэль понял, что его база в опасности. Таррант, разумеется, не жалеет сил, чтобы направить сюда помощь, но неизвестно, как скоро это у него получится. Может пройти день, а то и два, пока колеса в машине международных отношений начнут крутиться и Таррант получит добро на свою операцию. Они с Вилли, конечно, могли бы сейчас прорваться к катеру и отбыть восвояси. Но у Габриэля была хорошая связь и многочисленные

возможности не дать им далеко уйти. В течение нескольких часов он может пустить по их следу катер или вертолет.

Модести услышала, как в монастыре поднялся шум.

— Если Габриэль и сбежит, то без алмазов, — сказала она. — Мы спустим их в колодец.

На это Вилли Гарвин радостно улыбнулся. Сначала Габриэлю придется установить, где спрятаны алмазы, и весьма сомнительно, что он пожелает тратить на это драгоценное время. Потом ему потребуется помощь водолаза или специальное оборудование — дрек, кошка или что-то в этом роде, — чтобы поднять ящики.

Они подтащили первый ящик к каменному краю колодца и толкнули. Подняв пузыри, он пошел вниз.

Внезапно сверху раздался громкий металлический голос. На мгновение они застыли в оцепенении, потом увидели кое-как прилаженный динамик. Несомненно, они были установлены по всему монастырю. Говорил Габриэль, и в его голосе были и лед, и ярость.

— Внимание, всем, всем, всем! Блейз и Гарвин вырвались на свободу. Борг, выведите своих людей наружу и прикройте все выходы. Сантос, Варгель, Рудсон, разбейте людей на тройки и начните поиск. Всем остальным собраться в трапезной — немедленно.

Вскоре и второй ящик исчез в колодце. Монах тронул Модести за руку. Он показал на узкую лестницу за большой плитой, которая вела вверх из кухни. Он показал жестами, что по ней подниматься безопаснее, чем по главной лестнице.

Она с улыбкой кивнула. Засовывая свой «кольт-питон» за пояс, она подобрала и револьвер охранника. Это был новенький «смит-вессон-магнум», тяжелое оружие, по своей мощи превосходившее кольт тридцать восьмого калибра раза в четыре. Все шесть цилиндров были заряжены.

Когда они с Вилли двинулись через кухню, монах жестом благословил их, потом опустился на колени и стал молиться.

— Только и остается, приятель, — мрачно сказал Вилли и последовал за Модести по узкой лестнице.

Габриэль стоял на краю длинной галереи и смотрел, задрвав голову, на миссис Фозергилл. Она тихо покачивалась на веревке, и блики света играли на ее шевелюре.

Габриэль был в шлепанцах и халате, наброшенном на пижаму. Рядом с ним стоял Макуиртер в черных шерстяных брюках и пижамной полосатой куртке.

— Ну и ну, — бормотал Макуиртер, глядя вверх. — Боже правый, ведь только полчаса назад я говорил, что хотел бы увидеть... — Он осекся. — Ладно, я просто схожу с ума...

Габриэль устремил на него свои глаза цвета хаки с щелочками-зрачками и произнес срывающимся голосом:

— Найдите алмазы, Макуиртер... Найдите мне алмазы.

— Есть. Блейз и Гарвин, наверно, где-то их припрятали, но у них было мало времени.

— Найдите алмазы, — повторил Габриэль и ушел. За маленькой капеллой его ждали двое с пистолетами.

— Что случилось? — рявкнул он. Один из них кивнул головой, указывая вверх, и сказал с сильным американским акцентом:

— Там стреляют. Варгель велел нам блокировать эту лестницу. — Он замялся и продолжил: — Пять минут назад мы проверили верхние кельи. Каналехос убит. И там мы обнаружили маленький передатчик с шаром-антенной. Мы уничтожили передатчик, но он, похоже, какое-то время посылал сигналы.

Габриэль уставился на говорившего и несколько секунд усваивал информацию. Потом повернулся и пошел вверх по лестнице, правой рукой держась за «вальтер» в кармане халата. Когда сверху донесся топот, он выхватил оружие из кармана, но тотчас же опустил пистолет: появились двое его людей.

Увидев его, они остановились. Потом один спросил на ломаном английском:

— Они бежать сюда, да? Вы видели их, нет?

— Нет, — буркнул Габриэль и, протолкнувшись между ними, пошел дальше. В длинном, плохо освещенном коридоре на полу лежали трое. Двое были неподвижны. Третий скрючился, обхватив раненое колено, и стонал в агонии. Это был Рудсон.

Габриэль поочередно склонился над двумя другими. Один получил пулю в шею так, что она вышла у основания черепа.

Второй лежал на спине и словно балансировал маленьким черным предметом посреди груди. Это оказалось рукояткой ножа. Габриэль вопросительно уставился на Рудсона.

— Мы их загнали в угол, — говорил тот срывающимся от боли голосом. — Вот там. Они оказались между нами и людьми Варгеля. А потом они... — Он замолчал и зажмурился, охваченный очередным приступом боли. — Нога... Нога! Сделайте что-нибудь!

— Сейчас, — сказал Габриэль и, вытащив «вальтер», выстрелил Рудсону в сердце.

Опустив «вальтер», он посмотрел на двоих своих людей, которые в ужасе наблюдали эту сцену.

— Ну что? — сказал он ровным тоном. — Понятно? Передатчик. Значит, нам надо убираться.

Модести съехала по крыше, начинавшейся под окном. Над ней навис арочный контрфорс, отбрасывая густую тень. Она перебралась через каменный желоб и повисла на руках. Пальцы Вилли Гарвина ухватили ее ступню и направили на выемку между двух больших камней кладки.

Пятнадцать секунд спустя они уже были на земле, прячась в темноте. С той стороны монастыря слышалось два выстрела. Те, кто был снаружи, пришли в явное возбуждение, начался обмен репликами между ними и кем-то у окна. Затем наступила тишина.

Модести тронула Вилли за плечо и начала пробираться по узкой выемке между камнями. Она видела фигуры слева — они наблюдали за маленькой боковой дверью.

От монастырской стены начинался спуск, который теперь сделался совсем крутым, но они могли встать, спрятавшись скалой. Модести тронула Вилли за рукав и, показав в восточном направлении, сделала извилистое движение рукой. Вилли кивнул. Если двигаться именно так, то можно оказаться у подножья лестницы, что вела от монастыря к морю.

Они продолжили спуск, минуя каменные преграды. Пять минут спустя они уже были на ровной земле. К востоку остров сужался, и в слабом лунном свете вырисовывался сильно пересеченный ландшафт. Вилли удовлетворенно хмыкнул. Тени от камней обеспечивали неплохое прикрытие в их отходе к мысу.

Раздался выстрел, и, повинуясь автоматическому рефлексу, Модести обернулась, и, увидев, что Вилли упал, выстрелила, причем так быстро, что могло показаться, что выстрелы прозвучали почти

одновременно. Человек, стоявший на каменном выступе в тридцати шагах от них, стал медленно оседать. Затем послышался легкий звон и стук — что-то упало и покатилося по камням, в конце концов остановив свой спуск в двух ярдах от Модести. Это была винтовка «ли-энфилд» калибра 0, 303.

Вилли продолжал лежать на земле, обхватив левое бедро чуть пониже паха. Модести положила «магнум», взяла винтовку, дернула затвор и, опустившись на колени, застыла в ожидании.

Первая винтовка, которая когда-то давно попала в руки к Модести, была именно этой модели. Несмотря на то что она появилась не одно десятилетие назад, это было надежное, хорошо стрелявшее оружие.

Прошла минута. Никаких криков, никакой стрельбы. Вообще никаких звуков. Это не удивило Модести. Она успела неплохо изучить законы подобных сражений. Ранее стрельба вообще, скорее всего, велась на испуг, так, на всякий случай.

— Старик монах, похоже, держится, — прошептал Вилли. Модести положила винтовку, вытащила из ножен последний нож Вилли и разрешила ему брючину от бедра до лодыжки, затем обрезала материю вокруг ноги чуть ниже того места, которое он придерживал руками, содрала штанину. Затем сказала:

— Ну, давай посмотрим, Вилли-солнышко.

Он медленно убрал руки. Кровь текла довольно сильно, но не было того фонтана, который возникает, когда задета артерия. Вилли снова прижал ладони к ране. Модести осторожно исследовала бедро и вздохнула с облегчением, когда пальцы нащупали рваное выходное отверстие.

— Вошла и вышла, — сказала она. — Похоже, кость цела.

— И на том спасибо.

Модести сделала небольшой разрез в подкладке его куртки и вытащила стерильную повязку. Наложив ее на рану, она затем отрезала кусок брючины, превратила в жгут и наложила чуть выше раны. С помощью трубки от лука затянула турникет.

— Подержи минутку, — сказала она Вилли, отрезала еще два куса материи и завязала их над и под раной, чтобы удержать на месте трубку.

— Спасибо, Принцесса, — сказал Вилли. — Дай-ка я попробую проверить, как она действует.

Модести помогла ему подняться. Вилли осторожно ступил на раненую ногу, но та не выдержала, подогнулась, и Модести вовремя подставила ему свое плечо.

— Извини. Видать, задеты кое-какие нервы. Стоять могу, а вот ходить — нет!

— Неважно. Сможешь постоять, пока я соберу вещи? Вилли прислонился к камню. Она вложила нож в ножны, сунула «магнум» в карман его куртки. Потом, взяв винтовку в правую руку, подошла к Вилли и обхватила его левой за талию.

— Обопрись о меня, Вилли-солнышко. Так, теперь попробуем потихоньку двинуться.

Они заковыляли к мысу. Минут через пять Модести почувствовала, что ее рука стала мокрой от пота, который лил градом с Вилли, проступая через рубашку и куртку. Они не разговаривали. Говорить сейчас было не о чем, все силы требовалось сосредоточить на движении, забыв про остальное.

Когда они преодолели примерно половину расстояния, начался отрезок голой ровной местности шириной ярдов в сто — от берега до берега.

Они вышли на эту равнину, освещаемую луной. Идти нужно было по песку, что никак не способствовало увеличению скорости.

— Пройдем этот кусок и тогда уж отдохнем, — сказала Модести. — Ты как?

— Со мной порядок, — сказал Вилли, но пот капал с его подбородка, и Модести почувствовала, как Вилли сотрясает дрожь от приступов боли.

— Это я хочу передохнуть, — уточнила Модести. — Ты у нас тяжеленький, Вилли-солнышко.

Впереди вдруг взметнулся фонтанчик песка, и они услышали сзади звук выстрела.

— Не торопись, — сказала Модести, когда Вилли попытался ускорить шаг. — С тысячи ярдов им должно сильно повезти.

Раздалось еще четыре одиночных выстрела, затем автоматная очередь. Но они успели проковылять через полосу песка и оказались у камней. Одиночные выстрелы прошли далеко в стороне, а автоматная очередь не долетела. Модести укрылась за каменным выступом,

осторожно опустив Вилли на землю. Платком не первой свежести она отерла пот с его лба.

На западе танцевали маленькие точки света — это люди Габриэля спускались от монастыря. Модести взяла винтовку, провела необходимые манипуляции, чтобы проверить патроны. По ее подсчетам, их там было семь.

— Дальше тебе придется ползти одному, — сказала она Вилли. — Я задержу их тут минут на десять. Когда я тебя догоню, ты должен быть уже очень близко от катера.

Он углубился в подсчеты вариантов. Затем кивнул:

— О'кей, Принцесса.

Она посмотрела, как он проворно отползает, волоча за собой раненую ногу. Огоньки тем временем приближались, выравниваясь в линию. Никак не меньше тридцати человек, подумала она. Да, Габриэль создал целую армию. Но в конце концов, ради десяти миллионов стоило постараться. Ей стало интересно, присутствует ли сам Габриэль в цепи атакующих.

Она улеглась за камнем, раскинув ноги, привела винтовку в боевое положение. Каменная гряда образовывала букву V и позволяла Модести обстреливать довольно значительную часть подходов, оставаясь в укрытии. Модести отрегулировала прицел на восемьдесят ярдов, протерла окуляр. Освещение было вполне пристойным, луна находилась сзади и справа. Модести проверила прицел и осталась довольна. Она опустила винтовку и стала ждать.

Глава 20

Прошло пять минут, и первый преследователь отважился выйти на открытое пространство. В руке у него был фонарь, а под мышкой автомат.

Не успел он сделать и пяти шагов, как Модести уложила его выстрелом в голову. Среди охотников раздался возбужденный гул. Цепочка огней исчезла. Прозвучало несколько одиночных выстрелов и автоматная очередь, но люди Габриэля стреляли вслепую, и никто не рискнул приблизиться.

Модести затаилась, средний палец покоился на спуске, указательный был вытянут так, чтобы в любой момент можно было им дернуть затвор и перезарядить винтовку для нового выстрела. Это был отнюдь не традиционный метод стрельбы, но с его помощью солдаты одной армии в годы первой мировой войны завоевали себе неплохую репутацию. Модести научилась этому приему у седого ветерана, который женился на француженке и поселился в Сфаксе. Это позволяло производить до тридцати прицельных выстрелов в минуту.

Слева кто-то попытался бегом преодолеть открытый участок и зайти в тыл Модести. Когда смельчак пробежал треть дистанции, она уложила его выстрелом в туловище. Он упал, оглашая окрестности истошными воплями. Затем, уже справа от нее, возникла фигура, двигавшаяся короткими перебежками. Первый выстрел оказался неудачным. Модести подумала, что и вторая пуля пролетела мимо, но человек вскоре рухнул лицом в песок, а его ноги еще какое-то время судорожно дергались, словно продолжая бег.

Модести осторожно переместилась на пятнадцать ярдов влево, отыскав новое укрытие. Прошло три минуты, и началась бешеная канонада; огонь велся исключительно по тому месту, где она еще недавно находилась. Пули поднимали фонтанчики песка перед заграждением, попадали в камни и с визгом отскакивали. Затем обстрел прекратился, и Модести увидела: по песку бегут трое, причем на значительном расстоянии друг от друга. Сначала она уложила того, кто бежал быстрее остальных. Он был слева. Тот, кто находился в центре, увидев это, остановился, потом повернулся и бросился назад.

Она перекинула винтовку вправо, прицелилась и выстрелила в третьего, который продолжал продвигаться вперед. Человек дернулся, вильнул в сторону, но продолжал наступать. Модести выстрелила еще раз. Он упал, перекувырнулся в песке, потом поднялся и, держась за плечо, помчался в укрытие, покачиваясь на бегу.

Винтовка была пуста. Модести тихо положила ее на песок и стала осторожно отползать от укрытия. Она решила, что после такого отпора тот, кто руководит охотой, должен сильно постараться, чтобы разжечь в своих людях энтузиазм для новой атаки. Она преодолела восемьдесят ярдов ползком, затем встала и, пригнувшись, побежала.

Остров сужался, и море подступало к Модести все ближе и ближе с обеих сторон. Пять минут спустя она нагнала Вилли. Он продолжал двигаться ползком. Из его горла со свистом вырывалось тяжелое дыхание. Он направлялся к небольшому углублению. Отсюда от берега до берега было не больше восьмидесяти ярдов. И примерно столько же оставалось до пирса, где стоял катер.

Теперь уже укрыться было особенно негде, лишь изредка попадались большие валуны или бугры. Вилли продвигался к небольшой впадине с неровными каменистыми краями. Модести подумала, что, возможно, он толком и не видит это укрытие, особенно если пот заливает ему глаза.

— Молодец, Вилли, — прошептала она, — только возьми левее. Мы уже близко.

Вот уже минут пять луна скрывалась за облаком, и Модести возблагодарила судьбу за такой своевременный подарок. Она пригляделась и решила, что затемнение продлится еще минут пять. Этого вполне должно хватить, чтобы преодолеть оставшиеся ярды.

Но тут за спиной раздался приглушенный взрыв, и вся местность осветилась ракетами. Модести упала плашмя, чуть задев Вилли, охнувшего от боли. Прогремело два выстрела, пуля ударила в камень совсем рядом. Кое-как ей удалось запихать Вилли в лощинку, после чего она вытащила «магнум» и залегла у кромки.

Ракеты погасли, и теперь Модести снова увидела фонари. Люди Габриэля наступали неровным полукольцом. Они были еще достаточно далеко. Она не видела силуэтов и решила, что они продвигаются ползком, пользуясь камнями как прикрытием.

— Пробирайся к катеру, заводи мотор, — прошептала она Вилли, — а я постараюсь поддержать их в лежачем положении. Ну, ты сможешь сделать это один?

Он ничего не ответил. Модести повернула голову и вдруг увидела, что оттуда, где стоял катер, взвились к небу языки пламени. Вилли, чуть привстав и оперевшись спиной на камень, неотрывно смотрел на пламя. На его грязном и потном лице застыла гримаса отвращения.

— Вот повезло так повезло, — наконец усмехнулся он. — Скорлупка загорелась от чертовой ракеты.

Модести снова посмотрела туда, откуда в любой момент могли появиться их преследователи. Она осторожно выглядывала между двух камней. В руке у нее по-прежнему был «магнум», но в нем оставалось всего три патрона. Она сняла с пояса кольт, положила рядом.

Первая волна атакующих состояла из четверых боевиков. Они бежали, стреляя на ходу. Модести уложила двоих, а двое других поспешили спрятаться в укрытие. Было слышно, как отдает команды своим людям Борг.

— Это им дорого обойдется, Вилли, — прошептала она. — Ближе чем за двадцать шагов тут ни ложбинки.

— Ты уложила двоих из этой штуки? — осведомился Вилли с чисто профессиональным любопытством. Его дыхание теперь сделалось гораздо ровнее.

— Да, «магнум» — хорошая пушка, — отвечала Модести, напряженно вглядываясь перед собой. Она увидела прыгающий свет фонарика. Тот, кто держал его, отходил назад. Вскоре маленькая точка света и вовсе исчезла в темноте.

— Похоже, Борг послал кого-то за инструкциями к Габриэлю, — тихо проговорила она.

— Да, затея оказалась дороговатой, — сказал Вилли, вынимая нож и устраиваясь поудобнее. — Особенно когда они остались без катера. Похоже, Борг хочет дожидаться рассвета.

— Думаю, когда посыльный вернется от Габриэля, рассвет как раз и настанет, — сказала она. — Пора ослабить турникет, Вилли. Ты сможешь сделать это сам?

— Конечно. — Он начал разматывать жгут, одновременно пытаясь осмыслить ситуацию, в которой они оказались. Было очень похоже, что на сей раз они все-таки проиграли.

Эта мысль не привела Вилли в смятение. Он даже был рад, что, раз уж дело не выгорело, развязка получится стремительной. Модести постарается, чтобы последний приступ люди Габриэля провели, яростно круша все подряд.

Вилли Гарвин придерживался убеждения, что в наши изнеженные времена человеческой жизни придается слишком большое значение, а это, по его мнению, плохо вязалось с общими законами природы. В естественном мировом процессе жизнь стоила недорого. Жизнь приходит, и жизнь уходит — вот и все. Другое дело проблема жестокости...

Он добился восстановления кровообращения, потеряв немного крови, потом снова затянул повязку.

— Принцесса! — окликнул он Модести.

— Да?

— Пора тебе сматываться.

— Куда, Вилли? — В ее голосе была легкая ирония.

— В море. До него ползти сорок ярдов. Ты можешь добраться вплавь до какого-нибудь укромного уголка на острове. Им понадобится целый день на поиски. А там, глядишь, подоспеет и старина Таррант. Давай, Принцесса. Пока не поздно.

— Спасибо, Вилли, — улыбнулась она. — Но, пожалуй, мы все-таки пойдем другим путем.

— Послушай, — не унимался Вилли. — Оттого, что ты останешься, мне лучше не будет. И мы никогда не действовали по принципу спастись или погибать, но вместе. Это просто не имеет смысла.

Она повернула голову в его сторону, и он увидел на ее грязном лице подобие улыбки.

— Я знаю, Вилли, — кивнула она, — но только все равно давай попробуем тактику мистера Микобера.

Он понял, что именно она имела в виду. Они успели убедиться в этом по опыту и не раз говорили в свободные минуты, что в крутых операциях трудно, а порой невозможно предугадать, что может случиться дальше, и иногда приходилось, точь-в-точь как персонажу Диккенса, надеяться, а вдруг что-нибудь да подвернется. Ради этого порой стоило продолжать сопротивление даже в безнадежной ситуации. Без пяти минут победители вдруг оказывались

побежденными, дав в самый последний момент слабину. Габриэль может споткнуться и свернуть себе шею, он может вдруг дать отбой. Может появиться корабль. И вообще, свиньи могут начать летать, мрачно заключил Вилли.

Прошло пятнадцать минут. Люди Габриэля, затаившиеся в камнях, по-прежнему не подавали признаков активности.

— Как нога, Вилли?

— Нормально. Только чувствую себя полным болваном — лежу, как чертово бревно...

— Ты был бы сейчас дома, если бы не я. Наливал клиентам пиво!..

— Если бы не ты, Принцесса, я мог бы давно оказаться в самых разных местах, причем в основном под землей. Кроме того, это все равно запрещено законом...

— Что?

— Подавать пиво так поздно! Эй!

Модести резко повернула голову по его окрику и увидела, что сзади к лощинке подкрадывается человек с «люгером». Он промок по грудь оттого, что шел по воде. Не успела Модести навести на него «кольт», как Вилли сделал неуловимое движение. Сверкнув в лунном свете, нож вонзился в грудь пластуна, после чего тот, покачавшись, рухнул в лощинку.

Нож еще был в воздухе, а Модести уже повернула голову в другую сторону, ожидая наступления сообщников убитого, но те сидели тихо.

— Индивидуалист, — фыркнула она. — Решился на подвиг, не поставив в известность остальных.

— И доставил нам «люгер», — удовлетворенно хмыкнул Вилли. Он подполз к выпавшему из рук боевика пистолету, подобрал его, поставил на предохранитель и вернулся назад.

— Эй, Принцесса, — крикнул он и бросил пистолет, который она ловко поймала. Вилли вытащил нож из трупа, прислонился спиной к выступу. — Я буду дежурить здесь, — объявил он. — Вдруг кто-то еще сунется.

Полчаса спустя Модести заметила, что из монастыря вернулся курьер. Она подумала, не попытаться ли уложить его выстрелом издали, но потом решила поберечь патроны.

Сзади, на востоке, небо начало светлеть.

— Вилли, — сказала Модести. — Думаю, Габриэль велел им поскорее нас прикончить. Поэтому, скорее всего, они постараются взять нас штурмом. Иди сюда и вынимай наши причиндалы для фейерверка.

Вилли подполз к ней сзади, и она почувствовала, как он колдует над подошвами ее ботинок. Каблуки были из стали, покрытой резиной в одну восьмую дюйма, причем они соединялись в единое целое. В левом каблуке содержалось две унции взрывчатки, в правом — детонатор. Модести приладила каблуки соответствующим образом, а Вилли тем временем начал снимать каблуки со своих ботинок.

Пять минут спустя начался штурм. Борг бросил в бой добрую половину своего уцелевшего войска. Двенадцать человек выскочили разом и бросились к ложбине, стреляя из автоматов. Модести выдернула чеку зубами и швырнула каблук-гранату. Та, описав невысокую дугу, взорвалась, рассыпав тучу осколков.

Модести высунула голову из укрытия. Двое лежали на песке без движения. Остальные спешно поднимались на ноги, быстро улепетывали или кое-как ковыляли к укрытию. Она тщательно прицелилась, выстрелила раз, другой и уложила еще двоих, но тут ответный огонь заставил ее пригнуться.

— Теперь они начнут кумекать, как жить дальше, — заметил Вилли.

— Пусть кумекают, — сказала Модести. — В следующий раз я брошу камень. Уже рассвело, и они увидят летящий предмет. Если они не полные идиоты, то шлепнутся на песок, и я спокойно уложу одного-двух. А после этого можешь запустить свою хлопушку.

Снова люди Борга пошли в атаку, и брошенный Модести камень произвел необходимое впечатление. Пока атакующие соображали, что к чему, Модести застрелила двоих, остальные повернули назад. Их ответный огонь отличался интенсивностью и неточностью. Модести, напротив, занимала очень удачную позицию, опасаясь лишь выстрелов с близкого расстояния, но ее револьвер быстро отбивал охоту у любителей пострелять в упор.

— Еще немного, и Боргу придется заставлять их идти вперед только под дулом пистолета, — сказал Вилли. Это вселило в них еще одну микоберовскую надежду: вдруг атакующие просто не выдержат постоянных неудач и потерь.

Пять минут спустя атакующие предприняли попытку обойти лощинку с фланга, что закончилось гибелью еще одного боевика.

— Да, они теряют задор, — сказала Модести. Она пыталась понять, удастся ли Боргу поднять их в атаку после того, как иссякнут ее немногие оставшиеся патроны. Вопрос был вовсе не праздный. От ответа на него зависело слишком многое.

Прошло еще пятнадцать минут. Борг бросил своих людей в новый штурм. Модести швырнула вторую гранату. Раздалось три выстрела, и боевики вновь отступили. Воцарилась тишина, которую нарушали только стоны раненого.

Впрочем, Модести показалось, что она слышит кое-что еще. Она прислушалась. Это был гул большого транспортного самолета в небе над головой. Теперь, определив источник звуков, Модести поняла, что уже слышала их чуть раньше. Гул стал стихать, потом и вовсе прекратился. Тут вдруг над лощиной пронеслась какая-то огромная тень, и их обдало воздушной волной.

На высоте пятидесяти футов летел большой военный планер, быстро теряя высоту. Он снижался над неровной дорогой, которая вела от пирса к монастырю, и вскоре приземлился.

В тридцати ярдах от лощины из укрытия выбрался человек и уставился на планер. Это был Борг. Модести долго целилась, прежде чем выстрелить. Пуля угодила ему в туловище.

С шумом и скрежетом планер скользил по дороге. Одно крыло задело за камень и отлетело. Планер развернуло, он резко остановился.

Некоторое время ничего не происходило. Наконец дверца планера отворилась. Из него выбрался человек с винтовкой, в бурнусе, перевязанном у пояса. Это был араб. За ним последовал второй, третий, и, выгружаясь, все они быстро исчезали в укрытии.

— Абу-Тахир и его воины, — сказала Модести, опуская голову и глядя на Вилли. — Арабский десант.

— Под руководством мистера Хагана, — ухмыльнулся тот. — Он ведь говорил, что водил планеры.

Теперь слышались крики и стрельба. Люди Габриэля пытались отойти назад к монастырю, пока новоприбывшие воины не успели окружить их здесь, на мысу.

— Ну, с нами все в порядке? — осведомился Вилли, чуть приподнимаясь на локте.

— Да. Я застрелила Борга. Теперь у них началась паника. А вот и Поль. — Она увидела, как из планера спрыгнул Хаган, повернулся, подал руку Тарранту. Тотчас же в планер вонзились две пули. Поль быстро обернулся, выстрелил. Из-за валуна появилась шатающаяся фигура и рухнула на землю.

— Ты был прав, у него неплохая реакция, — сказала Модести. Затем она снова опустилась к Вилли, легла на спину и прикрыла рукой глаза.

Перестрелка превратилась в обмен отдельными выстрелами, а вскоре издали донесся хриплый крик:

— Модести!

— Наш драгоценный мистер Хаган! — воскликнул Вилли, поднося пальцы ко рту. — Дай-ка я ему свистну!

— погоди! — сказала Модести хриплым срывающимся голосом. Она повернулась, придвинулась к Вилли и, положив голову ему на грудь, обняла его. Он сжал ее содрогающееся в беззвучных рыданиях тело.

Вилли Гарвин лежал и смотрел в небо с очень умиротворенным видом. Он поднес руку к волосам Модести и начал срывать резинки, державшие шиньон. Он знал, что ей хотелось бы теперь предстать перед миром с распущенными волосами. Ей тоже хотелось бы поскорее сбросить с себя всю эту одежду и смыть вьевавшиеся в кожу пыль и грязь в холодной прозрачной воде.

Минуты две спустя Модести перестала дрожать и затихла. Хаган продолжал звать ее, и теперь он был уже гораздо ближе. Она вздохнула, встала на колени, вытерла лицо рукавом свитера и улыбнулась Вилли. Лицо ее теперь было совершенно спокойным.

— Господи, ну почему я всегда... — начала она, — почему я всегда реву, когда дело сделано?

— Не всегда, Принцесса, — рассудительно отозвался Вилли. — И не так уж часто, между прочим. Только когда дело принимает особо крутой оборот. А на этот раз мы с тобой долго висели, так сказать, на волоске. — Он принял сидячее положение. — По-моему, это даже очень мило, — сказал он вдруг с удивительной искренностью. — Мило и женственно. Она засмеялась и встала.

— Может быть. Только мне не хотелось бы, чтобы об этом знали другие.

— А никто и не узнает. Кроме сыночка миссис Гарвин, маленького Вилли. Но его можно не принимать в расчет.

— Его-то как раз и надо принимать в расчет, — улыбнулась Модести и стала карабкаться по склону, чтобы встретить Поля.

Бой был окончен. Модести видела, что в отдалении люди Абу-Тахира вели пленников в сторону монастыря. Затем трое или четверо арабов отделились от группы и повернули назад. До них было несколько сот ярдов, но Модести распознала среди отколовшихся Абу-Тахира. Ну а человек в коричневых брюках и темно-зеленом пиджаке оказался не кем иным, как Таррантом.

Поль был неподалеку. Он стоял на выступе скалы, потом вдруг съехал вниз и исчез.

— Я сейчас, Вилли, — бросила Модести и двинулась к скале. Когда Поль снова появился в поле ее зрения, он уже бежал, а в руке у него был «кольт-кобра». Увидев Модести, он перешел на шаг, убрал оружие. Она заметила на его лице две глубокие складки от носа к уголкам рта. Глаза были усталые.

Они стояли и смотрели друг на друга. Неподалеку валялось два трупа, и каменистая земля была в лужах крови.

Хаган покачал головой. Пытка длилась долго, но теперь все же окончилась. Было томительное ожидание, были страхи. Телефонные звонки, спешные приготовления, стремительный переезд из Порт-Саида к военному аэродрому, ожидание людей Абу-Тахира, потом казавшийся нескончаемым перелет над Средиземным морем в планере, который тащился на буксире у транспортного самолета. Хаган вспоминал, как Таррант, удивительным образом забыв о декоруме, буркнул Абу-Тахиру: «Ни черта с вашими алмазами не случится, они-то прочные», а Абу-Тахир, поглаживая винтовку, отвечал: «Я тоже волнуюсь сначала за Модести, сэр Таррант». Потом вдруг Поль увидел сверху картину неравного боя на мысу и лишь после этого, выкинув из головы все лишнее, сосредоточился на посадке. Он вспоминал все эти кошмарные моменты, свои сомнения — не утратил ли он навыки, сумеет ли посадить планер, а затем удивление, когда, несмотря на все осложнения, планер все-таки приземлился и они вылезли из него целыми и невредимыми.

Еще полминуты назад надежда совсем угасла в груди Поля Кагана. Он превратился в ходячий призрак, слонявшийся между скал в

поисках ее бездыханного тела. Но теперь он снова ощутил себя человеком из плоти, крови, мускулов, костей. Он чувствовал теплые солнечные лучи, падавшие ему на лицо, радовался утру.

Модести улыбалась ему слегка неуверенно, словно не сразу узнала его. Ее лицо было в ссадинах, перепачкано пылью, руки сделались совершенно черными. Она стояла перед ним в ботинках без каблуков, свитер был порван, и на брюках зияла дыра. Влажные волосы прилипли к голове, но все-таки они свободно спускались до плеч. У Модести был вид подростка, увлекшегося игрой на дворе среди мусорных ящиков.

— Боже правый, — медленно сказал Хаган. — Ну как такое милое создание могло уговорить меня затащить его в кровать?

Усталость обволакивала Модести серой пеленой, но все же она ослепительно улыбнулась.

— Ты застал меня врасплох, — сказала она. — Я не ожидала вас так рано. Да и утро выдалось напряженное.

Он обнял ее и наклонился, чтобы поцеловать в губы. От нее пахло потом и порохом, и это сочетание удивительно его возбуждало. Он взял ее за руки и вдруг словно окаменел, увидев на рукаве свитера запекшуюся кровь.

— Это не моя, — ответила Модести на его безмолвный вопрос. — Это Вилли.

— Серьезное ранение?

— В бедро. Могло быть и хуже. Но все равно надо им сейчас заняться.

— El sayide! — воскликнул Абу-Тахир, подходя к ним в сопровождении Тарранта и троих арабов. Лицо шейха светилось возбужденной радостью. — Большое было сражение, — сказал он, крепко обнимая Модести. — Сэр Таррант очень за тебя волновался, Модести, но я все говорил ему, что...

— Погодите, дорогой Абу-Тахир. Вилли Гарвин ранен. Мы еще успеем поговорить попозже.

— А! — воскликнул шейх, тревожно глядя на Модести. — Куда идти?

— Вон туда. — Она улыбнулась Тарранту, и его взгляд сообщил ей о многом. У края впадины они остановились. Вилли, опершись на локте, обшаривал карманы убитого боевика.

— Привет, Вилли, — сказал Хаган. Вилли поднял голову, и в его тусклых глазах вдруг загорелась надежда:

— Покурить не найдется? — спросил он. — А то этот кретин, похоже, решил завязать.

Таррант сидел на стуле под южной стеной монастыря и грустно смотрел через вымощенный двор на голубые морские дали, сверкавшие под лучами полуденного солнца. Вокруг стояла тишина, и у него перестало ломить тело, отпустила головная боль.

Из дверей появилось двое арабов. Они несли труп, завернутый в одеяло. Арабы пересекли двор и положили свою ношу рядышком с другими, также завернутыми телами. Семнадцать, автоматически отметил Таррант и подумал: успели ли они снять тело миссис Фозергилл из петли?

Арабы снова прошли в монастырь. Работы у них оказалось по горло. Абу-Тахиру и его людям нужно было поскорее привести все в порядок. Монахи соорудили нечто вроде полевого госпиталя.

Таррант посмотрел на часы. Если все будет идти как положено, а британский посол в Каире и его коллега в Стамбуле сделают свое дело, то в самое ближайшее время к острову подойдет турецкий военный корабль. Турки — реалисты и, скорее всего, закроют глаза на случившееся, приняв объяснения людей Абу-Тахира, почему они оказались на этом острове. Таррант решил, что ему надо потолковать со старым разбойником — пусть пообещает отреставрировать монастырь. Такое обещание может сослужить всем хорошую службу.

Впрочем, его собственное положение оставалось в высшей степени щекотливым. Посол в Каире категорически запретил ему участвовать в высадке с планера. Это дело Абу-Тахира как правителя суверенного государства Малорак, подчеркнул его превосходительство. И совершенно неуместным было бы появление там сотрудника секретной службы ее величества.

Тогда Таррант промолчал, но не выполнил инструкций посла на том основании, что имел распоряжение от министра находиться в непосредственном контакте с Абу-Тахиром. Что ж, от него могут потребовать подать заявление об отставке. Или вручат букет цветов. Все зависело от реакции турецкой стороны.

Таррант улыбнулся про себя и подумал: чем бы все это ни закончилось, Джек Фрейзер умрет от зависти, когда узнает, как

развлекался его шеф.

Из монастыря вышел Хаган, Таррант придвинул ему второй стул.

— Монахи трудятся в поте лица, — сказал Поль. — У них тут неплохая хирургическая бригада.

— Как Вилли?

— Они только что закончили обрабатывать его рану. Сейчас Модести привезет его. — Хаган сел и посмотрел на Тарранта. — Плохо получилось с Габриэлем и с этим его Макуиртером.

— Модести не удивилась, когда узнала, что они сбежали, — сказал Таррант, пожимая плечами. — Габриэль из тех, у кого всегда есть куда скрыться. Вы не выяснили, какое плавсредство он прятал в скалах на западной оконечности острова?

— Семнадцатифутовый катер с двумя спальными полками. И большим запасом горючего. Если они доберутся до сирийского побережья, то я гроша ломаного не поставлю на то, что их можно будет там схватить.

Таррант кивнул. Затем спросил:

— А Модести не беспокоится, что Габриэль остался на свободе? Я имею в виду в смысле собственной безопасности?

— Нет. — Хаган закурил сигарету и добавил: — Она вообще мало беспокоится о том, что будет завтра или послезавтра. Кроме того, по ее словам, Габриэля интересует только то, что приносит барыш. Так уж он устроен.

Какое-то время они сидели и молчали, потом Хаган спросил:

— Ну и как, по-вашему, она когда-нибудь еще согласится на вас поработать?

— Когда-нибудь, наверно. Только не в ближайшее время. Модести ведь не мой агент, как вам прекрасно известно. Она не принадлежит никому.

— Это точно, — кивнул Хаган. — Никому. А кстати, на вас вообще работают много женщин?

— Кое-кто работает. И кое-кто очень даже неплохо. Но они курсируют не в таких бурных водах. — Таррант обвел рукой остров, намекая на все, что тут произошло.

— Рад это слышать, — отозвался Хаган. — Потому как эта работа не для женщины. Да и в общем-то, если вдуматься, не для мужчины тоже.

— Я не подозревал об этом, когда уговаривал ее принять участие в операции, а когда до меня наконец дошло, как это опасно, она уже не согласилась выйти из игры. Но она оказалась права, Хаган. Ловля на живца принесла свои плоды.

— На этот раз, может быть. Но в следующий раз все может закончиться печально.

— Это часть моей работы — рисковать жизнью других... — грустно отозвался Таррант. — Неприятная часть, поверьте. Но я вынужден пользоваться наиболее совершенными инструментами из имеющихся в наличии. Если снова возникнет в ней необходимость, я постараюсь воспользоваться ее талантами — если, конечно, она согласится. Дело в том, что она просто уникальна, Хаган. — Он посмотрел на своего собеседника и продолжил: — Вы сами знаете почему. Можно, конечно, взять девушку из университета или из машбюро, обучить ее всем необходимым приемам разведчика и боевика и получить неплохого агента. Но нельзя таким вот образом воспитать новую Модести Блейз. Ее создали уникальные задатки и двадцать с лишним лет тяжелой жизни. Жизни, которую она вела чуть не с пеленок.

Во дворе появилась Модести. Она толкала старинное инвалидное кресло, в котором сидел Вилли Гарвин. Вилли был чисто вымыт и облачен в длинную белую ночную рубашку. Под рубашкой бугрилась плотная повязка на раненом бедре. Модести тоже успела вымыться. Она переделалась в то, что нашла в одной из келий, где расположились люди Габриэля: на ней была великоватая желтая рубашка, серые брюки, подвернутые снизу, и большие сандалии. Волосы перехвачены резинкой. На лице — ни следа косметики.

Лицо Вилли было очень бледным, но глаза сияли. Перенесенная недавно боль отогнала усталость.

— Ну полчасика, Принцесса, — просительно говорил он. — Разве нельзя немножко посидеть на солнышке?

— Ну ладно, полчаса можно, — согласилась Модести и подкатила кресло к Тарранту и Хагану, которые поднялись при их появлении. — Но потом спать без разговоров.

— И тебе тоже надо поспать, Принцесса.

— И мне тоже, — согласилась Модести. Она посмотрела на Тарранта. — Вы не посидите с Вилли полчаса?

— С удовольствием, моя дорогая. — Он глянул на ровный ряд трупов на каменных плитах двора. — Нам потом будет о чем поговорить. У вас, видать, выдалась трудная ночь.

— Все началось тихо, — отозвался Вилли, — а вот потом уж пошла потеха. — На его лице мелькнула тень тревоги. — Надеюсь, мы не очень перепугали этих симпатичных стариков монахов? Как вы полагаете, сэр Джи?

— Думаю, нет, — отозвался Таррант. — Учитывая обстоятельства... Как-никак, видел я нечестивца грозного, расширявшегося подобно укоренившемуся многоветвистому дереву. Псалом тридцать шестой...

Вилли недоверчиво уставился на него.

— Понятия не имел, что вы тоже сидели в кутузке! — воскликнул он, и Хаган расхохотался.

Модести посмотрела на Вилли и покачала головой.

— Что у тебя с волосами? Кошмар какой-то! — воскликнула она. — Ты похож на промокший подсолнух. — Она вытащила маленькую расческу и стала водить ею по шевелюре Вилли, приводя ее в порядок. — Ну вот, так-то лучше.

Затем она убрала расческу, достала пачку сигарет, коробку спичек и положила их на колени Вилли.

— Что-нибудь еще, Вилли-солнышко?

— Нет, Принцесса, спасибо.

— Точно?

— Точно. Дай нам потолковать с сэром Джи о кутузках, в которых мы сживали.

Она улыбнулась, потрепала Вилли по плечу и, подойдя к Хагану, взяла его под руку. Таррант смотрел, как они идут через дворик. Потом они исчезли за аркой и, оказавшись за монастырем, стали медленно подниматься по склону.

— Ну как, не больно, Вилли? — спросил Таррант.

— Нет, эти монахи молодцы.

— Я не про ногу!

Вилли посмотрел туда, куда смотрел Таррант, — на две фигуры на склоне, затем удивленно покосился на Тарранта.

— С какой стати? Она имеет право.

— Верно. Но мне кажется... — Таррант неуверенно повел руками и замолчал.

— Я на другой странице книги, — сказал Вилли. Он зажег сигарету и сонно-блаженно затянулся. — Но если разобраться, то ему хотелось бы быть на моем месте, а не на своем...

— Возможно, — отозвался Таррант. — Вам повезло, Вилли.

— Знаю. — Вилли качнул головой в сторону монастыря. — То, что есть у меня, другим не купить даже за два ящика этих самых алмазов, сэръ Джи.

Какое-то время они молчали, потом Таррант спросил:

— Как, по-вашему, я не потерял Хагана?

— Нет, — невнятно отозвался Вилли. — Если и потеряли, то ненадолго. Во всяком случае, ему понадобится время, чтобы закончить портрет.

— Не более того?

— Она не любит быть на привязи. — Вилли еле закончил фразу, глаза его закрылись, голова упала на грудь. Таррант наклонился и извлек из его пальцев не потухшую еще сигарету.

Модести сидела рядом с Полем Хаганом на вершине холма. Ее глаза, подернутые пеленой усталости, следили за чайкой, кружившей над морем.

— Покурить хочешь? — спросил Хаган.

— Нет, милый, я посижу так. — Она посмотрела на желтую рубашку, на большие, не по размеру брюки и сокрушенно покачала головой. — Да, теперь мне, пожалуй, никогда не затащить тебя в постель.

— Кто знает, меня уговорить нетрудно.

Она бросила в него камешком и снова посмотрела на море.

— В Каире... — мечтательно проговорила она, — я знаю отличного парикмахера. И в отеле у меня чемодан всяких тряпок.

Там есть платье, которое я не надевала ни разу. Темно-красное, с очень смелым декольте. Таких ты не видал. И еще у меня есть серьги-подвески, туфли на высоком каблуке, огромные запасы духов и косметики...

— Продано! — воскликнул Хаган. — Теперь тебя уже ничто не спасет.

— Надеюсь. — Она улыбнулась своей озорной улыбкой. — Мы найдем место, где никто не услышит моих стонов.

— Хорошо бы еще там был запас еды на неделю. Модести кивнула, потянулась и, положив голову на колени Полю, сказала:

— Если я не проснусь сама, растолкай меня через полчаса. Мне надо заняться Вилли.

Хаган почувствовал, как она вдруг расслабилась, а дыхание стало мерным, спокойным. Он коснулся пальцем ее шеи, проводя ту самую линию, которая никак не покорялась его кисти.

В монастыре зазвонил колокол. Модести и не пошевелилась. Положив ей руку на талию, Хаган смотрел на чайку, дивился свободе ее парения и слушал колокол.

Он знал, что колокол звонит по нему. По тому, что случится с ним через какое-то количество дней и ночей, когда она уйдет, а он начнет умирать.

Но пока что он не собирался умирать. Его рука коснулась ее груди.

Пока что он собирался жить.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечание

1

Т. е. говорит с простонародным акцентом лондонского предместья (кокни).

2

Фешенебельная квартира в надстройке на крыше дома.

3

Большой мягкий диван.

4

Металлический стул с кожным сиденьем.

5

Гибридный язык на основе английского в ряде азиатских государств.

6

Американская киноактриса, известная размерами своего бюста.

7

Английский разведчик начала XX века, действовавший на Ближнем и среднем Востоке.

8

Так назывался корабль, обнаруженный в 1872 г . в Атлантике. Корабль был в полном порядке, но на борту не оказалось ни одного человека. Что стало с членами экипажа, разгадать так и не удалось.